

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

МАЙКЛ
ИННЕС

ПАНИХИДА
ПО СОЗДАТЕЛЮ

ОСТАНОВИТЕ
ПЕЧАТЬ!

Золотой век английского детектива

Майкл Иннес

**Панихида по создателю.
Остановите печать! (сборник)**

«АСТ»

1938, 1939

УДК 821.111-312.4
ББК 84 (4Вел)-44

Иннес М.

Панихида по создателю. Остановите печать! (сборник) /
М. Иннес — «АСТ», 1938, 1939 — (Золотой век английского
детектива)

ISBN 978-5-17-085972-6

Шотландский землевладелец Рэналд Гатри погибает при
невыясненных обстоятельствах, упав с башни своего старинного
замка. Возможно, это было самоубийство, однако полиция уверена:
Рэналда убил возлюбленный его приемной дочери, чтобы тот не смог
помешать их неравному браку. Но прибывший на место преступления
инспектор Джон Эплби считает, что причина случившегося кроется
в загадочной смерти брата-близнеца Рэналда в Австралии...
Популярный автор криминальных романов Ричард Элиот напуган:
его любимый персонаж, король преступного мира по прозвищу
Паук, ожил в самом буквальном смысле слова. Некто, называющий
себя его именем, не только совершает одно дерзкое ограбление за
другим, но и начинает настоящую травлю Элиота и его семьи. Кто
же он? Сумасшедший фанат или завистливый коллега писателя? И
главное, откуда он знает детали даже тех романов, которые еще не
были опубликованы? Сэр Джон Эплби начинает расследование...

УДК 821.111-312.4
ББК 84 (4Вел)-44

ISBN 978-5-17-085972-6

© Иннес М., 1938, 1939

© АСТ, 1938, 1939

Содержание

Панихида по создателю	7
Часть I	7
Часть II	52
Часть III	91
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Майкл Иннес

Панихида по создателю.

Остановите печать!

*Все персонажи этой книги являются вымышленными и не имеют
никакого отношения к реально существующим людям.*

Michael Innes
LAMENT FOR A MAKER STOP PRESS

Перевод с английского И.Л. Моничева
Серийное оформление и компьютерный дизайн В.Е. Половцева

Печатается с разрешения Peters, Fraser & Dunlop и литературного агентства The Van Lear Agency LLC.

Майкл Иннес (настоящее имя – Джон Иннес Макинтош Стюарт, 1906–1994) – известный английский писатель и литературовед. Его перу принадлежат монографии о У. Шекспире, Р. Киплинге и Т. Харди. Однако международную известность ему принесли именно интеллектуальные детективы, которые он публиковал под псевдонимом Майкл Иннес. Так, его романы «Смерть в апартаментах ректора» и «Гамлет, отомсти!» вошли в антологию Хорхе Луиса Борхеса «Седьмой круг». Всего Майкл Иннес написал около 50 детективов.

Панихида по создателю

Часть I Рассказ Эвана Белла

1

Как станет очевидно из нижеследующего повествования, мистер Уэддерберн, стряпчий из Эдинбурга, настолько же хитер, насколько благороден – и чтобы выжить и заработать себе на хлеб насущный в среде юристов, ему воистину требуется все коварство, позанимствованное, как принято считать, Евой у Змея. Ловок он, ничего не скажешь. И вот вам первое тому подтверждение: я – Эван Белл, простой башмачник из Кинкейга¹ взялся за перо для сочинительства, а все потому, что мистер Уэддерберн сумел найти ко мне правильный подход.

Вот как это случилось.

Мы вдвоем сидели в отдельном кабинете «Герба» за стаканами пунша, который пили исключительно ради здоровья. Потому как, поверьте на слово, именно в те дни валило столько снега, а декабрь обдувал наши края такими студеными ветрами, что мне оставалось лишь радоваться согревающему пуншу и потрескиванию дров в хорошо растопленном камине. Так мы сидели, снова и снова пережевывая подробности всего этого странного дела – а такого уж точно никогда не случалось у нас прежде, – и мистер Уэддерберн, подняв на меня взгляд, сказал:

– Мистер Белл, мне все это напоминает сюжет романа как ничто другое.

– В самом деле, мистер Уэддерберн, – ответил я. – Ваша правда. Мне кажется, что от начала до конца в таком деле не могло обойтись без козней дьявола.

Он улыбнулся своей обычной лукавой улыбкой. А улыбается он так, что порой мнится: он уловил шутку там, где другие не увидели бы ничего забавного. Но потом посмотрел очень серьезно мне прямо в глаза и произнес:

– Полагаю, вы могли бы сочинить на этой основе необычайно хорошую книгу, мистер Белл. Почему бы вам не попробовать написать ее?

Меня его слова удивили до крайности. «В какое необычное время мы живем, – подумалось мне, – раз наш учтивый адвокат заводит такие речи с одним из старейшин церкви Кинкейга!» Игра воображения в большинстве случаев есть греховный соблазн, если только она не используется для благих целей и не сопровождается молитвой о ниспослании вдохновения свыше. И вот, представьте, передо мной сидел мистер Уэддерберн, склоняя меня, словно я прирожденный романист, написать обо всем случившемся не в целях укрепления моральных устоев общества, а только потому, что история сама просилась на бумагу!

Мистер Уэддерберн всегда отличался некоторой эксцентричностью, хотя в делах он был весьма основательным, но это его предложение поразило меня как нечто уж слишком легкомысленное. И я заявил, что не гожусь для такого занятия, поскольку по сути остаюсь простым и уже сильно постаревшим сапожником.

¹ Действие романа происходит в Шотландии в середине 30-х гг. XX в. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Как сказать, мистер Белл, – возразил он. – Всем известно, что по своей учености в этом приходе именно обувной мастер стоит на третьем месте после священника и директора школы.

– Но о нем ходят также слухи, что он, вероятно, атеист, – сухо ответил я, – хотя не всем слухам можно верить.

И все же его слова пришлись мне по нраву. Отчасти потому, что он назвал меня «обувным мастером», на старый лад. Пусть Уилл Сондерс меняет над своей лавкой вывеску и из «мясника» превращается в «семейного поставщика мясопродуктов». Я был и останусь в Кинкейге обувных дел мастером. А еще меня приятно поразила справедливость его высказывания. Впрочем, он выразился не совсем точно. Ведь если сейчас в лице настоятеля церкви доктора Джерви мы действительно имеем ученейшего мужа, то главы нашей школы никогда прежде этим не отличались. Тем более ныне, когда на смену директорам-мужчинам стали присылать ненадежных молодых дамочек: визг директрисы школы Кинкейга теперь перекрывает любой шум, который издают все ученики, вместе взятые. Как только уши выдерживают! И хотя мисс Стракан – так ее величают – может похвастаться дипломом Эдинбургского университета, знаний у нее маловато в сравнении с прежними директорами. Я, заметьте, даже как-то хотел поспорить, когда она заявила, что Плутарх писал книги на латыни, вот только ей удалось сразу сменить тему. Но при этом она очень довольна собой. В Эдинбурге она накропала какую-то брошюрку (у них это именуется диссертацией) под названием «Синематограф как визуальное учебное пособие» и гордилась так, словно из-под ее пера вышла «Логика» Бэйна или «Риторика» доктора Хью Блэра. Помню еще, как Роб Юл спросил, что такое «визуальное пособие», а потом, не дав ей и рта раскрыть, влез с шуткой Уилл Сондерс: «Понимаешь, это когда Сусанна показывает свои прелести старцам»². Немного неприлично вышло, и дамочка надулась, но такой уж он по натуре, наш Уилл – грубоват, что есть, то есть.

Но из моей истории не выйдет толка, если я буду все время отвлекаться на такие анекдоты.

Честно сказать, я и сам, как любой в нашем приходе, признавал, что если кому и описывать происшедшие события, то именно мне. Не стоит ожидать этого от доктора Джерви, чья ученость направлена на исполнение значительно более важных обязанностей. И правда в том, что меня никак не назовешь малограмотным человеком, поскольку еще сорок лет назад я взял за основу руководство сэра Джона Лаббока «Сто лучших книг», изучив их все, причем сомневаюсь, чтобы хоть одна из девиц с дипломом колледжа сделала то же самое. Но тем не менее я скромно заметил мистеру Уэддерберну:

– Ne sutor ultra crepidam.

Так, представьте, древние римляне советовали согражданам заниматься лишь своим непосредственным делом, то есть «Всяк сверчок знай свой шесток». И не могу сказать, что эта вовремя пришедшая на память поговорка изменила мое умонастроение в лучшую сторону. Мне думалось, что те дни миновали, и ну их к черту – лучше поскорее забыть обо всем.

Но в ответ на мою скромную латынь мистер Уэддерберн и бровью не повел, а лишь продолжил наседать на меня:

– Да вы только начните, мистер Белл, а уж мы потом найдем других, которые дополнят ваш труд и изложат свою точку зрения.

– Включая и вас самих, мистер Уэддерберн, – сразу же ввернул я фразу в надежде, что так он быстрее поймет бессмысленность этой затеи.

– Разумеется, – кивнул он и сделал, между прочим, свою часть работы прекрасно.

Но обо всем по порядку.

² Речь идет о ветхозаветном сюжете, вдохновившем на создание картин многих известных живописцев.

Я все еще пребывал в глубоких сомнениях.

– Страшновато, – признался я, – братья за перо после сэра Вальтера.

– Пусть он послужит нам примером, мистер Белл. И мы попытаемся, подобно ему, сохранить анонимность. Помните, что Локхарт писал о таинственности, которой умел окружать себя Великий Рассказчик?³

Не скрою, мне польстило, что собеседник как бы заведомо знал о моем знакомстве с сочинением Локхарта «Биография сэра Вальтера Скотта». Но и при этом я бы, наверное, воздержался от участия в данном предприятии, если бы меня не сгубило тщеславие. Ибо я уже собирался сказать твердое «нет», когда, уж поверьте, совершенно случайно мне пришлось на ум другое латинское слово.

– Мистер Уэддерберн, – заявил я, – мне придется взять время на *avizandum*.

К этому термину его друзья из числа судей в Эдинбурге прибегают, если не осмеливаются принять окончательное решение, не обдумав его хорошенько, и откладывают вынесение приговора на день. Он только рассмеялся в ответ, и мы договорились встретиться еще раз тем утром, когда он собирался отправиться на юг страны.

И пока он ждал автомобиля, который должен был доставить его через занесенные снегом дороги до железнодорожной станции, мне стало известно немного больше о его задумке. Он сказал, что есть у него молодой друг, не слишком удачливый писатель, сочинявший странных историй и нечто вроде мистерий о людях, с которыми он никогда не встречался, и о событиях, не совсем правдоподобных. И хотя происшествие с Гатри представлялось внешне вполне реальным, присутствовало в нем и нечто неестественное, а значит, как раз такой автор мог разобраться в нем лучше других. Поэтому мистер Уэддерберн решил передать ему все материалы в виде нескольких рассказов, написанных разными людьми, чтобы он обработал их по своему усмотрению: либо просто отредактировал, либо создал на их основе самостоятельное произведение. При этом ему будет поставлено жесткое условие (совершенно, на мой взгляд, необходимое) непременно изменить как наши имена, так и не ссылаться на Кинкейг, чтобы не добавлять нашему городку дурной славы, которой и без того предостаточно.

Что ж, теперь план показался мне вполне благонамеренным и даже способным извлечь хотя бы немного добра и пользы из злого дела. Короче говоря, я дал мистеру Уэддерберну обещание. И ниже приступаю к отчету о событиях, повлекших за собой смерть Рэналда Гатри. Начну я, следуя совету всем известного поэта Горация *in medias res*⁴, а потом вернусь к более раннему периоду. Но ежели молодой друг мистера Уэддерберна из Эдинбурга не согласен с Горацием, пусть сам расставит все по местам.

2

Когда из долины Эркани пришло известие, что Рэналд Гатри покончил со своей безбожной жизнью, в Кинкейге оно мало кого опечалило. Человек благородных кровей, он долгие годы считался неотесанным грубияном и с незапамятных времен жил одиноко, как ворон. Наш предыдущий священник привык величать его «отшельником». И все помнили тот случай, произошедший много лет назад, когда сей служитель церкви отправился в долину, чтобы навестить Гатри и попросить пожертвовать денег на благотворительность. Одни говорили, будто бы Гатри, решив, что священник явился распекаль его за вечно пустую скамью, принадлежавшую ему в церкви, выстрелил в гостя из ржавого охотничьего ружья. Другие утверждали, что он спустил на святого отца свору собак, а третьи были уве-

³ Первые романы Вальтера Скотта выходили без указания имени автора, и свой секрет он раскрыл публике только в 1827 г.

⁴ С сути дела (*лат.*).

рены, что священника атаковали тамошние крысы, а они, доложу я вам, в Эркани невиданных размеров, и слухи о них распространились далеко за пределы наших краев. Но что бы там ни было – ружье, собаки или крысы, – а над священником потешался весь Кинкейг, потому как предшественника доктора Джерви наш народ не больно-то жаловал. Но если священника недолюбливали, то Рэналда Гатри просто ненавидели. Хотя, казалось бы, странно: святой отец вечно таскался по домам, кричал у порога: «Есть тут кто живой?» – и входил без разрешения, ожидая, что ему нальют стаканчик, а Гатри держался особняком и никому не досаждал. И все же ненавидели само его имя, таким он был мерзопакостным человеком.

Никто во всей округе не мог с ним сравниться в неприглядных делах, а ведь у нас хватало и других не слишком-то достойных сограждан. Тот же Роб Юл, собирающий тучный урожай с прекрасных полей вдоль Дрохета, у которого денежек водится побольше, чем у многих, отличается редкостной скаредностью. Везет, допустим, телега его муку с мельницы. Так он непременно идет сзади, покрикивает на возницу, чтобы был осторожнее, а если самая малая толика муки просыплется на землю, так у него всегда с собой совок бакалейщика, чтобы собрать все вместе с грязью. Или взять, к примеру, Фэйрбайрна из Гленлиппета, чью жену так скрутил ревматизм, что она превратилась в инвалида. Но будучи женщиной религиозной и непрременной участницей всех церковных хлопот, она купила мужу машину, чтобы тот всегда мог отвезти ее в «Доркас»⁵ или еще куда по разным надобностям. И конечно, Фэйрбайрн с радостью добыл себе шоферские права всего за четвертак – ведь он на десять лет моложе супруги и питает определенные надежды на будущее. Но ни Роб Юл, ни Фэйрбайрн и близко не стояли по своей зловредности с Рэналдом Гатри, занимавшим такое же место среди аристократии, какое Роб – среди простонародья, хотя сам был когда-то, как о нем судачили, человеком большой учености. Среди всех обитателей окрестных долин об одном Рэналде Гатри вы могли с полным основанием сказать, что он такой же пакостник, какими бывают только англичане. От него пострадал в Кинкейге почти каждый, потому как ему принадлежала земля на многие мили в округе, а его управляющий, гнусное существо по фамилии Хардкасл, с радостью давил и притеснял арендаторов, для чего и был нанят на службу. И когда пришла новость, что Гатри сам лишил себя жизни, многие не скрывали радости, а горевавших можно было по пальцам пересчитать. Те, которые радовались, несомненно, надеялись, что следующий землевладелец окажется лучше прежнего. А те, кто огорчился – люди, наделенные искрой воображения, – сожалели на самом деле лишь о том, что Гатри не забрал с собой своего гаденыша Хардкасла, чтобы тот продолжал давить и притеснять от его имени и дальше, но только в том месте, которое уж точно было уготовано хозяину среди проклятых душ в преисподней. Но Хардкасл оставался жив и здоров, словно только что родился из поганого чрева своей мамы, а в глазах у него светился огонь, который, как отметил наш полисмен Лори, говорил, что он не только спокойно переживет эту трагедию, но еще и нагреет на ней руки. Вот почему, стоило пройти слуху, будто со смертью Гатри не все чисто и сам шериф приедет в Кинкейг, чтобы разобраться и установить истину, как у нас сразу же кое-кто начал предсказывать: болтаться, мол, скоро Хардкаслу на виселице, не иначе. А когда странностей стало больше, и пустили сплетню о том, что случилось с трупом, все кому не лень стали предрекать виселицу молодому Нейлу Линдсею, хотя многие в приходе по-прежнему считали и это делом рук Хардкасла. Старик Спейрз, начальник станции, которого в шутку звали Великим Мыслителем, поскольку он читал английские газеты, не уставал твердить, что Хардкасл точно причастен к смерти хозяина и попадет под подозрение как пить дать. Старина Спейрз набрался знаний из уголовного кодекса с тех пор, как начал получать для доктора Джерви сочинения Эдгара Уоллеса⁶, и каждый вечер в «Гербе»

⁵ Женское благотворительное общество.

⁶ Английский писатель и сценарист, считающийся основоположником жанра криминального триллера (1875–1932).

разглагольствовал перед толпой выпивох, а те слушали его рассказы как мудрые изречения Соломона. Впрочем, я снова теряю нить повествования.

3

Та зима выдалась суровой. В день похорон свинцовые облака начали сгущаться позади Бен-Кайли – горы, заснеженная вершина которой ослепительно сияла под ранними лучами утреннего солнца. Потом небо потемнело, и часам к одиннадцати, как раз, когда священник начал поминальную службу на кладбище, упали первые снежинки. Причем, даже судя по тому, как они ложились на рукава рясы святого отца, становилось понятно, что снег сразу не растает. Кое-кто подумал, что из-за снегопада священник прервет молебен, но он продолжал как ни в чем не бывало. Некоторые открыли зонты, а женщины, среди которых преобладали вдовы, плотнее закутались в шали и, мыслями обратившись кто на двадцать лет назад, а кто и дальше, затаили псалом номер сто двадцать один.

Возведох очи мои в горы,
отнюдуже приидет помощь моя...

И сладко и жутко звучали эти слова, потому что уже нельзя было разглядеть никаких гор. Ни Бен-Кайли, ни окружающих холмов, и весь мир превратился в непознаваемый символ веры в то, что невозможно увидеть. А потом снежинки повалили еще гуще, больше не кружась в полете, падая отвесно, и пение зазвучало так, словно доносилось издалека. Церковные службы на открытом воздухе в Шотландии настолько волнуют умы и души, порождают такое смятение, что проводятся в наши дни очень редко. Мы, видать, досыта нахлебались этих чувств во времена Торжественной лиги и Ковенанта⁷.

Суровая погода установилась с одиннадцатого ноября. В тот день снег шел редкий и такими крупными хлопьями, что в большинстве своем народ не верил, будто он задержится надолго. Думали, к утру и следа не останется. Но в холодном и неподвижном воздухе сугробы пролежали две недели, и под тяжестью снега ветви деревьев клонились до самой земли. А затем действительно наступила оттепель, которую принесли шторм и ураганный ветер, способный снова разрушить мост через залив Тай⁸, с убийственной силой прошедший по долине и повредивший кровлю бастионов замка Эркани. Но хуже всего, что как только пахотная земля оголилась, вновь ударил сильный мороз, и пришла так называемая «черная зима».

Снег снова выпал только к середине декабря к вящей радости детишек, которым так нравится белое Рождество, казавшееся теперь неизбежным. Но время шло, а снег все шел день за днем без перерыва, и наиболее ушлые из жителей Кинкейга стали запасаться впрок провизией, а окрестные фермеры озаботились, чтобы хватило силоса для скота. Великий Мыслитель предрекал рекордно холодную зиму и раздолье для любителей игры в керлинг. А лучше всего приходилось тем, кто на зиму от скуки запасался томами Эдгара Уоллеса и Анни Сван – книги не коровы и не требовали ни ухода, ни затрат на пропитание.

Когда же снегопад прекратился, мы заранее знали, что придет новый, и наш городок окажется полностью отрезанным от мира. Потому что, хотя в стране уже появилось достаточно снегоуборочных машин, до таких отдаленных мест, как Кинкейг, они добираются даже сейчас, ой, как нескоро. Вот мы и проводили свои дни в полной праздности. Кто-то брал кусок наждачного камня и точил косу к будущей весне, а большинство фермеров просто

⁷ Договор, заключенный между Шотландией и Англией в XVII в., положивший начало объединению их церковей.

⁸ Железнодорожный мост в устье реки Тай рухнул в 1879 г.

грели брюхо у веселых огней домашних очагов и качали головами над каталогами тракторов, которые присылали им от Генри Форда. А снег обыкновенно приносит еще и тишину, плотно сгустившуюся вокруг нас. По всем долинам не доносилось ни звука, только порой тревожно кричали чибицы, словно жалуясь на свою судьбу занесенной снегом земле, да порой с одного из дворов слышалась недолгая суэта, когда хозяйка ловила курицу, чтобы свернуть ей шею и приготовить семье на обед. В рождественское время люди всегда как будто живут предчувствиями и ожиданиями чего-то, и так было с первого года от Рождества Христова. И уж, само собой, многие задним умом крепки, чтобы начинать потом похвально, будто предчувствовали что-то, хотя сами не понимали, что именно, а все равно якобы было им наитие. Так вот, одна пожилая женщина утверждала, что когда священник читал молитву ангелам-вестникам, а она как добрая христианка пыталась вообразить себе этих самых ангелов, какими их рисуют на открытках, привиделся ей, дескать, полоумный Таммас, бежавший, петляя, по снегу из Эркани и бормочущий что-то про убийство. Она, понятное дело, сразу ни с кем своим видением не поделилась, посчитав его греховным, а стала рассказывать всем и каждому через неделю, уже после того, как страшное дело действительно случилось. А была это миссис Макларен – жена кузнеца, у которой, как говорил начальник станции, имелся талант к саморекламе, как это принято сейчас называть.

Да, природа объяла нас своей странной снежной тишиной, но уж зато языками в Кинкейге молотили с утроенной энергией, чтобы восполнить нехватку звуков. Так всегда бывает: чем меньше у людей работы, тем больше они начинают распускать сплетен и слухов. И наверное, никогда прежде не ходило столько разговоров именно про тот большой дом. Пусть замок Эркани и расположен на достаточном удалении от Кинкейга, это все равно резиденция самого крупного местного аристократа, ближе которой к городу нет ничего похожего. И многие фермерские семьи арендовали у его владельца землю. Понятно, почему о нем так часто заходила речь в праздных пересудах. Это было бы неизбежно, даже если бы он принадлежал к самой тихой и спокойной благородной семье во всей Шотландии – но тут мы имели дело с совершенно другими хозяевами. Гатри неизменно привлекали к себе внимание, заставляя окрестное население либо разражаться возмущенными криками, либо тихо перешептываться по углам. Об отваге и мужестве некоторых членов этой семьи слагали легенды, но и совершенные иными из них предательства гремели на весь мир. Сами обстоятельства появления их на свет сопровождались небылицами то о сумасшедшей любви, то о жестоком изнасиловании их женщин. Кровавые злодеяния, безумие и в то же время какой-то непостижимый экстаз либо бросали на семью мрачную тень, либо вдруг озаряли ярким светом. Истории многих древних родов содержат весьма колоритные страницы, но мало найдется таких, для которых подобный колорит служил бы постоянной отличительной чертой, как для Гатри. Они владели Эркани задолго до Реформации, и, если уж по-хорошему, дорогой читатель, то нам следовало бы начать всю историю еще с тех незапамятных времен. Но придется сосредоточиться на Рэналде Гатри и чучелах, поскольку именно это стало темой многочисленных сплетен в те снежные дни, что я уже начал описывать.

Рэналд Гатри был мужчиной мерзким, но мало кто в Кинкейге догадывался об истинно отвратительных чертах характера этого человека. И хотя каждому стала известна история о чучелах, гораздо больше слухов в народе породило то, как он обошелся с Гэмли, а сей случай лишь отчасти отражал всю низость и подлость Рэналда Гатри. Я же догадывался, что его жестокость граничит с умопомрачением с тех самых времен, когда американские кузены предприняли попытку доказать невеняемость своего шотландского родственника. И раз уж упомянул об этом факте, стоит остановиться на нем подробнее.

Года два назад к нам заявили двое англичан с бегающими глазками под шляпами-котелками и принялись наводить справки о Гатри по всему Кинкейгу. Они разговаривали с мужчинами за пинтой пива в «Гербе», беседовали с женским полом, которому, как

известно, и предлога не надо, чтобы мести языками, словно помелом, а ребятишкам раздавали мелкие монеты. Один из них заявился и ко мне тоже – хитрый, как лис, – и принялся выпрашивать, не припомню ли я чего странного в своем общении с Гатри? И уверен, этот тип готов был начать хрустеть фунтовыми бумажками у меня под носом, не осадил я его сразу же строгим взглядом. Уж мне ли было не знать, что Гатри малость не в себе! Только за неделю до того он прислал мне в мастерскую пару башмаков, у которых шнурки так перепутались и завязались в узлы, что мне пришлось вставить новые, а прежние сунуть внутрь, возвращая обувь владельцу. А через день прибегает полоумный Таммас со старыми шнурками в одной руке и с деньгами за мои услуги в другой. Причем этот Гатри вычел с меня полпенни за свои никуда не годные изношенные шнурки, которые мне всучил. «Ладно, получишь ты у меня скидку в следующий раз!» – подумал я. Но одно дело знать о граничащей с безумием скарденности владельца замка, и совсем другое – делиться информацией с каким-то проходцем из Лондона. Поверьте, тот ушел от меня несолоно хлебавши. Но только дело этим не ограничилось. Потому что неделей позже к нам нагрянула целая свора докторов.

Для Кинкейга это стало запоминающимся событием: прибытие машины, набитой медиками в черных плащах и цилиндрах, словно они в любой момент хотели быть готовыми к похоронам своих пациентов. Трое оказались из больницы на Морай-плейс в Эдинбурге, а четвертый, толстоватый такой дядечка, прибыл аж с Харли-стрит в Лондоне⁹. Они хотели взять с собой доктора Джерви. Тот отбрыкивался, как мог, но выяснилось, что его брат тоже работал в больнице на Морай-плейс, и пришлось священнику согласиться. Все вместе они отправились вверх по долине Эркани. О том, что произошло потом, в городе стало известно от Гэмли, который как раз явился тогда в замок, чтобы получить распоряжения от хозяина. Врачи пробыли в замке всего полчаса – именно столько, несомненно, понадобилось Гатри, чтобы понять, что вынюхивают пришлые эскулапы. А затем началось настоящее представление, и «церберы» имели к нему самое непосредственное отношение, поскольку в этот раз совершенно точно Гатри спустил на гостей собак. С воплями и криками бежали доктора из ворот, а потом по мосту через ров, причем толстяк из Лондона отстал от остальных, и самый злой из псов – простая дворняга, судя по описанию, – успел вцепиться зубами ему в задницу. Кое-как добравшись до машины, они вернулись потом в дом священника, а лондонский жирдяй ревел как мальчишка, которого отшлепала няня. И в тот же день этот покусанный тип, стоя за пюпитром доктора Джерви, написал подробный отчет для американских кузенов. Рэналд Гатри, писал он, мог бы обладать мягким и добрым нравом, если бы не получил травму головы при рождении. Ситуация с ним в дальнейшем усугубилась недостатком родительского внимания в годы формирования характера, когда что-то еще можно было бы исправить. Если же говорить о его нынешнем состоянии, то он превратился в крайне неприятного субъекта, страдающего заметным нервным расстройством. Однако это еще не давало оснований сразу же упечь его в психиатрическую лечебницу. Лондонский эксперт поделился и своим прогнозом на будущее. По его взвешенному мнению, состояние мистера Рэналда Гатри могло резко ухудшиться, а значит, его американским родственникам не стоило терять надежды. Но, с другой стороны, с такой же степенью вероятности оно могло склониться в сторону улучшения, или, если уж не исключать ни одного из вариантов, оставаться стабильным – иными словами, таким же, как и ныне. Засим светило с Харли-стрит отбыло восвояси, выставив счет, равнявшийся примерно одной гинее за каждую милю проделанного путешествия¹⁰, и приложил к нему заявление на компенсацию за причиненный ущерб здоровью, хотя дворняга не успела толком ничего ему отгрызть, и стыдно предъявлять претензии к псу за несостоявшийся ужин. Как бы то ни было, но на этом попытки американских кузенов

⁹ Улица, на которой расположены приемные самых известных врачей в столице Великобритании.

¹⁰ Расстояние от Лондона до некоторых областей Шотландии составляет более тысячи миль.

подмять под себя шотландские владения Гатри временно прекратились. В прошлом Гатри ловко обвел их вокруг пальца и тем самым поселил в головах планы мести.

Все это и чуточку больше я узнал от доктора Джерви, поскольку мы часто вместе готовим церковь к очередной службе и порой имеем возможность обсудить наиболее серьезные события, происходящие в нашем приходе. И, должен признать, не раз в наших беседах вспоминали мы об обитателях Эркани, потому что священника весьма беспокоила судьба молоденькой девушки, которую звали Кристин Мэтерс. Но об этом ниже, а сейчас я закончу о чучелах. Именно так, чтоб вы знали, называют у нас обычное английское пугало.

Как я уже упоминал, всем в Кинкейге было известно, что Гатри буквально одержим пугалами, торчащими посреди принадлежавших ему полей. Когда я говорю одержим, это значит, им владела навязчивая идея. Он вбил себе в башку, что один из парней, которые напяливали на крестовины старые брюки и пиджаки, мог по неосторожности или забывчивости оставить в кармане монету. Престранное, доложу я вам, это было зрелище, видеть, как богатейший землевладелец слоняется по полям от чучела к чучелу и роется по карманам в поисках мифических грошовых медяков. Причем так он ходил постоянно и мог обшарить одно и то же пугало три раза за день. Народ, узнав об этом, решил, что он точно сошел с ума. Но толстяк с Харли-стрит сказал твердо: нет. Он увидел лишь проявление невроза, *folie de doute*¹¹, но вовсе не признак помутнения рассудка, как не запишите вы сразу в сумасшедшие человека, который встает два раза за ночь, чтобы проверить, задвинул ли он засов на входной двери, хотя вроде бы должен точно знать, что задвинул. И, если судить со строго медицинской точки зрения, доктор был, конечно же, прав.

А то, что Гатри делал на собственных полях, он повторял и на землях арендаторов, и некоторые называли это браконьерством и незаконным вторжением, а иные доходили до утверждения, что по браконьерам закон разрешает стрелять без предупреждения. Самое странное заключалось в том, что Гатри питал не меньшее уважение к чужой собственности, чем к личной, и потому так необычно было наблюдать, как он со своей загадочной целью заходит на территорию арендаторов. А разница бросалась в глаза. Находясь на своей земле, он шагал прямо и уверенно, как если бы проверял, в порядке ли у него запруды или ограды. Но если речь шла о чужих владениях, то он мог стоять на меже аж десять минут, беспокойно осматриваясь по сторонам своими огромными глазами, в которых, как утверждали свидетели, появлялся при этом почти золотой блеск, а потом мгновенно срывался с места, подбегал к пугалу и обшаривал его быстро и бесшумно, как хорек. Он несказанно удивлял всех этой своей привычкой, но еще больше поражались те, кто прежде не знал, что Гатри был не какой-то простолюдин, а принадлежал к одной из наиболее знатных и древних семей Шотландии. Обыватели могли считать его мразью, но благородное происхождение все равно отчетливо в нем проявлялось. Если детишки начинали дразнить его, что делали довольно-таки часто, он никогда не то что не бросался наказывать их и не ругался последними словами, как поступил бы любой горожанин, а просто проходил мимо, словно ничего не замечая. Впрочем, иной раз он окидывал пространство вокруг себя таким взглядом, будто перед ним в воздухе возникал во плоти образ самого дьявола. И когда он выгнал со своей земли семейство Гэмли, слухов о его пакостной натуре, понятное дело, только прибавилось.

Место для замка Эркани было выбрано в стародавние времена по причине его неприступности. Он окружен отвесными скалами и камнями, а приусадебная ферма представляет собой лишь небольшой оазис посреди густой рощи лиственниц, где выращивают овес и турнепс. Роб Гэмли считался наемным управляющим фермы и вместе с двумя старшими сыновьями обрабатывал землю, за что ему платили жалованье и предоставили домик под жилье. Еще была у Гэмли молодая жена, его вторая, и от нее он тоже завел двух отпрысков. В своих

¹¹ Психоз сомнения (*фр.*).

поздних детях Роб, что называется, души не чаял: в этих худощавых близнецах – мальчике и девочке. Быть может, он чересчур баловал малышей, потому что именно из-за их бездумной шалости и начались у семьи неприятности. Однажды днем в конце октября, играя неподалеку от своего дома, они заметили хозяина имения, шагавшего через соседнее поле, тыкая тростью то туда, то сюда, что со стороны выглядело вполне разумно. Но даже эти ребятишки догадывались, куда он на самом деле направлялся, поскольку прямо перед ним высилось устрашающих размеров новое пугало, которое их отец установил пару дней назад. И тут маленький Джорди Гэмли – шалунишка по натуре, это уж точно, – проскользнул за оградой прямо к чучелу и спрятался позади него, просунув руки внутрь пиджака, напыленного на страшилище. И когда Гатри приблизился, Джорди начал размахивать руками, словно это само пугало вдруг оживо, и запел старую детскую песенку:

Придет страшная рука
И ухватит за бока!

Его сестра Элис, сидя за забором, заливалась смехом, Джорди вернулся к ней, и оба побежали со всех ног куда подальше, потому как, будьте уверены, побаивались Гатри и его злых глаз, страшились того, что он может с ними сделать за такую издевательскую шутку над собой. Но Гатри напрямик отправился к себе в замок, взял немного денег, вернулся в дом управляющего, высыпал серебро перед ним на стол, обозвал близнецов ублюдками, а для их матери нашел ругательство совсем уж неприличное, после чего дал семье двадцать четыре часа, чтобы они убирались с его земли на все четыре стороны. У Гэмли, наемного работника, не осталось выбора, кроме как уехать, и он уехал, не вымолвив тогда больше ни слова, как рассказывала его жена, а только расхаживая по дому и собирая вещи, с лицом бледным, как череп овцы, валяющийся в вереске и отбеленный солнцем и дождями. Ему и в голову не пришло наказывать близнецов, и жена даже испугалась такой слабохарактерности. Но злобу он, несомненно, все-таки затаил, но не на своих детей, а на Гатри.

Семейство Гэмли направилось в чужие края по ту сторону Бен-Кайли, и в десяти милях ниже тамошнего озера они взяли в краткосрочную аренду разработку месторождения глины на черепицу, однако с наступлением новых холодов выяснилось, что глина плохого качества. Кровельщики жаловались, что черепица не выдерживает напора ветра и дождей, но, даже имея кое-какие сбережения, Роб Гэмли не мог себе в то время позволить ничего получше. Все посчитали, что Гатри поступил с Гэмли не по-людски, и его имя стало еще более презираемо в Кинкейге. Старики с преувеличениями принялись вспоминать и рассказывать мрачные истории о жестокости и сумасшествии предков Гатри, а о членах семьи, отличавшихся добрым и мирным нравом, забыли вообще, хотя в роду и таких когда-то водилось немало. И снова пошли разговоры, что у Рэналда Гатри «дурной глаз», а это не более чем вздорное суеверие, распространенное среди одних только католиков да совсем темных жителей наших гор. Но так считала, например, миссис Макларен – та самая, которой явилось позднее видение Таммаса, – и всему Кинкейгу вновь пришлось выслушивать басни о том, что приключилось с ее свиньями.

4

В прежние времена некоторых из рода Гатри считали у нас колдунами. По одной легенде, в правление Якова I Александр Гатри наложил такое сильное заклятие на Джона Лорда Боллуэйна, главу клана Дугласов, что тот совершил измену и перешел на сторону короля. А про другого Александра распустили еще более невероятный слух. Когда его в наказание за соблазнение дочери некоего Кокрайна, фаворита при дворе Якова III, высадили

на необитаемый остров Мэй, где питаться можно одними яйцами чаек, он дескать завернулся в плащ, подбежал к морскому берегу и одним прыжком оказался на Басс-Рок, а другим – уже на Норт-Бервик Ло, чтобы на закате того же дня в безопасности почивать вместе с похищенной возлюбленной во Франции. И хотя самому Рэналду Гатри не приписывали таких чудодейственных способностей, за ним, как считалось, стояли богатые семейные традиции. Все знали, например, что он постигал неведомые науки, рыл ямы вокруг укреплений древних римлян, которые были заклятыми язычниками, собирал и записывал старинные руны – а что те руны не имели никакого отношения к ведьмовским песнопениям у котлов с отравленным зельем, так об этом на весь приход ведали только я и священник. И естественно, у Рэналда Гатри имелись глаза, но самые обычные, как и у всех членов его рода, в котором мужчины из поколения в поколение походили друг на друга, как Габсбурги или Стюарты на исторических картинах. Однако малограмотные и не слишком умные наши прихожане, подобно миссис Макларен, все равно опасались его колдовских чар, заклятий и вечно тревожились за благополучие собственных свиней и коров.

Должен вам здесь напомнить, что сам Макларен был у нас кузнецом. И через какое-то время после визита к нам медиков (а их злोकлючения заставили многих глупцов в городе снова заговорить о колдовской традиции владельца замка) у Макларена разгорелась жаркая ссора с Гатри из-за подков для ослика, которого в Эркани держали для Кристин Мэтерс. Любые контакты Гатри с обывателями Кинкейга – пусть и очень редкие – неизменно заканчивались бранью, а этот вылился в настоящий скандал. Потому что Макларен, справедливо взбешенный, что из оплаты его трудов удержали то ли шесть пенсов, то ли шиллинг, высказал все прямо в лицо Кристин, приходившейся лорду почти что дочерью. И хотя Гатри умел справляться с любыми проявлениями неуважения к себе, попросту игнорируя их, на этот раз он тоже разгневался не на шутку, по словам самого Макларена, а его жена пребывала в уверенности, что он затаил против них ненависть с того самого дня. Лично я не думаю, будто Гатри даже запомнил этот эпизод, и уж тем более надолго: если книга натур человеческих раскрыта перед вами и доступна пониманию, то вы легко разберетесь, что Гатри относился к тому типу людей, которых в жизни интересует и по-настоящему волнует какая-то единственная идея. Причем захватывает настолько, что все остальное подвергается забвению, и они мало что замечают из происходящего вокруг. Но миссис Макларен втемяшилось, что, будь у Гатри такая возможность, он непременно сглазил бы ее свинок. Считая Гатри самым злым человеком от Ферт-оф-Форта до Морья, а своих грязных хрюшек наиважнейшими существами на всем белом свете, эта простодушная женщина почитала естественным, что злодей непременно возжелает их уничтожить. Она дошла до того, что призвала доктора Джерви и священников из церквей в Мерви и Дануне организовать бдение, то есть не ложиться почивать одновременно, а по очереди бодрствовать и отпугивать нечистую силу от наших мест.

Ее свиноматок как раз осеменил боров Роба Юла, и хозяйка нарадоваться не могла на этих созданий, постоянно входила в хлев и вдыхала чудный для нее запах, как тот турист, что на плакатах рекламирует лечебные свойства озонированного воздуха в Нэрне, и выглядело это так, словно одна из свиней должна была родить по меньшей мере принца Уэльского. Как-то раз миссис Макларен наварила им огромный котел ботвиньи – ведь каждая свиноматка должна кушать за десятерых, все повторяла она, – а потом выкатила котел во двор, чтобы немного остудить варево, но кого же увидела в то же мгновение идущим по дороге в Дрохет, как не лорда собственной персоной! Миссис Макларен испуганно засуетилась: она была уверена, что если Гатри положит свой «черный глаз» на ее свинок, не видать ей приплода как своих ушей. Поэтому она сразу же налила ботвинью в кормушки за хлевом и пригнала к ним свиней, которые не нуждались в понукании, почуяв запах пищи, а двери прикрыла, и потому Гатри пришлось бы теперь проявить откровенное любопытство, чтобы бросить свой недобрый взгляд на животину. Но в Гатри при всем аристократизме и учености

не до конца умерли и инстинкты фермера, а потому, унюхав свиней, он по-доброму поздоровался с миссис Макларен и заглянул за хлев, где и увидел грязные задницы свиноматок, приникших к кормушке и жадно из нее хлебавших. К следующему утру все свиньи миссис Макларен подошли. И хотя многие убеждали ее, что нельзя было перекармливать хрюшек таким огромным количеством слишком горячей ботвиньи, старую хрычовку ничто не могло переубедить. Она считала происшествие кознями лорда, который, как всем известно, никогда не ходил в церковь и уж наверняка знался с самим дьяволом. И вот эту историю, как я уже сказал, нам приходилось выслушивать снова и снова после изгнания семьи Гэмли, и постепенно все больше жителей Кинкейга убедили себя, что сам Люцифер нашел себе пристанище в замке Эркани.

Но скоро стало казаться, что Люциферу суждено одинокое существование в замке на недоброй славы скале. Шли недели, народ гадал, кто поселится на домашней ферме вместо Гэмли, но новостей не было, и пошли толки, что желающих трудиться за столь жалкую плату и вовсе не сыщется, поскольку только такие простаки, как Гэмли, могли без усталости обрабатывать тамошнюю скудную почву, чтобы все денежки доставались хозяину. Однако никто не слышал и о том, чтобы лорд подыскивал нового управляющего для фермы. Затем Уилл Сондерс вернулся с ярмарки в Дануне и сообщил, что все сельскохозяйственные орудия с фермы Гатри продали там буквально через три дня после отъезда Гэмли. Стало очевидно, что землю в том месте больше обрабатывать не будут. Уилл считал, что к весне в Эркани наймут пастуха и еще один земельный участок пойдет под пастбище для овец. Скоро, пророчествовал он, от старой Шотландии не останется ничего; только горстка горцев, которые будут лизать задницы богачам, приезжающим поохотиться на фазанов, а еще понаедет миллион нищих ирландцев, чтобы заполнить голодной толпой все берега Клайда.

Никто на самом деле не знал, что у Гатри на уме, хотя в догадках недостатка не ощущалось, но только с закрытием домашней фермы Эркани превратился в совсем уж изолированное от внешнего мира место. Если раньше кто-нибудь из семьи Гэмли сообщал последние сплетни из глубины долины, то теперь связующего звена не осталось, если не считать маленькой Айзы Мердок. А скоро и Айза оттуда ушла. Как говорила она сама, останься она в замке немного дольше, и стать ей такой же полоумной, как всем известный Таммас. Женщины в городке приглубили малышку Айзу, как милостивые ангелы могли бы приветить Абдиила, накачали ее чаем так, что ее раздуло, словно на пятом месяце беременности, и слушали каждое ее слово, будто она повествовала о новом спасении Ливингстона из Африки. И, уж поверьте, впечатление создавалось такое, словно речь шла о местах весьма отдаленных и пустынных.

Здесь, наверное, уместно рассказать вам немного об истории и устройстве жизни в замке Эркани, ведь сейчас уже трудно поверить, что в стародавние времена он давал пристанище многочисленным обитателям. Но с тех пор, как семья Гатри почти полностью разорилась при попытке участвовать в плане Дарьена¹², замок пришел в сильное запустение. В восемнадцатом веке у их рода едва хватало денег на пропитание, но гордость аристократов не поколебала даже огромные долги, и они упорно отказывались продать хотя бы акр своей земли. Когда же им удалось поправить финансовое положение в ранние годы правления Старой Королевы, они не поспешили заново перестроить стены замка и обставить его по моде – не от них ли унаследовал некоторые черты характера Рэналд? Однако до того самого времени, когда Рэналд вернулся на родину из Австралии и унаследовал родовой замок, лорды Гатри все же придерживались определенного аристократического стиля жизни. В замке не было недостатка в слугах, лакеях и горничных, домашний капеллан учил детишек латыни и проповедовал слово Божье, а члены семьи исправно посещали церковь. И только уже при

¹² Провалившаяся попытка Шотландии создать собственную колонию в Центральной Америке в конце 1690-х гг.

Рэналде все начало меняться в худшую сторону. Почти сразу по прибытии он избавился от прислуги так же бесцеремонно, как позже от Гэмли. Большинство залов и комнат запер на замок, а если замка в дверях не оказывалось, то не посылал за слесарем в Данун, а попросту сам заколачивал гвоздями – ни пенни он не тратил зря, как и не желал никого видеть, поселившись почти в полном одиночестве, словно мышь в подвале собора.

Вышеупомянутое стало уже давней историей, потому что во владение замком Эркани Рэналд Гатри вступил еще в 1894 году. Но и сейчас, когда я пишу эти строки, там мало что изменилось. Миссис Мензис, чистая душой и кроткая женщина, воспитавшая Кристин, уже сошла в могилу, и в семье, если ее можно считать таковой, остались только сам Гатри и Кристин. Хардкаслы, муж и жена, занимали в замке отдельный флигель, причем миссис Хардкасл утруждала себя только той работой, какую уж никак невозможно было перепоручить маленькой Айзе, единственной служанке. А в сарае за господским домом спал и брал на себя лишь самый простой физический труд полоумный Таммас. Конечно же, Айзе было не место в этом уже обветшавшем, холодном и пронизанном гулками звуками эха доме в глуши среди леса и скал. Семнадцатилетняя девушка каждую субботу отправлялась автобусом в Данун или веселилась с парнями из Кинкейга до самых сумерек. Многие удивлялись, почему она давно не уволилась. Одни утверждали, что ее удерживала любовь к Кристин, и она не хотела бросать ее в замке совершенно одну. Другие намекали на двух великовозрастных сыновей Гэмли, которые порой сполна пользовались возможностью порезвиться с горничной на мягкой и ароматной траве окрестного леса. Но что бы ни удерживало Айзу в замке – Кристин или мускулистые братья, никто не подверг сомнению ее слова, что в конце концов уйти ее принудил сам Гатри.

Большую часть времени Айза почти не сталкивалась в доме с хозяином. Благо он практически все дни проводил в своем кабинете на вершине самой большой башни, а когда ему хотелось прогуляться в лесу или порыбачить в Дрохете, он спускался по длинной винтовой лестнице, на которую выходили только двери его личных комнат, и выбирался через небольшой черный ход, отдаленный от большей части остального замка, причем ключ неизменно хранился в кармане у него одного. Айза виделась с ним чаще всего за трапезами, длившимися недолго, но ей и этого вполне хватало. Лишь раз в неделю ей дозволялось входить в его спальню для наведения порядка, и тогда она слышала, как этажом выше он меряет кабинет шагами и бормочет стихи – чужие или собственного сочинения. Потому что Гатри, к вашему сведению, был не только ученым мужем, но и поэтом. Много лет назад он даже выпустил сборник своих произведений, тонкую книжку в черно-желтой обложке, немало удивившую всех, кто считал, что стихотворения шотландского лорда естественным образом станут подражанием Роберту Бернсу. Тогда я и сам был гораздо моложе, и никогда бы не признался вслух, что обувных дел мастеру может пойти на пользу знание кое-какой классической литературы, но раз в неделю я отправлялся знакомиться с книжными новинками в библиотеку Дануна. Десять миль туда, десять обратно, а происходило это задолго до того, как между двумя городами стал курсировать субботний автобус. И мне в память запала рецензия на его сборник, напечатанная одной лондонской газетой, которая заканчивалась так: «Мистер Гатри увлечен идеей падения в пропасть». Я еще подумал, что «увлечен идеей» совершенно неверная фраза. Просто рецензент поставил Гатри в один ряд с множеством поэтов той эпохи, которые только заигрывали с мыслями о вечном проклятии и смерти. А Гатри (как же давно я проникся этой мыслью!) в самом деле чувствовал на себе проклятие обреченного. Впрочем, я, возможно, был настроен слишком романтически.

Но вернемся к Айзе Мердок. За едой она видела его лишь мельком, а за уборкой слышала, как хозяин декламирует стихи, и так продолжалось до одного из дней вскоре после отъезда Гэмли. Однажды она подметала коридор у комнаты Кристин – ее учебной комнаты или класса, как все называли это помещение, – неожиданно повернулась и увидела, что Гатри

стоит у нее за спиной и пристально смотрит. Она едва не лишилась чувств, по ее собственным словам, поскольку никогда прежде не сталкивалась с лордом в доме и не ловила на себе его пронизывающего взгляда, потому что, как я уже упоминал, у Гатри была привычка смотреть словно бы в никуда. Ей померещился золотистый блеск в его глазах, рассказывала Айза, заметный даже в мрачном и полутемном коридоре, а когда его губы зашевелились, а он еще не произнес ни звука, обращаясь к ней, за все время ее работы в замке, Айза ожидала услышать заклятие, от которого окаменеет.

Но Гатри лишь негромко сказал:

– Отоприте все двери в доме.

5

Необычайный получился день для Кристин Мэтерс, Айзы и жены Хардкасла, когда они открывали прежде наглухо запертые помещения замка Эркани. Они раздвигали тяжелые портьеры, державшиеся на проржавевших кольцах, и неяркий свет осеннего солнца освещал приметы почти сорокалетнего запустения – грязь, поломки, следы работы древесных жучков, гниль, плесень и паутину размерами с театральный занавес. Айза повернула ключ в замке двойной двери, которая прежде вообще не попадалась ей на глаза, и неожиданно оказалась в бильярдной, где в центре стоял огромный стол, похожий на монстра под покрывалом или на каталку из гигантского морга. Девушка подошла и дотронулась до него с любопытством и легким страхом – прежде она не видела ничего и близко похожего. От ее прикосновения свернувшаяся сетка угловой лузы распрямилась, два шара с грохотом упали на пол и укатились куда-то в тень. Айза рассказывала, как ее буквально сковало при этом от ужаса, словно движением руки она разбудила таинственное чудовище. Бросившись вон из комнаты, она позвала на помощь мисс Кристин, но в то же мгновение чуть не наткнулась на острие шпаги; это хозяин начал снимать со стены покрытое ржавчиной холодное оружие и принялся фехтовать, пронзая воздух, как обезумевший Гамлет, решивший расправиться с королем Дании Клавдием. Но на сей раз Гатри снова не видел Айзы, глядя поверх ее головы и бормоча себе под нос что-то о напряженной атмосфере, когда простонародью хорошо бы знать о клинке, который ты хранишь наверху. С этими словами он куда-то наверх и ушел, по-прежнему со шпагой в руке, после чего до обеда его никто не видел.

А к обеду всех ожидал еще один шок, поскольку хозяина обуяло желание поесть в большом обеденном зале – необъятных размеров темном помещении, которое, вероятно, должно было символизировать величие рода Гатри былых времен. Холод и эхо гуляли по залу, причем влажная прохлада несколько смягчала эффект отражения звуков от стен и потолка. Стояла удушающая вонь подгнившей древесины, а на хорах исполняли свою визгливую песнь крысы. Перед камином из резного мрамора, таким высоким, что туда можно было вполне поставить двух шотландских пони, громоздился длинный стол фламандской работы, тоже пострадавший от древесных насекомых. За него напротив друг друга и уселись лорд со своей подопечной Кристин, а маленькая Айза Мердок, теперь уже откровенно оробевшая от всех приключений дня, подала им тушеного кролика, но не на щербатом фаянсовом блюде, а на слегка отполированном серебряном подносе. Затем Гатри приказал принести из подвала вина, и когда перед ним поставили пыльные бутылки, уставился на них с таким изумлением, словно они содержали некий неведомый эликсир, посланный ему с другой планеты, как будто в Эркани отродясь ничего не пили, кроме воды и молока. Миссис Хардкасл разыскала штопор, и Гатри какое-то время возился с ним, точно собирался вынуть пробку и обследовать содержимое, но затем поднялся из-за стола и велел всем продолжать начатую работу, напомнив, что они еще не открыли галерею.

Поднимаясь наверх, Айза спросила Кристин, известно ли ей, что задумал лорд, и собирается ли тот после стольких лет уединения снова стать частью местной аристократии? Но Кристин, казалось, вообще ничего не знала, ее мысли, как обычно, витали где-то далеко, и она вела в Эркани сонную жизнь, хотя за каждым ее сном могла таиться истинная страсть. Айзе ничего не удалось выведать, когда они оказались наверху лестницы перед дверью, ведущей на галерею.

Галерея замка Эркани была построена одним из владельцев в конце семнадцатого столетия незадолго до того, как жажда быстрого заморского обогащения разорила и всю Шотландию, и семью Гатри. Он часто бывал в Англии, и ему пришлось по нраву то, как англичане строили свои огромные дома в эпоху Тюдоров. Вернувшись в Эркани, он велел снести часть внутренних перегородок между помещениями верхнего этажа и устроить длинную галерею с невысоким потолком. Она огибала замок почти по периметру, и замкнуть ее окончательно помешала только большая башня – пробить проход через стены толщиной в девять футов не удалось. Рассказывали, что, завершив прокладку галереи, тот лорд полюбил ненастные дождливые дни, поскольку теперь мог совершать прогулки и тогда, получая удовольствие от движения, счастливый, как жаворонок в небе. Признайте, весьма невинная забава для одного из представителей семейства Гатри.

Во времена Рэналда в галерею не проникал никто, а когда Кристин и Айза изучили вход в нее, то им подумалось, что никто уже и не проникнет. Туда вела единственная дверь, но массивная и окованная железом – именно из-за врезного замка для нее сорок лет назад Гатри, запирая большую часть помещений, поссорился со слесарем, недоплатив тому за труды. Как рассказывала Айза, Кристин даже побледнела, заметив, с какой яростью заколотили именно эту дверь. Огромной длины гвозди наклонно вогнали сквозь ее доски в косяки, причем, судя по умелым и сильным ударам молотка, сделал это человек, чьи руки привыкли держать топор и кувалду еще на полупустынных равнинах Австралии. Конечно, в первую очередь желание сэкономить деньги заставило скупого до крайности Гатри почти полностью закрыть залы и комнаты замка, но здесь совершенно очевидно проявила себя и некая другая страсть. Сорок лет прошло, сорок лет это таилось под спудом, но сейчас проявилось в полной мере подобно тому, как самые сильные эмоции скульптора навсегда запечатлеваются в материале, с помощью которого он творит. В этом случае материалом послужили толстые дубовые доски, потемневшие теперь от старости.

По словам Айзы, до этого момента лорд только отдавал приказы – сделайте то, откройте это, – но сам почти не принимал участия в своей новой затее, словно все еще сомневался, правильно ли поступает. Но потом он поднялся наверх, увидел двух молодых женщин, беспомощно стоявших перед дверью галереи, и внезапно им овладело желание крушить все подряд. Гатри редко охватывали приступы истинной злости. Человек хладнокровный и гордый, он почти никогда не терял самообладания, и от него скорее можно было ожидать ироничной и жесткой вежливости, нежели подлинного гнева, потому Айзу так напугало охватившее его бешенство при виде злосчастной двери, словно сам Сатана заметался перед вратами, где стражами стояли Грех и Смерть. Подойдя к окошку на лестничной площадке, он хриплым, громким голосом окликнул бесцельно болтавшегося по двору Таммаса и велел принести ему топор, но прежде убедиться, что тот хорошенько заточен. Пусть ему исполнилось семьдесят, но, как всякий Гатри, он был еще способен завалить дерево в своем лесу или выйти с оружием в руках против Гладстона и ему подобных, облапошивших жителей Эдинбурга в 1880-е. Через какое-то время к нему поднялся Таммас с топором, открыв от страха свой вечно слюнявый рот. Топор выглядел необычно – его длинная рукоятка имела небольшой изгиб, каких обыкновенно не делали местные мастера. Гатри скинул пиджак, встал, широко расставив ноги, оставшись в одной нижней сорочке, и выкрикнул:

– Все назад!

Причем таким страшным голосом, что Таммас попятился, запутался в собственных ногах и кубарем скатился с лестницы. Айза охнула, а Кристин кинулась вниз посмотреть, не сломал ли Таммас себе что-нибудь при падении, и только сам лорд ни на что не обращал внимания, не сводя пристального взгляда с дубовой двери галереи. И через мгновение он принялся рубить ее с такой силой, с какой человек пытается пробить себе путь наружу из горящего дома, но только действовал с ловкостью и сноровкой, удары сыпались внешне с легкостью, но точно, в нужное лорду место. Он орудовал топором, как магическим мечом Эскалибуром, вырубая из двери крупные куски древесины и легко замахиваясь для нового удара. Как только топор в первый раз обрушился на дверь, из-за нее донеслось громкое шуршание и визг. Это бросились врассыпную сотни крыс, десятилетиями привыкших мирно укрываться под сенью закрытой галереи. После второго удара подали голос собаки на псарне во дворе замка, а Таммас пришел в себя и принялся в голос стонать. Жена Хардкасла возилась в это время в кухне и, будучи подслеповатой и глуховатой, тут же выбежала во двор, начав звонить в большой ржавый колокол, который еще несколько столетий назад установили, чтобы оповещать обитателей Эркани о пожаре или приближении врагов. Поистине такой суеты не поднималось ни в одном шотландском замке с тех пор, как было найдено тело короля Дункана, обернутое в окровавленные простыни.

Но Гатри орудовал топором без передышки, пробивая бреши в двери здесь и там. Прошел час, когда, весь обливаясь потом, он попросил воды, прополоскал рот и сплюнул, а потом снова вонзился в толщу дерева. Он сильно побледнел, рассказывала Айза, только на щеках горели алые пятна, но его пальцы по-прежнему стальной хваткой держали топор, и не появилось ни малейшей дрожи в ногах. Четыре часа пополудни, пять. Последние лучи солнца, в которых играла поднятая пыль, пробивались на площадку сквозь старую каменную лестницу, во дворе удлиннились тени от укреплений восточной стены, напоминавшие сейчас неровные черные зубы. Наконец в половине седьмого остатки могучей двери с грохотом провалились внутрь. Покончив с ней, Гатри спустился вниз, переоделся и попросил подать ужин, причем с таким видом, словно только что закончил вполне обычный для себя рабочий день. Теперь он уже позволил себе выпить вина, того самого, что принесли еще к обеду, и предложил бокал Кристин – торжественно и официально, по описанию маленькой Айзы. Складывалось впечатление, что он угощает незнакомку, оказавшую честь замку Эркани своим посещением.

Таковы были события дня накануне ухода Айзы из замка. Но мне еще только предстоит описать то, что произошло ночью и решило судьбу молодой горничной. А потом я расскажу вам кое-что о Кристин Мэтерс, как и о той роли, которую довелось сыграть мне самому в судьбе замка Эркани.

6

Был тому виной удар головой при падении с лестницы, или же его настолько поразило странное поведение хозяина, но только что-то нашло на полоумного Таммаса позже вечером. Даже в самые спокойные времена был он человеком неуравновешенным. То вел себя смиренно и разумно, а то вдруг как будто последнего ума лишался. Временами казался таким покорным и добродушным, что хотелось пожалеть его: нельзя не посочувствовать, если у парня, как говорится, не все дома. А порой становился злобным и диким, будто дьявол в него вселялся. Но при этом он никогда не доставлял неприятностей женщинам, и даже, казалось, не воспринимал их как существ другого пола, а считал созданиями среднего рода, если позволите мне так выразиться. Айза не опасалась его и кормила в уголке кухни без тревожных мыслей в голове, как если бы кормила кур. Но, вероятно, падение с лестницы оказало на его ум некое пагубное воздействие, для которого лишь мудрец с Харли-стрит нашел бы науч-

ное название, а только в ту ночь мужская природа вдруг проснулась в Таммасае, и он решил потешить свое естество с Айзой. Посреди ночи горничную разбудил хруст, издаваемый явно не крысами. Она открыла глаза и при свете полной луны увидела, как Таммас лезет к ней в окно. Одного взгляда на его лицо оказалось достаточно, чтобы она выскочила из постели и метнулась в коридор, чувствуя слабость в коленках. Таммас издал жуткий для слуха рык и проник в спальню, чтобы броситься в погоню.

Первой мыслью Айзы было бежать к Кристин, но даже вдвоем они могли не справиться с впавшим в бешенство безумцем. Кроме того, ей вообще показалось неправильным привести его за собой к молодой хозяйке. Она задержалась ненадолго в конце коридора, где перед ней открывались две возможности. Можно было побежать во флигель к Хардкаслам или в противоположную сторону к башне под защиту лорда. И хотя она побаивалась Гатри, но все же понимала, что в такой ситуации он окажется надежнее Хардкасла, который, во#первых, сам порой бросал на нее похотливые взгляды, а во#вторых, был отпетым трусом и мог отказать в помощи. Поэтому, плотнее обернувшись захваченной шалью, она направилась к башне, и только на полпути у нее зашло сердце, когда она вспомнила, что хозяин запирался на ночь чрезвычайно основательно, а значит, проникнуть в башню и добраться до него совершенно невозможно. Она замерла на месте, когда Таммас уже начинал наступать на нее, в отчаянии ища место, где спрятаться. А потом бросила взгляд в большое окно и заметила движущийся луч света вверх на противоположной от нее стороне двора. Гатри еще не заперся на ночь в башне, а обследовал свою вновь открытую галерею. И Айза побежала к главной лестнице, уже не вслушиваясь в звук шагов своего полоумного преследователя, а в спешке преодолевая неровные каменные ступени, и неслась вперед так, словно хотела выиграть главный приз в соревнованиях по бегу во время субботнего школьного пикника.

Только почти добравшись до верха, она додумалась закричать, но не хватило дыхания – из горла вырывались лишь едва слышные звуки. И уже наверху, вбежав в галерею через пролом двери, она громко завопила от страха, потому что прямо перед собой вдруг увидела Гатри, мертвенно бледного, в килте и с огромным боевым топором в руках. Но уже через несколько мгновений Айза поняла, что смотрит на портрет предка своего хозяина, подсвеченный луной – одну из множества старинных картин, развешанных по всей галерее. А самого Гатри ей еще только предстояло найти. Он должен был находиться за углом, а таких углов у галереи, напомню, насчитывалось три.

Она бежала длинным и скудно освещенным коридором из комнаты в комнату, когда внезапно ясно расслышала чье-то дыхание за спиной. «Это наверняка озверевший дурачок», – подумала она, все еще не видя хозяина. В испуге Айза резко заскочила в какой-то альков, рассчитывая, что в нем окажется окно, в которое она уже готова была выпрыгнуть от ужаса. И точно – окно там было, причем выходило оно не во внутренний двор, а за стену замка. И вдруг сквозь наполовину разбитое стекло она услышала песню, отчетливо звучащую в ночной тишине. Это была «Вороны заклевали кошку» – любимая песенка Таммаса.

Вороны заклевали кошку,
Ах, как жаль, ах, как жаль!
А Мэгги видела в окошко,
И будет ей тоска-печаль.

Этот странный напев, который так нравился безумцу, вселил в сердце Айзы не «тоску-печаль», а чуть не свел с ума от радости и облегчения. Выглянув в окно, она увидела в свете луны, как Таммас возвращается в свой сарай, с откровенным удовольствием мурлыча слова. Она отчетливо разглядела его лицо, совершенно спокойное и умиротворенное. Припадок прошел, и он неспешно отправился в свою убогую хижину, чтобы улечься спать.

Но затем Айза снова услышала позади себя чье-то дыхание.

Это мог быть только хозяин. Свернув в сторону от главной галереи, она разминулась с ним, и он оказался у нее за спиной. А стоило ей осознать, что она осталась наедине с Гатри в этом неуютном заброшенном месте, ею овладел такой страх, какого она не испытывала никогда прежде. Потому что опасность, исходившая от Таммаса, который мог ее изнасиловать (она слыхала рассказы о таких случаях, как и многое другое, чего ей слышать не следовало), была ей хотя бы понятна. А вот о том, какой темной властью над ней мог обладать Гатри, она не ведала, поскольку это выходило за пределы фантазии простой горничной. Смутная и неведомая угроза пугает нас больше всего. Ужасы реальные и воображаемые радикально отличаются друг от друга.

Поэтому Айза решила затаиться в алькове и, когда Гатри пройдет мимо, тихо выбраться и вернуться в свою комнату, где она сможет на этот раз надежно запереть на засовы и двери, и окна, чтобы внутрь и комар не залетел. Но по мере приближения Гатри в ней нарастала пугающая уверенность, что своим необычным «черным» глазом он сумеет разглядеть ее даже в темноте. Со стороны входа в альков ее прикрывали два округлых предмета, назначения которых она не понимала и потому тоже посчитала чем-то из области черной магии. На самом же деле пряталась она позади двух шаров – глобуса с очертаниями земной поверхности и небесной сферы с нанесенными на нее созвездиями. В прежние времена часть галереи занимала библиотека, где присутствовало все необходимое для интересующегося науками джентльмена. Но Гатри распорядился перенести большую часть книг в башню, прежде чем закрыть галерею на четыре десятилетия. На полках остались лишь немногие фолианты. В основном труды по протестантской теологии, привезенные из Женевы, к которым безбожник Гатри – да смилуется над ним Господь! – не питал ни малейшего интереса. Кожа их переплетов давно сгнила, напитав все вокруг острым и отвратительным запахом тлена и плесени.

Но Айза об этом не знала и почти ничего не ощущала. Ее интересовали лишь намерения зловещего лорда. Пусть бы он прошел мимо, а она незаметно добралась до двери на лестницу. Однако даже беглого взгляда из укрытия оказалось достаточно, чтобы убедиться – она все еще находилась в плену. Гатри стоял всего в пяти футах от нее в старом и местами порванном халате. В руке он держал обычную домашнюю свечу, отбрасывавшую дрожащую окружность более теплого желтоватого света поверх холодного сияния луны. В галерее царил жуткий холод, и Айза дрожала то ли от него, сидя на корточках в своем убежище, то ли от взгляда лорда. В тот момент, по ее словам, живой Гатри мог вполне сойти за каменное кладбищенское изваяние самого себя. Он был совершенно бледен, полностью погружен в некие туманные размышления, и, несмотря на более чем прохладную ноябрьскую погоду, на его лбу выступили капельки пота. Так он и стоял, уподобившись статуе; лишь учащенное дыхание да странный блеск в глазах выдавали напряженную работу мысли.

«Он простоял неподвижно, должно быть, целых полчаса», – рассказывала Айза, но если учесть, в каком нервном напряжении находилась несчастная девушка, то правдоподобнее думать, что прошло всего минуты три или четыре. А затем он шагнул прямо к ней.

Айза клянется, что даже коротко вскрикнула, когда его рука протянулась вперед, чтобы, как она подумала, вытянуть ее из укрытия. Она закрыла глаза, вспоминая подходящую молитву. Но в голову ничего не приходило, как не ухватила и его рука за ее плечо, чего она в ужасе ожидала. Вместо этого огромный глобус, за которым она пряталась, начал вращаться, касаясь гладкой холодной поверхностью ее предплечья. Она осмелилась снова поднять взгляд и увидела, что хозяин замка все еще пребывал в трансе и не замечал горничной, сидевшей прямо у него под носом. Медленно, бормоча нечто неразборчивое, он вращал глобус вокруг оси. Покрытый пылью мир в миниатюре крутился под его ладонью. Ось скрипела и скрежетала. Выцветшие очертания континентов и океанов продолжали кружение, когда

все звуки перекрыл пронзительный голос Гатри. Как ни была напугана Айза, но она четко расслышала каждое слово:

– Это узы крови, и, клянусь всеми силами небесными, он станет!..

Ничто не внушило Айзе той ночью такого панического страха, как эта фраза Гатри и тон, которым он ее произнес, потому что ей стало понятно: существовало нечто, чего лорд смертельно боялся.

Много позже, когда она рассказывала свою историю в Кинкейге, нашлись умники, утверждавшие, что Айза попросту приписала Гатри собственные чувства в тот момент. А начальник станции – наш Великий Мыслитель – и вовсе выразился научно, классифицировав этот случай как чистейший образец переноса эмоций. Но Айза твердо держалась своего мнения: хозяин замка был чем-то напуган, и последующие события заставили всех умников замолчать и признать ее правоту. Что ж, говорили они, видать, у него была причина, а Айза оказалась достаточно умна для такой молодой девушки, чтобы уловить его настроение. Начальник станции пошел еще дальше и заявил, что всегда видел в Айзе чрезвычайно тонкую и восприимчивую натуру.

Произнеся эту фразу, Гатри принялся мерить галерею шагами, расхаживая туда и обратно как раз от алькова до двери, что не давало пока Айзе возможности высвободиться из невольного заточения. Он то ходил молча, то декламировал свои стихи, причем, как запомнилось Айзе, в стихах этих то и дело мелькали шотландские фамилии, а под конец вообще понес какую-то чепуху (думаю, он произносил тексты на иностранных языках). Айза не поняла ничего, как не запали ей в память и его вирши. «Все равно чертовщина небось сплошная», – думала она. Да Айза и расслышала только половину. Сильно беспокоило ее другое. Она долго наблюдала за его более чем странным поведением и не сомневалась, насколько сильно он взбесится, обнаружив ее присутствие. Поэтому она еще плотнее закуталась в шаль, старую и тонкую, пожалев, что не успела надеть присланную матерью добротную фланелевую пижаму, и преисполнилась решимости вытерпеть любой холод, но дожждаться ухода Гатри. По крайней мере он не мог запереть ее в галерее после того, как разнес в щепки дверь. И уже вскоре она почувствовала странную радость, что не одна и лорд составляет ей компанию в этом страшном месте, и даже огорчалась, когда он удалялся в сторону, но в то же время продолжала выжидать, пока он скроется за углом и даст ей возможность ускользнуть отсюда незамеченной. Один раз она чуть слышно вскрикнула, а потом и вовсе закричала, обращаясь к нему за помощью. А случилось это, когда кто-то потянул ее сзади за подол ночной рубашки, и это оказалась огромная серая крыса, агрессивная и наглая, с глазами, как померещилось Айзе, такими же злыми, как у всех Гатри на портретах в галерее. Но лорд снова ничего не услышал: он был погружен в свой мрачный мир и не уставал твердить одно и то же стихотворение с такой же истовостью, с какой молятся иные католики. Лишь иногда он замолкал и начинал всматриваться непонятно куда, держа свечу на уровне лица в вытянутой вперед руке. Когда же он окончательно прекратил декламацию, установилась полная тишина, и Айзе стало слышно, как с улицы стучат в стену ветви деревьев, а в их кронах шелестит ветер. Потом Гатри вдруг громко закричал на шотландском (она и не подозревала, как хорошо он владеет языком):

– Разве это нам не пригодится, друг мой? – И тут же повторил уже шепотом, что оказалось еще страшнее: – Скажи мне, приятель, разве не пригодится?

Снова воцарилось молчание. Айза вся обратилась в такой комок обнаженных нервов, что почувствовала лунный свет на своей спине. И когда лорд громко и трескуче расхохотался, словно внутри у него что-то сломалось, девушка потеряла сознание.

7

Айза пришла в себя и обнаружила, что хозяина больше нет рядом, а крысы назойливо пытаются грызть ей пальцы. Ощущая боль во всем теле, она поднялась сначала на колени, а потом и на ноги. Хотя казалось, что идти она не сможет, постепенно ей удалось выбраться из внушавшей ужас галереи и добрести до своей спальни. Там, не теряя времени даром, она умылась холодной водой, хотя продрогла до костей, и это придало ей сил упаковать чемодан, как вернуло способность здраво мыслить, чтобы оставить краткую записку для Кристин. Потом она пробралась в кухню и поела, потому что за время ночных походов сильно проголодалась. С первыми проблесками рассвета Айза вышла из ворот замка, неся чемодан на голове, как корзину с бельем для прачечной, опасливо поглядывая на сарай Таммаса. И как же рада она была, когда обогнула озеро и густые лиственницы скрыли от нее серый замок, представлявшийся теперь средоточием зла и проклятым местом! Спустившись по склону холма, она вышла в долину Эркани, вдоль которой протянулась длинная дорога до Кинкейга. С наступлением утра повалил обильный снег, и хотя он сделал путь более скользким и трудным, ей и это казалось благословением свыше, словно белый ковер забвения ложился между ней и только что пережитой ужасной ночью.

Как вы сами понимаете, история Айзы мгновенно облетела весь Кинкейг – для старых кумушек-сплетниц она стала просто находкой в скучные зимние вечера. И подобно любому слуху, зарождающемуся в шотландской провинции, этот не только не потерял ни единой детали, но и оброс новыми. Выяснилось, например, что Айза была вынуждена прятаться за двумя гигантскими идолами, когда Гатри пришел и начал молиться им совершенно голый. Идолов он, видать, и выкопал из земли, ковыряясь вокруг развалин богопротивных римских язычников, а слова молитвы вызнал, якобы занимаясь изучением древних рун. А если в пересказе голым оказывался не сам Гатри, то непременно Таммас – без этой пикантной подробности истории Айзы, пусть и необыкновенной, не хватало элемента скандальности, который так любят сплетники и сплетницы. Но при этом нельзя не отметить, что сама Айза вела себя в подобной ситуации вполне достойно, если учесть, какая шумиха поднялась вокруг нее. Да, она охотно рассказывала о случившемся, но не расписывала свое повествование каждый раз все более красочными деталями, как можно было ожидать от молоденькой девушки. Лишь два дополнения к истории она не знала, к чему отнести: к фактам или игре воображения. Она сама признавалась, что слышала все, как будто во сне. Гатри вроде бы упоминал что-то о Северной Америке и Ньюфаундленде¹³, а к этому в ее смятенном уме добавились еще и два имени: Уолтер Кеннеди и Роберт Хендерсон. Она понятия не имела, кто это такие, как не знал их и никто другой в Кинкейге. Только Уилл Сондерс припомнил, что жил когда-то на дальнем берегу озера фермер Уолтер Кеннеди и уже давно уехал куда-то. Возможно, как раз в Америку или на Ньюфаундленд. А еще сквозь помутненное сознание Айзе показалось, что Гатри склонился над столом и что-то просматривал, но книга то была или какие-то бумаги, девушка видеть не могла. Так вкратце выглядела рассказанная Айзой история. Кинкейг мусолил ее целую неделю, как и, признаюсь, ваш покорный слуга. Слухи и сплетни – вещь заразительная, а зимой сапожнику их перепадает совсем немного.

После ухода Айзы из замка новости из долины почти совсем иссякли. Когда наступила оттепель после первого большого снега, в город раза три наведывался по своим делам этот мерзкий тип Хардкасл. Причем в один из визитов он направился на станцию и воспользовался там кабинкой телефона-автомата. Это буквально оскорбило начальницу нашей почты и телеграфа миссис Джонстон. Она же ничего не узнала о содержании его разговоров, о чем

¹³ Остров в Канаде, название которого переводится с английского как «вновь найденная земля».

стало бы сразу известно в городе, если бы Хардкасл позвонил с почты. Миссис Джонстон не удержалась бы и рассказала всем. Плевать ей на обязательство, данное королю, хранить тайну переписки и телефонных переговоров. Она не зря чувствовала себя обиженной. Люди обожали пить с ней чай, уверенные, что уж от нее-то узнают немало интересного, и могли счесть ее чересчур заносчивой, если бы она не принесла никаких занятных новостей. А вот Джок Юл, станционный работник, который большую часть дня только и делал, что подметал так называемый зал ожидания да помогал с погрузкой и разгрузкой овец из вагонов, сумел-таки изловчиться и подсмотреть, чем занимался Хардкасл в кабинке. Он читал в ту штуку, что прикладывают ко рту, какие-то записи из бумаг, лежавших перед ним. А стало быть, отправлял телеграммы напрямую через главный почтамт в Дануне. Ну, значит, скоро небо упадет на землю, пошли у нас разговоры, если хозяин большого замка начал так швыряться деньгами.

Следующее событие произошло, когда в Кинкейг прибыл еженедельный товарный поезд из столицы, и Джок обнаружил в нем на целый грузовик ящиков и корзин, которые следовало доставить в замок. Причем отправителями значились «Макки», «Гибсон» и еще два-три крупных и дорогих универмага в Эдинбурге. И стало ясно, что Гатри, обычно покупавший в Кинкейге раз в год фунт чая и пачку поваренной соли, окончательно выжил из ума. Сам Джок настолько удивился, что даже предполагал получить от лорда за доставку груза полкроны чаевых и стаканчик дармовой выпивки. Но когда он дождался очередной оттепели и сумел проехать на грузовике по дороге в Эркани, хозяин замка ограничился тем, что проверил наличие каждого ящика по накладной, а потом начал спорить из-за высокой, по его мнению, стоимости перевозки, то есть повел себя в обычной, но несколько не странной манере. А Джок, не получивший ни чаевых, ни даже простого спасибо за работу, все равно заявил, что пожалел лорда – тот выглядел так, словно давно не высыпался, и заметно постарел, причем временами казался потерянным и нерешительным.

Для многих в Кинкейге не было лучше подарка к Рождеству, чем известие, что Гатри оставался самим собой, а если он дряхлел, то и это радовало народ, пусть люди и не всегда понимали, чему тут радоваться. Одни пытались искать объяснение его поведению, другие оспаривали их мнение, но сами тоже толком ничего понять не могли. Конец спорам положил начальник станции, снискавший при этом немалое уважение. «Лично я вижу две альтернативных гипотезы» – так он выразился, и оставалось только поражаться, какой эффект могли произвести два непонятных, но красивых слова на малограмотное простонародье.

Хочу рассказать вам об одном разговоре в «Гербе» – это, если вы еще не поняли, наш главный бар, – который закончился несколько необычно.

Я порой люблю заглянуть в этот частный паб, где собирается, как правило, наиболее здравомыслящая часть нашего прихода, и он считается вполне достойным местом, чтобы скоротать за пинтой пива вечерок. В тот раз там был и Уилл Сондерс и Роб Юл. Зашел и начальник станции, все еще, видимо, держа по гипотезе в каждом из внутренних карманов. Это в его манере всем своим видом показывать, что он знает на самом деле гораздо больше, но кое-какую информацию придерживает про запас. Послушать его рассуждения о политике, так можно подумать, что он лично знаком с главными редакторами «Таймс» и «Скотсман». За стойкой хозяйничала миссис Робертс, которая всегда так пренебрежительно стучит бутылками, словно хочет показать, что сама-то она алкоголь ненавидит и только волею судьбы вынуждена постоянно иметь с ним дело. Мужу ее – владельцу паба Робертсу – крепко досталось от нее в период ухаживаний, поскольку она все время подсовывала ему брошюры о вредном воздействии спиртного на сердечно-сосудистую систему, но он все стерпел, пусть ему это и не нравилось. В упомянутый вечер миссис Робертс ни с кем даже словом не перемолвилась, пока не пришел низкорослый мужчина на фамилии Карфрае – местный зеленщик. Карфрае не употребляет настоящей выпивки, а в паб приходит только посплетничать, и

потому миссис Робертс держит для него специальное имбирное пиво, не содержащее алкоголя. В прошлом она даже выставила ряд таких бутылочек на стойке с рекламой: «Игристое, освежающее, полезное для здоровья!», но тут уж муж не выдержал и наложил на затею запрет. Мол, всему свое место. Пусть такие объявления ставят в кондитерской, а в пабе им делать нечего. Так вот, этот Карфрае зашел в очередной раз, чтобы выпить свой выхолощенный напиток, и именно он завел заново разговор о Гатри.

– Хозяюшка, – начал он, бросая грустный взгляд на Юла, Сондерса и меня, – появилось такое ощущение, что с недавних пор в нашем приходе ведутся разговоры весьма злонамеренного направления.

– Ваша правда, мистер Карфрае. Ведутся с тех пор, как у нас прокатили закон о праве местного населения¹⁴, – и миссис Робертс с шумом выбросила в мусор несколько пустых бутылок из-под темного пива.

– Ну, уж мы-то с вами здесь особо языков не распускаем, – продолжил Карфрае, снова бросив взгляд на столик в углу, где расположились мы, – но вот в городе находятся неотесанные чурбаны, рассказывающие о лорде скандальные вещи.

– Воистину жаль его! – воскликнула миссис Робертс. – Ему это доставляет столько неприятностей. – И она возвела взгляд к небесам, как курица, когда глотнет воды. – Меня просто-таки возмущают слухи, которые распускают о нем и этой странной девушке Кристин.

– Просто позор! – подхватил Карфрае и облизнул губы так, словно имбирный напиток показался ему сегодня особенно вкусным. – Но вот только, кажется, что люди зря говорить не станут. Должна быть в этом доля истины. Что он воспитал ее, чтобы потом воспользоваться, как иные откармливают домашнюю птицу.

Именно подобные пересуды заставляют меня порой сомневаться в пользе Реформации и соглашаться с теми, кто утверждает, что именно пресвитерианство породило в Шотландии атмосферу для столь греховных сплетен. Однако доктор Джерви – и я вынужден с ним согласиться, – говорит: нет, это мысль ложная, и религия здесь ни при чем. Просто мы живем в суровом краю, где мало тепла, а холодные зимы и студеные ветра проникают к нам в сердца, действуют на умы, вынуждают подолгу просиживать в четырех стенах у очагов, возле которых поневоле зарождаются злонравные и порочные слухи. В отличие от других, я давно научился быть сдержанным на язык и не вмешиваться. Вот и сейчас я отмолчался. Но Роб Юл, хоть он и считается у нас чуть ли не первым богатеem, всегда был добросердечным и темпераментным человеком. К тому же Кристин ему нравилась. И потому он легко попался на крючок, заброшенный Карфрае.

– Что, прежней лжи о бедной девушке уже мало? – встал он на ее защиту. – И понадобилась новая?

Здесь уместно пояснить, что Кристин находилась под опекой Гатри как сирота-племянница и носила фамилию его матери. В замок ее привезли совсем ребенком, и была она, как объяснили всем, дочерью брата матери Гатри, вместе с молодой женой погибшего в ужасной железнодорожной катастрофе где-то за границей. Я отлично помню, что поначалу никто не усомнился в достоверности всего этого, пока однажды не наступила столь же холодная и снежная зима, как та, когда я пишу эти строки, и кто-то пустил слухок, подвергнув сомнению официальную версию истории Кристин Мэтерс и намекая на другие отношения между ними, нежели между дядей-опекуном и племянницей. Разумные люди понимали, конечно, что только та атмосфера таинственности, которой окружил себя лорд, и его собственная дурная репутация служили питательной почвой для такой сплетни. Но когда Гатри отказался послать девочку в обычную школу, снова заговорили, что он стыдится ее, поскольку она –

¹⁴ Акт, принятый, например, в некоторых штатах США, где население путем голосования имеет право запретить продажу спиртного.

его собственная внебрачная дочка. Именно это Роб Юл и назвал старой ложью, а теперь этот коротышка Карфрае, казалось, собирался распустить новую.

– Ладно, сказал он, – тогда как вы объясните, что он выгнал Роба Гэмли, если не из ревности к его молодой жене? Если Гатри не грязный и подлый старик?

Жена Робертса ополаскивала кружки.

– Вы хотите сказать, что Кристин и не племянница ему вовсе?

Карфрае призадумался над ответом, снова покосившись в нашу сторону.

– Да, я слышал, как люди судачили об этом. – И отхлебнул напитка, каким поят школьников по субботам после молитвы.

Миссис Робертс в шоке цокнула языком и налила себе чая. Она всегда держала под рукой большой чайник и готова была предложить бесплатную чашку любому посетителю, отчего Робертс просто выходил из себя. Тут вмешался в разговор наш Великий Мыслитель.

– Воистину мы с вами живем во времена распущенности, – сказал он. – Жаль, например, что перестали печатать подробные отчеты из лондонских судов о бракоразводных процессах. Ничто не укрепляло в людях нравственности сильнее, чем чтение поразительных историй о разврате, которым охвачена Англия. А если говорить о Гатри, то омерзительно и недопустимо даже думать, будто он мог взрастить юную деву под видом воспитанницы, чтобы сделать потом своей любовницей.

Но Карфрае и после этого продолжил свои гнусные намеки, и когда начальник станции окончательно убедился в смысле его речей, он, хотя и очень начитанный по части разврата в Англии, все же не утратил еще до конца здравого смысла, чтобы откровенно возмутиться. Он окинул Карфрае строгим взглядом и спросил:

– То есть вы не считаете подобные предположения взаимоисключающими?

Сомневаюсь, чтобы этот мозгляк-зеленщик понял смысл вопроса, но зато Роба Юла он не понять не мог. Потому что Роб подошел к его столику, взял стакан с имбирным пивом из его руки и вылил содержимое прямо в стоявший рядом горшок с геранью миссис Робертс.

– Знаешь, Карфрае, – сказал он, – не переводи зря питье и не строй из себя трезвенника, потому что ты уже насквозь отравлен ядом, который хуже любого алкоголя.

Нельзя сказать, чтобы ситуация возникла хоть сколько-нибудь опасная, потому что зеленщик был не из тех, кто полез бы в драку с Робом Юлом; ему бы на это никогда не хватило духа. Но все же все напряглись. Лицо Карфрае приобрело тот желтовато-зеленый оттенок, каким обычно отличалась залежалая капуста в его собственной лавке, начальник станции говорил что-то о привлечении к ответственности за клевету, а миссис Робертс взяла ложку и стала яростно перемешивать заварку в чайнике, как поступала всегда, если ее что-то особенно волновало. И тут неожиданно раздался голос Уилла Сондерса, который, как и я, до того момента ни во что не вмешивался.

– Эй, вы только поглядите! – воскликнул Уилл. – Посмотрите на герань!

Никогда не поверю, что растение могло так сильно пострадать от «полезного для здоровья» пойла, но удивленный тон Уилла и его перст, указующий на прежде не замечаемый нами зачахший цветок, на мгновение создали именно такое впечатление. Впрочем, я тут же рассмеялся над этим как над доброй шуткой, будучи все-таки человеком здравомыслящим и старейшиной нашей церкви. Роб тоже от души расхохотался, вот только мы слишком поздно заметили, что миссис Робертс теперь действительно оскорблена в лучших чувствах. Она с удвоенной энергией перемешивала заварку и издавала звуки, как индюшка, переевшая винограда. В конце концов «полезный для здоровья» служил для нее символом в затяжной борьбе с Робертсом и всеми силами зла в торговле алкоголем, в которую она оказалась против воли вовлечена после замужества. И, уверен, только для того, чтобы отвлечь ее от мрачных мыслей, Уилл вдруг попросил:

– Миссис Робертс, не могли бы вы принести ваш большой атлас мира? Страсть как хочется взглянуть, где он расположен – этот самый Ньюфаундленд.

Оба сына Робертсов подались во флот, и мать, гордясь ими, приобрела огромный атлас, чтобы по нему следить за их странствиями по морям-океанам. А потому, несмотря на дурное расположение духа и общую нерасположенность ко всем, помогавшим ее семье материально, выпивая спиртное в их заведении, в такой просьбе она отказать не могла, поднялась наверх и скоро вернулась с атласом и еще одним чайником для заварки.

И все мы, за исключением Карфрае, все еще не пережившего оскорбления, склонились над атласом.

– Ньюфаундленд – это в Штатах? – спросил Уилл.

Я ответил, что, скорее, в Канаде, но все равно искать его на карте следует в Северной Америке. А у Уилла тут же родился новый вопрос: в какой части Америки жили кузены Гатри, те неудачники, которые попытались объявить его умалишенным?

Миссис Робертс все это так увлекло, что она сразу забыла про шутку с ее геранью и предложила всем бесплатного чая. И даже когда Роб Юл сказал, что предпочтет еще одну пинту пива, пусть за нее и придется платить, она принесла ему кружку, не окинув обычным недобрым взглядом. Она почему-то решила, что Уилл понял причину тревоги лорда и смысл его восклицаний про Ньюфаундленд и Америку, подслушанных Айзой. Лично я был далеко в этом не уверен.

Но Уилл твердо держался мнения, что именно поэтому Гатри распорядился открыть все помещения в замке. После того как кузены попытались упрятать его в сумасшедший дом, ссылаясь на странный и уединенный образ жизни, и, предвидя продолжение таких попыток, он решил устроить демонстрацию своей умственной полноценности. Теперь даже Кристин могла засвидетельствовать: он порой не против даже распить с ней бутылочку доброго вина. И хотя мы не знали фамилии кузенов, но предположили, что их звали либо Кеннеди, либо Хендерсонами, то есть так, как услышала в галерее Айза. Начальник станции иронично заметил, что многим нравится разыгрывать из себя сыщиков-любителей, чем, по его мнению, мы и занимались. А Роб Юл сразу заявил, что Уилл ошибается, а он, Роб то есть, располагает куда как более точной информацией. Фамилия кузенов не могла быть иной, как тоже Гатри. Сам он был еще мальцом, когда молодые Гатри захотели отправиться в Австралию, но в результате двое предпочли Америку. Их отец приходился родным братом отцу Рэналда Гатри, а в Австралию они с Рэналдом не поплыли, потому что семьи не ладили между собой, и молодые люди, случалось, избивали друг друга до крови.

– Вот! – воскликнул Уилл. – Вот оно – кровь!

Зеленщик вздрогнул так, словно кто-то потребовал именно его крови, а миссис Робертс от изумления замерла, держа на весу свой чайник. Но Уилл считал, что нашел еще один недостающий фрагмент загадочной картины.

– Помните, в ту ночь Гатри твердил про что-то в крови? Уж не имел ли он в виду, что ненависть к нему в крови у кузенов? Они однажды попытались отнять у него замок со всем имуществом и могут снова затеять против него такое же злое дело, верно?

Начальник станции назвал эту идею весьма экзотической. А крошка Карфрае, хотя и сидел в своем углу, все еще переживая обиду, не смог удержаться от искушения вставить свое слово в общий разговор. Он напомнил, что у семьи Гатри из Эркани были и другие враги, помимо тех типов из Америки. Взять хотя бы Нейла Линдсея, странную личность, как будто полностью погруженную в далекое прошлое, но уверенную, что с семьей Гатри его род враждовал издавна. Начальник станции, в свою очередь, пошел еще дальше.

– Хотя Гатри ничем не выдавал своей принадлежности к воинствующему националистическому движению, – сказал он, – даже такую версию нельзя полностью сбрасывать со счетов.

– А мне бы очень хотелось, – заметил я, – обследовать галерею в замке.

Они все дружно на меня уставились. Как я подметил уже давно, чем меньше говоришь, тем больше внимания привлекают твои неожиданные слова.

– И еще мне любопытно было бы выяснить, какие именно стихи декламировал он в ту ночь, – добавил я.

Они посмотрели на меня еще более удивленно, а начальник станции попытался возразить, заявив, что не видит, какое отношение к сути дела могут иметь стихи.

– Быть может, вы и не видите. – Я напустил на себя загадочный вид, как это часто любил делать сам Великий Мыслитель.

Роб Юл усмехнулся и спросил, уж не знаю ли я в точности, что у Гатри на уме, и считаю ли правильным предположение Уилла, будто он открыл весь замок только из страха перед родственниками-американцами?

– Мне представляется вероятным, что американские кузены опасаются Гатри не меньше, чем он сам их побаивается. – С этими словами я выбил остатки табака из своей трубки и собрался домой.

Дорогой читатель! Пусть мой пример послужит тебе уроком, что излишняя самоуверенность в оценках часто приводит к ошибкам. Я уже подошел к двери паба, когда она распахнулась так резко, что мне пришлось отскочить в сторону, и внутрь вошла необычная с виду молодая леди, одетая в костюм для вождения автомобиля.

– Надеюсь, я никому не помешала? – спросила она, причем сам ее тон подразумевал, что никому помешать она просто заведомо не могла. Пройдя прямо к стойке бара, она решительно, но дружелюбно обратилась к миссис Робертс:

– Вашей начальницы почты нет дома, а у меня нет времени ее разыскивать. Не могли бы вы оказать мне любезность и отправить по телефону вот эту телеграмму? И налейте мне бокал хереса.

Она достала из кармана листок бумаги и несколько серебряных монет.

Можете не сомневаться: мы вытаращились на девушку, словно увидели перед собой теленка о двух головах. А она не обращала на нас никакого внимания – это молодое создание, в котором чувствовалась тем не менее изрядная целеустремленность. Просто стояла и прихлебывала херес, пока жена Робертса ушла в дом и по телефону передала текст с листка на центральную станцию в Дануне. Потом девушка повернулась и оглядела нас быстро, но пристально, будто мы были достопримечательностью, помеченной в путеводителе Кука как достойная беглого осмотра. Затем, когда миссис Робертс вернулась, она забрала сдачу, поблагодарила хозяйку за помощь и в одно мгновение покинула «Герб». Спустя полминуты снаружи донесся рев мотора ее машины, умчавшейся так стремительно, точно к ночи девушка собиралась добраться до самого Инвернесса.

На какое-то время в пабе воцарилось молчание. Мы все думали об одном и том же. Как странно: стоило нам завести речь об Америке и Ньюфаундленде, и к нам тут же заявлялась американка – а в ее происхождении не усомнился бы ни один из тех, кто часто смотрел фильмы в кинотеатре Дануна. Миссис Робертс принялась протирать посуду за стойкой, но в глазах ее виделся блеск, который явно породило непривычное ей ощущение продажи спиртного как одного из смертных грехов. Теперь у нее появились интересные для всех новости, и она наслаждалась моментом, понимая это.

Первым к ней осторожно подступился Роб:

– Стало быть, эта юная леди отправила телеграмму?

– Да, именно телеграмму, – ответила миссис Робертс, выдохнув остаток воздуха из легких на поверхность бокала, который собиралась протереть следующим.

– Вероятно, чтобы забронировать себе номер в отеле где-то дальше по дороге?

– Может, да, а может, нет. Это никого не касается, кроме нее самой, – загадочно ответила миссис Робертс. Она еще не простила Робу шутки с безалкогольным напитком Карффрае. И хотя было ясно, что ее уже саму распирает изнутри желание поделиться информацией, она еще минуты две-три занималась пивными кружками, словно борясь с дьявольским искушением раскрыть чужой секрет. Потом не выдержала:

– Вы не поверите! Это просто потрясающе!

На этот раз к ней обратился Карффрае, который, как все понимали, пользовался гораздо большей благосклонностью с ее стороны:

– В телеграмме она написала что-то странное, а, хозяйка?

– Это как посмотреть. Если хотите знать, адресована она была кому-то в Лондоне, а текст такой: «Надеюсь скоро сообщить важные новости».

Уилл Сондерс поднялся и подошел ко мне, уже стоявшему у выхода.

– Не вижу здесь особых оснований, – сказал он, – чтобы начать, пользуясь выражением Карффрае, «разговоры злонамеренного направления».

– Может, вы и правы, а может, и нет. Но только скажу вам еще одно. Мистер Белл, мне кажется, вас должна особенно заинтересовать подпись под телеграммой. – Она поставила на полку последнюю вымытую кружку и снова стала возиться с чайником.

– Подпись? – изумленно переспросил я.

– Вот именно, мистер Белл. Эта американская девица подписалась фамилией Гатри.

8

А теперь, приведя ниже то, что наш автор в Эдинбурге назовет «Показаниями мисс Стракан», я перейду затем к теме Кристин, которая, как вы уже, видимо, догадались, станет главным женским персонажем этой книги. Но сначала напомним, что мисс Стракан возглавляет нашу школу, и это ей принадлежит научный труд о «визуальном учебном пособии». Вероятно, лучше темы для диссертации ей было не найти, потому что она наделена страстью все подмечать, подглядывать, интересоваться делами других людей и, в придачу к зорким глазам, природа наградила ее длинным и любопытным носом. И не может быть сомнений, что именно любопытство заставило ее поехать к своей тете в Килдун более длинной дорогой.

Каждую неделю мисс Стракан садится на велосипед, чтобы навестить тетку – престарелую женщину, скопившую немалые деньги, которые натуральным образом интересуют племянницу. Причем почти всегда она едет по главной дороге на Данун и сворачивает с нее перед самым Томпсон-Мейнз, а оттуда через пустошь ей остается мили две или три до Килдуна – деревеньки всего в несколько домов. Но порой, особенно летом, она, по ее собственным словам, испытывает тягу к приключениям, и тогда направляет велосипед вдоль долины Эркани, вихляет и скачет по неровным склонам холма, чтобы потом пастушьей тропой перебраться в долину Мерви. И хотя этот путь гораздо труднее, требует больше сил, наша главная учительница всем говорит, что обожает слушать по радио программу «Идеальный спортсмен», и сама выглядит крепкой и энергичной женщиной. Однако едва ли одна лишь «тяга к приключениям» послужила для нее мотивом, когда она отправилась трудным маршрутом через долину Эркани в первую оттепель после обильного снегопада поздней осенью, поскольку именно в это время сплетни о происходящем в замке, получили особое распространение. Злые языки даже утверждали, что она втайне надеялась на внимание со стороны Таммаса. Поскольку ни один нормальный мужчина с мисс Стракан сходитья не пожелал бы, для нее мог сойти и наш местный дурачок. Впрочем, черт их разберет – мотивы, которыми руководствуются женщины. Для нас достаточно знать, что в последние выходные ноября она решила поехать именно долиной Эркани.

Вода в Дрохете отливала зеленью, пополняясь ручьями с вершины Бен-Кайли. Хвойный лес стоял по сторонам безмятежно, и лишь иногда порыв ветра срывал с деревьев капли от стаявшего снега и поливал ими тропинку, по которой неумоимо крутила педалями наша мисс Стракан; задние колеса порой проскальзывали по грязноватой и сырой земле. И только когда она уже добралась до конца долины, то есть почти к подножию Бен-Кайли, ей бросились в глаза приметы приближавшейся с востока бури, того самого урагана, который последовал вскоре после оттепели. Мрачным, суровым и таинственным вдруг сделалось озеро в обрамлении внезапно почерневшего леса. И уже с большого расстояния в его восточной оконечности стали видны пенящиеся буруны, а потом вся поверхность покрылась рябью. Усилившийся ветер начал раскачивать такие спокойные совсем недавно деревья, а вокруг вершины горы собрались торжествующей плотной массой грозные тучи.

Если бы мисс Стракан действительно собиралась пересечь перевал и попасть в соседнюю долину, чтобы к вечеру добраться до Килдуна в разгар самого настоящего урагана, она бы испугалась до смерти. Но поскольку замок Эркани находился совсем рядом, ненастье оказалось для нее как нельзя более кстати. На многие мили кругом замок был единственным жильем, если не считать опустевшей теперь домашней фермы, прятанной далеко внизу между лиственницами. И с первым мощным раскатом грома, способным, казалось, сбить с ног любого, она миновала свой обычный поворот и направила велосипед в сторону фермы.

Но еще не проделав и половины пути, мисс Стракан даже в сгустившемся мраке разглядела заколоченные ставни дома и совершенно пустынный скотный двор. Уже сейчас ферма выглядела совершенно заброшенной и лишенной признаков жизни. И вдруг из-за края холма, очень бледная, как напуганное привидение, показалась и быстро побежала прямо к ней стройная девичья фигура. В следующее мгновение школьная начальница разглядела, что это Кристин. Да и кто еще это мог быть в столь уединенном и изолированном от мира месте? Должно быть, подумала она, Кристин увидела ее снизу и бросилась навстречу, чтобы подружески приветствовать и предоставить укрытие от бури. Она махнула рукой, издала восклицание, которое мгновенно унес куда-то с ее губ порыв ветра, и стала спускаться вниз по тропе настолько быстро, насколько позволял велосипед. И вдруг с изумлением осознала, что Кристин не заметила ее и продолжила подъем по холму, теперь наискось удаляясь в сторону, широко шагая своими длинными и сильными ногами, и от холода ее защищал лишь тонкий шерстяной свитер, уже промокший насквозь и прилипший к телу. По-настоящему встревоженная за нее мисс Стракан признавалась, что не меньше беспокоилась и за себя. Ураган все усиливался, и тем насущнее становилась необходимость укрыться в замке Эркани, а с отъездом Гэмли только Кристин Мэтерс могла не захлопнуть перед ней дверь. Поэтому она оставила велосипед рядом с тропинкой и тоже бросилась вверх, чтобы перехватить девушку во время подъема. И в какой-то момент, вновь оказавшись на виду у нее, крикнула:

– Мисс Мэтерс! Мисс Мэтерс! Ужасная погода для прогулок, не правда ли?

На этот раз директрисе школы трудно было поверить, что девушка не видела и не слышала ее. Но она тем не менее продолжала идти дальше. Пораженная, мисс Стракан остановилась, не зная, что делать. Обидеться или еще больше перепугаться. Кристин либо страдала лунатизмом, либо попросту сошла с ума от ужаса жизни в замке и причуд его хозяина. И тут ее сердце оборвалось, потому что при мысли о Гатри она вдруг ясно увидела – и это было озарением, пронзившим ее подобно молнии, – черты лорда в Кристин. Многие сплетни о них порождались тем фактом, что в девушке не находили ни малейшего семейного сходства с Гатри. Но сейчас Кристин стремительно уходила от нее и так энергично, словно способна была в этот момент легко одолеть вершину Бен-Кайли, не глядя ни влево, ни вправо, а устремив взор в пространство перед собой, с мертвенно-бледными щеками, на которых выступали лишь небольшие пятна румянца, а губы шевелились в молитве или декламации. Точно так

же, словно одержимый, прошел бы мимо сам Гатри. И к нему можно было обратиться, но только черта с два он бы ответил и вообще заметил ваше присутствие.

Такого рода открытие, как то, что сделала мисс Стракан, возразит мне здравомыслящий читатель, не принял бы во внимание ни один серьезный суд. Его списали бы на болезненную фантазию женщины, оказавшейся в весьма затруднительных обстоятельствах, чья голова, к тому же, заведомо полна предубеждениями и скандальными слухами о семействе Гатри. Но в одном мы с вами можем не сомневаться – она сама была настолько поражена увиденным, что больше даже не пыталась остановить Кристин, а лишь стояла и наблюдала за ней, пока та окончательно не скрылась из вида среди деревьев и за пеленой дождя. И какой же растерянной должна была почувствовать себя мисс Стракан, если ветер все усиливался, сгущались ночные сумерки, а тропа становилась до такой степени скользкой, что пробираться по ней было под силу уже не просто идеальному спортсмену, а скорее олимпийскому чемпиону! Ферма, где когда-то ее с удовольствием угостила бы чашкой чая миссис Гэмли, стояла теперь заброшенная, а с уходом Кристин, находившейся явно в полубезумном состоянии, в большом доме оставались только Гатри, Таммас и этот подозрительный тип Хардкасл со своей старой и во всем ему покорной женой. Мрачная таинственность древнего замка манила к себе из безопасного кабинета в школьном здании Кинкейга, однако сейчас мисс Стракан не слишком привлекала перспектива туда направиться. Можно представить, как она проклинала себя за решение совершить поездку объездным путем! Но только теперь толку от этого было чуть. Как высказался бы по этому поводу начальник станции, перед ней открывались три варианта дальнейших действий: она могла оставаться на месте или продолжить путь, чтобы наверняка сломать себе шею, к чему явно стремилась Кристин, или же преодолеть робость, добраться до замка и попытаться воспользоваться сомнительным гостеприимством Рэналда Гатри. Бедняжка понимала, насколько ужасным был замок, если маленькая Айза Мердок в страхе бежала оттуда, и потому она почти уже отважилась, несмотря на все трудности, перебраться через перевал в долину Мерви. Но в итоге здравый смысл возобладал, и мисс Стракан вернулась к велосипеду, чтобы направиться к большому дому, презрев пересуды городских кумушек о том, как страшен Гатри со своим «черным глазом», со шпагой и мрачной галереей.

Но затем она вновь обратила внимание на домашнюю ферму и заметила, каким просторным был чердак дома. Джорди и Элис часто там спали, что маленьким шалунам очень нравилось, забираясь наверх по приставной лестнице, ведущей туда со стороны скотного двора. Не исключено, подумала она, что Гэмли оставили там набитые соломой тюфяки для ночлега, и если бы ей удалось проникнуть на чердак, ничто не помешало бы дожждаться рассвета. Тем более, как опытная путешественница по Шотландии, она всегда имела при себе про запас пару пачек шоколадного печенья. Мисс Стракан поставила велосипед в амбар и взобралась на длинный и скользкий сейчас камень, на который опиралась лестница. Подергав дверь чердака, она обнаружила, что ее, конечно же, никто не потрудился запереть. Тюфяки тоже оказались на месте и выглядели необыкновенно удобными и сухими после штормового ветра с дождем, бушевавшего снаружи. «Мне уж точно будет уютнее здесь одной, чем в компании с сомнительными обитателями Эркани», – подумала мисс Стракан.

Промокла она до нитки, хотя надела в дорогу самый свой плотный плащ, и, отойдя в дальний конец скудно освещенного чердака, начала раздеваться. Она уже почти обнажилась, как рассказывала потом сама (а мы обратим внимание, что ни в одной сплетне, циркулирующей по Кинкейгу, не обходится без наготы), когда на чердаке вдруг сделалось совсем темно. «Должно быть, ветром захлопнуло дверь», – подумала мисс Стракан, но, повернувшись, увидела в проеме ужаснувший ее мужской силуэт на фоне все еще более светлого неба. И сразу же узнала худощавую фигуру – Гатри собственной персоной.

Как видите, школьная директриса попала в ситуацию, лишь немногим отличавшуюся от случая с маленькой Айзой Мердок. Не знаю, быть может, писателю в Эдинбурге покажется, что нам грозит опасность впасть в некоторую монотонность сюжета. Но вот кому положение точно не показалось монотонным, так это мисс Стракан, издавшей вскрик, который мог бы, наверное, напугать даже самого Гатри, не хлопни он в этот самый момент дверью и не задвинь снаружи со скрежетом ржавый засов. Он не разглядел полуобнаженную Вирсавию в дальнем углу чердака и едва ли реагировал бы на нее, как царь Давид, если бы разглядел. Но его заботило только одно: чтобы ураган не нанес внутрь воды, и уже минуту спустя мисс Стракан услышала, как он спускается вниз по лестнице.

Оправившись от испуга, она поняла, что все не так уж и плохо для нее при условии, если Гатри уйдет. Она не стала безнадежной пленницей чердака, поскольку люк в полу вел внутрь дома. Проблема заключалась лишь в том, что к люку не приставляли лестницы, поскольку все пользовались внешней. Но у нее была одежда и ткань тюфяков, из которых она легко связала бы импровизированную веревку для спуска, как учили во время туристических походов в колледже. А оказавшись внизу, она при необходимости выберется наружу через любое из окон. Пока же она снова занялась промокшей одеждой. Лорд все еще находился поблизости, и ей попросту ничего другого не оставалось.

А Гатри явно не собирался уходить. Сквозь доски она слышала, как он расхаживает по одноэтажному дому. «Точно так же, – подумала мисс Стракан, – расхаживал он, вероятно, в ту ночь по галерее». Ей было любопытно, что привело сюда лорда из замка в такую погоду, и объяснение приходило в голову только одно: он как будто дожидался кого-то. И стоило ей об этом подумать, как догадка получила подтверждение, потому что Гатри вдруг громко сказал:

– Заходи в дом!

После чего воцарилось молчание, словно эти слова улетели в пустоту и не были обращены ни к кому. Но затем опять раздался голос лорда, и мисс Стракан отчетливо услышала в нем оттенок издевки:

– Заходи же, будь женщиной!

Вновь последовала пауза, а потом входная дверь распахнулась с бешеным грохотом, словно именно такой была реакция вошедшего на язвительную интонацию Гатри. После еще одной паузы первым опять заговорил лорд, но теперь так тихо и даже как будто робко, что его слова с трудом можно было расслышать сквозь узкие щели между досками пола.

– Так это ты?

Начальница школы задрожала при этом всем своим промокшим телом, и не столько потому, что продрогла с головы до пят, сколько от того, как прозвучал этот вопрос. Но не сомневайтесь, ее длинный нос уже горел от любопытства, а глаза спешно искали в полу отверстие пошире, чтобы было, куда его сунуть. И тут же до нее донесся голос неизвестного гостя Гатри – молодой, звонкий, дерзкий и ей не знакомый.

– Где Кристин?

– Сегодня у тебя свидание не с Кристин, Нейл Линдсей. Их вообще больше не будет, потому что теперь я узнал ваш маленький секрет.

Стало быть, вот кто пришел сюда в такой час! Нейла Линдсея мисс Стракан знала только по имени. Наполовину англичанин, он приехал сюда из Эдинбурга, как и она сама, но уже знакомая с местными обычаями директриса школы понимала, какая начнется свара, если Линдсей принялся ухаживать за Кристин Мэтерс. Казалось, первые молнии этой бури уже засверкали у нее под ногами в кухне домашней фермы.

– Где она, Гатри?

Линдсей обращался к лорду открыто и смело, как к равному себе. Он хоть и считался простым фермером, но знал о своем благородном происхождении, о чем речь у нас пойдет ниже. А потом мисс Стракан услышала ответ Гатри, сухой и хладнокровный:

– Я проследил за Кристин и нашел твою к ней записку. А потом отправил ее домой и стал дожидаться тебя здесь. Ты считаешь, что я совершил ошибку? Тебе есть на что пожаловаться?

– Она сама себе хозяйка.

– Нет, если ты хочешь сделать ее своей.

Мисс Стракан становилось все интереснее. Она напрягла слух, и ей показалось, что Линдсей в гневе шагнул в сторону Гатри и готов схватиться с ним, но одумался и заговорил уже ровным голосом и очень серьезно:

– Я хочу взять ее в жены, Гатри.

– Этого не будет, – сказал лорд.

– А она хочет стать моей женой.

– Говорю же, этого не будет никогда.

– Но мы поженимся, Гатри, и ты не сможешь нам помешать.

– Как раз это в моей власти, Нейл Линдсей.

– Что дает тебе власть над ней?

– Кристин несовершеннолетняя, и тебе это известно.

– Это поправимо. Но у меня есть более важный вопрос.

– В самом деле? Какой же?

– Кем тебе приходится Кристин?

Они не тратили слов понапрасну, эти двое, выясняя отношения. А школьная начальница пребывала в полнейшем экстазе. Затаившись на чердаке, никем не замеченная, она подслушивала такое, что заставит померкнуть историю Айзы Мердок и будет обсуждаться за каждой чашкой чая по всему Кинкейгу. Она с наслаждением положила в рот кусочек печенья и жалела лишь о том, что не могла рискнуть и закурить сигарету – мисс Стракан приистрастилась к дурной привычке, как многие современные женщины. Впрочем, она сразу же снова приложила ухо к щели в полу, чтобы услышать ответ Гатри на столь волновавший ее вопрос.

Но тут в дело вмешался фактор, которого она никак не могла предвидеть – природные условия долины Эркани в начале зимы. Ураган, до той поры лишь накапливавший силы, обрушился в этот момент на маленький фермерский дом со всей своей неукротимой яростью. Ветер завыл так громко, как чаще завывает в книгах, чем на самом деле, а мелкий дождь превратился в ливень, крупные капли которого застучали по черепице крыши пулеметными очередями. Гатри и Линдсей могли сейчас дуэтом распевать «Аллилуйя!» – такое у нее складывалось впечатление сквозь неумолчный шум стихии – или даже убивать друг друга. Она искренне переживала за каждого из них. Вот насколько милосердным человеком была мисс Стракан!

И, представьте, ее опасения оказались не лишены оснований. Потому что через две-три минуты ураган несколько умерил силу, и она расслышала голос Линдсея, хриплый от гнева:

– А ну повтори, что ты сказал!

– Я сказал: поженитесь вы или нет, но если еще не поздно, тебе никогда не иметь от нее детей! – ответил на это Гатри.

И тут же раздался отчетливый удар по лицу. А потом приглушенный и пристыженный возглас Линдсея:

– О, боже, прости меня! Ты же мне в деда годишься! Мне очень жаль. Несмотря на всю кровавую вражду между нашими семьями...

– Ты за это заплатишься, – угрожающе сказал Гатри.

И эти слова, прозвучавшие подобием реплики из старинной драмы, стали последними, подслушанными мисс Стракан. Потому что в то же мгновение раздался первый мощный

раскат грома после некоторого затишья, который она, взвинченная и испуганная, приняла за пистолетный выстрел, подняв на чердаке крик в полной уверенности, что совершено убийство.

Для мужчин внизу это стало неприятной неожиданностью. Линдсей сразу же ушел, а Гатри, как всегда сохраняя хладнокровие, решил разобраться с причиной такого сюрприза. Он вышел и быстро взобрался по лестнице, и потому школоначальница не успела даже укорить себя за то, какую дурочку свалила, или по-настоящему испугаться, как он уже стоял в дверях чердака, с удивлением разглядывая женщину.

– Мэм, – спросил он, – означает ли ваш крик, что у вас возникли проблемы?

Мисс Стракан нисколько не успокоилась, обнаружив перед собой Гатри, усвоившего чисто английские манеры, которые проявлялись в мрачной иронии и холодной вежливости. Ей даже комфортнее было бы иметь дело с тем Гатри, что только что противостоял внизу Линдсею, главе шотландского рода, представителю местной аристократии, забывшей обо всех тонкостях политеса еще несколько веков назад. Как мы можем предположить, она подпустила плаксивости в голос, когда ответила:

– О, мистер Гатри, сэр, я – директор школы в Кинкейге и просто проезжала мимо, когда началась буря, а потому...

– Я весьма рад, – сказал Гатри, и поскольку лорд все еще стоял в дверном проеме, она заметила, что он сопроводил свои слова легким поклоном. – Повторяю, я весьма рад, что ферма дала вам укрытие от непогоды. Но ведь вы кричали, или я ослышался? Вас что-то напугало? Быть может, вы ожидали встретить больше гостеприимства с нашей стороны?

Хотя он представлялся ей сейчас не более чем темным силуэтом, она чувствовала на себе его тяжелый взгляд, а преувеличенно вежливый тон только внушил ей тревогу.

– Это была всего лишь крыса, мистер Гатри, – поспешила заверить его мисс Стракан. – Меня испугала неизвестно откуда взявшаяся здесь крыса.

– Ну конечно, – кивнул Гатри. – Крысы всегда были для нас проблемой. Например, я сам только что столкнулся с одной из них внизу.

От подобных речей мисс Стракан ощутила, что у нее буквально кровь стынет в жилах; она ощутила такое глубокое отчаяние, что, если бы посмела, то уселась бы на тюфяк и разрыдалась. И видимо, помимо воли всхлипнула, потому что лорд сразу же сказал:

– Вы очень утомлены. Позвольте сопроводить вас в более надежное и комфортное место, которое послужит для вас убежищем.

При слове «убежище» у нее почему-то на мгновение возникла ассоциация с сумасшедшим домом, словно хозяин собирался передать ее прямо в руки полоумному Таммасу, и ей захотелось проскочить мимо него, вырваться на свободу и бежать без оглядки, невзирая на разыгравшийся ураган и уже наступившую ночь. Но лорд со своей несколько навязчивой старомодной галантностью уже приблизился к ней и, как сэр Чарльз Грандисон из бессмертного романа Ричардсона, под руку вывел с чердака к лестнице, словно из бального зала. Снаружи, несмотря на темноту, она заметила смертельную бледность его лица, на котором виднелся отчетливый след от удара. И Гатри направился вокруг оконечности озера к своему большому дому, ведя велосипед одной рукой, а другой придерживая незваную гостью с такой почтительностью, словно она была по меньшей мере герцогиней Бакклея, а у той в ушах продолжала звенеть фраза «Ты за это заплатишься». Но стоило им войти в дом, как он, казалось, сразу пресытился занимавшей его до этого игрой и всего лишь дал указание Хардкаслу и его жене:

– Пристройте эту молодую дамочку у нас на ночь.

Засим он холодно раскланялся с ней и отправился к себе, а директрису этот внезапный переход от «мэм» к «молодой дамочке» напугал чуть ли не больше всех остальных событий

вечера. Впрочем, определение «молодой» вполне могло быть воспринято ею как комплимент, если забыть, что лорд толком не разглядел ее лица в постоянном полумраке.

Утром мисс Стракан видела Гатри лишь мельком. Поднялась она с рассветом, после дурного сна, которому теперь действительно мешали крысы, а ужин ей предложили такой скудный, что еще толком не проснувшись, она доела остатки своего шоколадного печенья, которое за ночь не успели уничтожить мерзкие грызуны. Поскольку буря улеглась, ей не терпелось покинуть замок как можно скорее, причем в ее планы входило теперь всего лишь возвращение в Кинкейг пешком, ведя велосипед рядом, — о том, чтобы ехать на нем по окончательно раскисшей тропе, не могло быть и речи. Она получила на завтрак ломоть хлеба с патоккой от ведьмы, которую ей живо напомнила жена Хардкасла, пробормотала слова прощания и двинулась той же тропой, что пришла сюда накануне. А надо вам сказать, что тропа эта круто проходит над излучиной озера, из которого в прежние времена брали воду для окружавшего замок рва. И вдруг прямо перед собой мисс Стракан заметила Гатри, который при восходящем солнце смотрел на озеро Кайли, словно пытался прочесть на его поверхности некое сообщение, сброшенное для него с огненной солнечной колесницы. Затем на глазах директрисы, к которой Гатри стоял спиной, он вскинул руки вверх, будто хотел на фоне светила разглядеть циркулировавшую по венам кровь. Это выглядело настолько необычно, что мисс Стракан вспомнились пересуды о том, как он молился своим идолам в духе языческих обычаев, и спешно повернула назад, чтобы сделать круг по лесу в обход тропы. И можете не сомневаться, она ни разу не остановилась, пока не удалилась от замка Эркани на несколько миль, как поступила прежде Айза Мердок. Но зато при ней были богатые трофеи: еще никому не удавалось доставлять из долины сразу столько топлива для новых сплетен.

Да и после этого никто в Кинкейге, кроме меня самого, не слышал ничего о Рэналде Гатри до самой трагедии. Мисс Стракан провела в замке ночь на двадцать восьмое ноября. А десятого декабря, как раз накануне большого снегопада, совершенно закрывшего доступ в ту долину, ко мне пришла Кристин Мэтерс, чтобы поведать свою историю.

9

Кристин редко появлялась в Кинкейге. Впрочем, чем мог привлечь ее городишко? Не пивом в «Гербе» — это уж как бог свят. Не кухонными пересудами и не редкими молодежными игрищами по субботам. А к доктору Джерви ее не пускал Гатри, который и сам не жаловал нашу церковь. Вскоре после приезда к нам и детального ознакомления с делами прихода доктор Джерви пешком дошел до замка Эркани и побеседовал с лордом. Причем прозрачно намекнул в разговоре, что не стоило бы воспитывать столь восприимчивую юную особу, как Кристин, в полном одиночестве, и затронул еще несколько щекотливых тем. Вероятно, только почувствовав в докторе Джерви ученого собрата, Гатри удержался от того, чтобы не спустить на него свору собак, как поступил с нашим прежним настоятелем церкви, который, впрочем, действительно представлял собой пустое место, читавшее вслух с церковной кафедры без подлинного понимания религиозной доктрины, это правда. Но и доктора Джерви лорд выслушал до конца с холодной учтивостью и столь же прохладно с ним раскланялся на прощание. И с тех пор, встретившись со священником в городе, ни разу не остановился, чтобы хоть словом перемолвиться. К церковной службе не являлся ни он сам, ни Кристин, ни Хардкаслы. А что до дурачка Таммаса, то вряд ли он вообще знал хоть что-то о Боге и Священном Писании.

Как я уже отметил, Кристин редко приходила в Кинкейг, а если все же бывала в городе, то непременно навещала обувных дел мастера Эвана Белла. Мы с ней водили дружбу уже давно, потому что первой нянюшкой, нанятой Гатри для Кристин, оказалась дочь моей родной сестры. В ту пору в замке еще держали коляску с запряженным в нее пони, и лорд, нрав

которого был заметно мягче в годы детства Кристин, разрешал им вволю кататься повсюду, и они частенько заезжали в гости к дяде Эвану, как меня называла не только племянница, но и Кристин. Бездетный холостяк, я от всего сердца полюбил маленькую мисс Мэтерс. Когда она подросла, Гатри привез в дом гувернантку миссис Мензис, не слишком умную, но добрую леди с отменными манерами, и продолжил воспитывать Кристин в полном одиночестве, а она навещала меня, чтобы поделиться своими проблемами в Эркани, но чаще задавала вопросы об окружавшем нас мире. Только став уже подростком, начала осознавать она всю необычность своего положения, поняла роль Миранды, которую играла при погруженном в свои мрачные мысли Просперо¹⁵, и тогда замкнулась в себе, а в глубине ее сердечка поселилась печаль. Она по-прежнему приходила ко мне, но говорила теперь мало. Увидев на моем верстаке свернутые лоскуты обувной кожи, она подносила их к лицу и вдыхала запах, словно этот сырой природный материал мог придать ей сил. А потом ее посещения стали более редкими. Иногда она смотрела на меня так, словно готова была поделиться чем-то сокровенным, но в результате все сводилось к обычной болтовне о событиях дня. Порой Кристин долго сидела в глубокой задумчивости с куском кожи в руках, и на моих глазах в ней естественно и неумолимо просыпалась женственность, как распускается цветок вереска на склоне холма. А потому я знал обо всем происходившем задолго до того, как школьная директриса впервые назвала на весь Кинкейг имя ее не слишком удачливого возлюбленного.

Но вам следует сначала узнать немного больше о семьях Гатри и Линдсеев – действительно немного, а потому могу обещать, что не сильно отвлеку вас от темы Кристин, ибо не собираюсь писать здесь историю шотландского феодализма. И все же, мой читатель, нам придется совершить краткое путешествие в эпоху, предшествовавшую Реформации.

Возможно, вы знаете, что в то время как в горной местности люди всегда объединялись в кланы, которые имели вождей и постепенно разрастались, когда сыновья вождей, женившись, создавали для кланов новые ветви, то в низинах ничего подобного не существовало, и аристократы образовывали обычные семьи или роды. И как бы велика и многочисленна ни была семья, она редко обладала сплоченностью клана, и связующим звеном между членами одной семьи, инициатором союзов с другими семьями в низинных местностях всегда считались крупные землевладельцы. И лишь тот край мог жить в мире и покое, где местный лорд пользовался поддержкой не только своего рода, но и соседей.

И в те времена, пока Гатри из Эркани еще считались молодым родом, Линдсеи из долины Мерви были уже могучим семейством, баронами, доверенными лицами королей, а их земли простирались до владений Иннесов и воинственных Флемингов, занимая все пространство между Мореем и Спреем. И вот в годы малолетства короля Якова III, когда Шотландия превратилась в страну, где воцарились беззаконие и безбожие, Гатри вступили в военный союз с Линдсеями. Предок нынешнего владельца замка Эркани, тоже Рэналд Гатри, принес клятву Эндрю Линдсею «быть ему другом и союзником, поддерживать и в мире, и в ссоре с врагами, оказывая помощь людьми и припасами, сохраняя в порядке военные укрепления для совместной обороны, как велит совесть и здравый смысл, и отвергать любые другие союзы, за исключением одних лишь священных обязательств перед нашим общим господином – королем Шотландии». Благодаря, вероятно, щедрым подаркам Линдсеев и их власти, клятва многие десятилетия нерушимо соблюдалась, возобновляясь каждые пять лет по истечении срока действия текущего договора. Вот только словеса, содержащиеся в ней по поводу «священных обязательств» перед королем, так пустыми словесами и оставались, потому что на деле союз двух семей нередко замыслил и выступления против короны.

Да и направлен он был изначально далеко не на поддержку королей, поскольку род Линдсеев, в свою очередь, давал клятву верности графу Хантли. И уже при Эндрю Линдсее

¹⁵ Персонажи драмы У. Шекспира «Буря».

настал день, когда граф прислал ему письмо, в котором говорилось, что его кузен – лорд Гайт – вызван в Эдинбург для суда над ним, и ради спасения его жизни возникла необходимость, чтобы Линдсей со всеми союзниками собрались в Сент-Джонстоне, откуда совместно с графом выступили бы на Эдинбург. Линдсей оповестил Рэналда Гатри, и Линдсей и Гатри со своими воинами выдвинулись к Сент-Джонстону в районе Перта, присоединились там к войскам графа и сообща тронулись в сторону Эдинбурга, чтобы склонить правосудие короля в пользу лорда Гайта. Только Эндрю Линдсей под предлогом неотложного дела отлучился на сутки и погнал коня в замок Эркани, где возлег с женой Рэналда Гатри.

Ровно год и один день Рэналд Гатри не подавал вида, что ему все известно, втайне собрав за это время столько сил, чтобы напасть на Мерви, застать Эндрю Линдсея врасплох и захватить его. Увезя Эндрю в свои земли, Гатри приказал отрубить прелюбодею пальцы на руках, а потом отправил домой, привязав на шею песочные часы. Это было сделано, чтобы напомнить: за прошедшие год и день срок договора истек, а значит, Гатри не нарушил его условий. Эндрю Линдсей умер от потери крови.

Так было положено начало жесточайшей междоусобице семей Линдсеев и Гатри. И если перечислить все те ужасы, что они творили друг против друга, то получилась бы леденящая душу сага. Однако из поколения в поколение мощь и власть Гатри возрастали, а для Линдсеев начался долгий период упадка и во «время убийств»¹⁶ им был нанесен окончательный удар. Линдсеи из Мерви не числились больше в списках нашей аристократии. Дошло до того, что простолюдины из Дануна начали запросто приходить и растаскивать на камни руины ворот и главной башни замка Мерви. А Гатри, которые никогда ничего не забывали и никому ничего не прощали, только посмеивались, беспрепятственно выезжая охотиться в долину Мерви.

Но все же на этих землях осталось еще достаточно Линдсеев, превратившихся в простых фермеров, которые с полным правом могли называть себя наследниками некогда великого рода, задайся они такой целью. И старинная вражда не исчезла. Линдсеи считали Гатри самым грязным и подлым племенем среди шотландского дворянства, а Гатри травили Линдсеев при каждом удобном случае. Угли ненависти подспудно тлели, иногда разгораясь, и тогда наиболее горячие головы снова отваживались на зловещие дела. И не было большего позора для одного из Линдсеев, чем пойти в услужение к потомкам Гатри в Эркани. Вот почему молодой Нейл Линдсей испытывал глубокую неприязнь к Рэналду Гатри до того, как познакомился с Кристин: его жег мучительный стыд, что его отец работал однажды на сестру лорда по имени Элисон. О ней вам следует знать подробнее, поскольку эта женщина своей репутацией черным пятном легла на историю семьи Гатри: в народе не сомневались, что Таммас – ее незаконнорожденное дитя невесты от кого.

В семействе Гатри одного с Рэналдом поколения было четыре члена. Старший – Джон, на глазах которого двое его писаных красавцев сыновей утонули в пучине озера Кайли, прожил остаток дней бездетным, предаваясь беспредельной печали, пока наследство не перешло к Рэналду. От средних сыновей – второго по старшинству Йена и третьего Рэналда – пошла традиция для Гатри избегать церкви. Оба отправились жить среди австралийских дикарей. В Кинкейге их зачислили в безбожники и смутьяны, а потому мало кто удивился или пуше того – огорчился, когда прошел слух, что Йен встретил жуткую смерть, сваренный в котле варваров-людоедов. Дочь Элисон была ровно на двадцать лет моложе Рэналда, поздний ребенок для их отца и уже тоже престарелой матери. Она походила на всех Гатри. Темная личность со сдвигом в мозгах. Предметом ее одержимости стали пернатые. И она непостижимым образом притягивала к себе птиц: они вились над ее головой целыми днями, а ночью навещали во снах. Она объехала всю Шотландию, собирая сведения о них и наблюдая места

¹⁶ Кровавая эпоха шотландской истории второй половины XVII в.

расселения, написала о птицах целую книгу, а потом окончательно поселилась в горной хижине, грубой постройке из камня, и внутри, и снаружи побелевшей от птичьего помета. Как передавали в народе, по ее словам, она изучила язык пернатых. Одни помнили ее рассказы, что птицы говорят между собой только о райских куцах, другим запало в душу другое – дескать, их щебет всегда об адском пламени и преисподней. И вот некий Уот Линдсей, как раз папаша Нейла, оставшийся без дела, потому что с фермерским хозяйством справлялись его братья, и, кроме того, сам не чуждый любви к птичкам и умевший обходиться с ними, настолько забыл о старинной вражде, что согласился выполнить ее поручение. Он переплыл для нее Лох-эн-Эйлен и сфотографировал единственное гнездо орлика-рыбака, найденное на шотландских землях за многие годы. Элисон умерла в своей горной хибаре, не дожив до старости, а Нейл Линдсей затаил недобрые чувства к лорду: а все из-за того, что его покойный отец однажды услужил женщине из семейства Гатри.

Я мало что знал о Нейле Линдсее, пока ко мне не пришла Кристин, поскольку жил он в самой отдаленной лощине долины Мерви, где, по его мнению, когда-то стоял замок с башней, принадлежавший его знатным предкам. По слухам, ему пришлось преодолеть сопротивление отца, матери и братьев, чтобы учиться; причем учиться по книгам на английском языке, который дерьма не стоил для всех остальных Линдсеев, мелких фермеров, с трудом боровшихся за свое выживание, что с течением лет становилось для них все непосильнее. Лет сто или даже пятьдесят назад он мог бы найти себе домашнего учителя, который натащил бы его, чтобы отправиться в Абердин и получить настоящее образование в тамошнем колледже. Но ныне то, что наш начальник станции величает «прогрессом образования», почти закрыло подобную возможность для простых парней вроде Нейла. Путь учения, словно терниями, усеяли на каждом шагу требованиями получения всевозможных аттестатов и свидетельств. А знания Нейла Линдсея были бессистемными, фрагментарными и порой ложными. Он прекрасно сознавал, что достоин лучшего и, обладая живым и пытливым умом, смог бы далеко пойти, если бы ему открылась дорога к образованию, которое получали отпрыски знатных семей. Но он был слишком горд и независим по натуре, чтобы, живя в нищете, карабкаться из класса в класс обычной средней школы. Люди такой породы обычно пополняют ряды бунтарей, и ходила молва, что Нейл связался с тайной группой, называвшей себя националистами, члены которой готовы были бороться, чтобы Шотландия снова стала свободной и суверенной страной. Вот только Уилл Сондерс считал, что эти самые националисты готовились отдать Шотландию на откуп обосновавшимся на Клайде ирландцам. Уилл поддерживал лишь идею справедливого распределения доходов от колоний, а в остальном полагал английское влияние на Шотландию положительным. Особенно в том, что касалось вероисповедания. На этом, однако, конец моему отступлению от главной линии повествования, и пора приступить к рассказу Кристин, как она впервые повстречалась с Нейлом.

На День святого Иоанна девушка в полном одиночестве отправилась на прогулку, перелазя через перевал и попала в самую отдаленную часть долины Мерви. Утро стояло прекрасное. Легкие пушистые облачка проплывали над ее головой. Слева за деревьями притаилось озеро, где гнездились бекасы, а дикие гуси прилетали со стороны моря. Самый длинный день ждал ее впереди, день, когда ночь едва ли вообще наступала, и она решила отправиться туда, где никогда не бывала: к вечно заснеженной вершине Бен-Кайли, возвышавшейся прямо перед ней. И она прошла еще дальше по долине мимо фермы Линдсеев, о которых ничего не слышала, лесом, где прошлогодние листья платанов вплетались в игольчатый ковер от лиственниц, пружинивший под ногами. Когда она миновала сосновый бор и взобралась по каменистой осыпи, перед ней открылся один из скалистых склонов Бен-Кайли. Слева виднелась серебристая полоса озера, а дальше из-за череды пологих холмов поднимался голубой торфяной дымок из труб Кинкейга. До нее доносился то плеск ручьев,

образованных таянием снегов на Бен-Кайли, то мягкое и дрожащее бление овец с расположенного внизу пастбища, то звон колокольчиков. Постоянно кричали чибисы, голоса которых когда-то напоминали Кристин ее собственный плач. Трудным и одиноким получался у нее подъем все выше, через заросли вереска, по голым камням к тому месту, где с одной стороны приближалась отвесная стена горы, а с другой открывался обширный вид на поля кукурузы, зеленеющие позади Дануна и протянувшиеся до самого моря, невидимого даже отсюда.

Вот так Кристин взбиралась все выше по склону Бен-Кайли, не подозревая, что каждый шаг приближает ее к встрече с Судьбой. Зачем нелегкая потащила ее наверх, она сама не знала, и только после того, как с наступлением сумерек вернулась домой, задалась вопросом, что могло случиться, если бы она подвернула ногу, или произошел какой-то другой несчастный случай. Ведь никто не подозревал, что она отправилась на Бен-Кайли, и прошло бы немало времени, прежде чем догадались бы поискать ее там, на большой высоте. Но страшно ей не было ни минуты. Прежде она уже совершала восхождения на гору, вот только на самой вершине не бывала ни разу. И Кристин не видела никакой опасности для человека, столь опытного, каким считала себя. Именно эта мысль пришла ей в голову, когда она пробиралась по узкому уступу, нависшему всего в семи или восьми футах над мягкой подстилкой из вереска. Именно об этом она думала, прежде чем увидела незнакомого мужчину.

Он стоял ниже и чуть в стороне от нее на краю обширного скалистого утеса – молодой человек в синей рубашке и старых серых брюках. Он мог оказаться простолюдином или джентльменом – этого она не знала. Главное, что он был необычайно хорош собой, застыл в глубокой задумчивости. При этом он даже немного напоминал статую, высеченную из такого же гранита, как камень, на который был в тот момент устремлен его пристальный взгляд. Лишь секунду спустя мужчина поднял руку и с поразившей Кристин чувственностью погладил каменную поверхность, иссеченную и огрубевшую под воздействием ветров и дождей. Вероятно, так трогали камень только пикты¹⁷, для которых горы были единственно знакомой средой обитания.

За годы своего одинокого взросления Кристин встречала лишь нескольких мужчин, и если чуть выше я приравнивал ее к Миранде, то Нейлу Линдсею в таком случае уместно будет отвести роль Фердинанда¹⁸. В течение бесконечно долгой минуты она смотрела на него во все глаза, а потом попробовала ускользнуть незамеченной. Но судьба порой играет с нами самым прихотливым образом, а потому нога опытной скалолазки, которой Кристин только что мысленно назвала себя, неожиданно зацепилась за препятствие, и девушка повалилась в вереск с высоты тех самых шести футов, причем упала чуть ли не на голову незнакомца.

В одно мгновение Нейл Линдсей оказался с ней рядом; вероятно, звук ее падения встревожил его, поскольку он метнулся к девушке со скоростью пантеры. У Кристин закружилась голова, скалы и вереск начали вращаться перед ее взором, причем вращение не остановилось, когда незнакомый молодой человек поднял ее на руки. Она закрыла глаза, а открыв их, встретила с его удивленным взглядом.

– Вы не пострадали, милая? – спросил он с таким волнением, словно она была ему родной сестрой. Она ответила, что с ней все в порядке, и тогда он бережно опустил ее, предосторожности ради чуть придерживая. – Хорошо, но только не делайте так больше, – мягко сказал он. – На Бен-Кайли опасно падать даже в столь чудесный день.

Кристин рассмеялась в ответ, но, оказалось, что незнакомец и не думал шутить. Он снова посмотрел на нее, и теперь во взгляде читалось нечто гораздо большее, чем удивление и тревога – так смотрят в глаза любимым.

¹⁷ Группа племен, составлявших древнее население Шотландии.

¹⁸ Еще один персонаж «Бури» У. Шекспира.

Вот при каких обстоятельствах произошла их первая встреча. Нейл помог Кристин подняться к вершине горы, и девушка умыла лицо свежим снегом в самый разгар лета. Во время подъема, занявшего некоторое время, она набралась смелости спросить у своего спутника, что привело на склон Бен-Кайли его самого. В ответ он покачал головой и покраснел до корней волос. Оказалось, он принес с собой учебник геологии Грампианских гор¹⁹ и уже далеко продвинулся в его изучении, хотя ему приходилось держать свои занятия в тайне от всех. Кристин, которая вроде бы воспитывалась по всем правилам, прониклась сочувствием к нему, поскольку и для нее образование превратилось в своего рода преодоление препятствий. Она слушала его почти целый день, нисколько не удивляясь, что этот юноша-фермер с лицом скорее молчуна, чем краснбая, мог бесконечно рассказывать ей об узнанном с таким пылом и страстью, словно хотел прикоснуться к ее уму так же нежно, как прежде касался бесчувственного гранита. Только когда они уже почти спустились к подножию горы, и перед ними открылся вид на долину Мерви, он вдруг оробел и, смущаясь, задал вопрос, который явно собирался задать много раньше. Он представился Нейлом Линдсеем, но кто такая она? Это оставалось ему пока не известным. Она назвалась, и только тогда он понял, что перед ним обитательница Эркани, живущая там вместе с Гатри. Узнав в ней дочь лорда, он окинул ее взглядом, смысл которого остался ей непонятен. Она, конечно же, знала о застарелой вражде между Линдсеями и Гатри, но никогда не считала ее чем-то, затрагивавшим ее поколение, и списала в архив зловещих событий далекого прошлого. Однако кровь сначала прилила к лицу молодого человека при звуке ее имени, а потом отхлынула, оставив на щеках мертвенную бледность, заметную даже под обычным фермерским загаром. Он сначала испугал ее, пробормотав под нос проклятье, но затем решительным движением привлек к себе и обнял.

С этого момента судьба Кристин была решена окончательно и бесповоротно. Пусть при их дальнейших встречах (всегда тайных) настроение у обоих менялось, пусть она сама временами отказывалась поверить в это, но в глубине души знала, что отныне и навеки принадлежит ему. И сам Нейл, не постоянный прежде в своих чувствах, обрел уверенность, непоколебимую, как та скала, в тени которой они впервые встретились: Кристин станет его женой, разделит с ним ложе, они вместе уедут в Канаду, где живет двоюродный брат Нейла, ученый с устоявшейся репутацией, способный дать родственнику работу по сердцу.

Так, после мучительных колебаний и усилий преодолеть девичью скрытность, Кристин поведала мне свою историю, то обрывая рассказ, то приступая к нему с самого начала. Отчасти ее нерешительность объяснялась невыносимой для девушки обстановкой, воцарившейся в Эркани; лорд вел себя так, что она невольно начинала нервничать и сомневаться, может ли довериться в этом мире хоть кому-то, кроме Нейла Линдсея. Гатри был решительно настроен против молодого человека после их встречи на домашней ферме, временами напоминая демона, хранившего молчание, но сжигаемого изнутри огнем гнева и яростной неприязни. Подобные же эмоции обуревали и Нейла. Он искренне ненавидел Гатри, подогревая ненависть воспоминаниями обо всех несправедливостях, которым подверглась в прежние времена его семья, о чем Кристин не желала даже слышать. В последовавшие месяцы затянувшегося ожидания и неопределенности в Нейле заговорил темперамент горца, унаследованный от матери. Кристин с тревогой наблюдала, как чувства берут в нем верх над разумом, и вскоре после злополучной встречи на домашней ферме поняла, что настала пора действовать. Уподобляясь младому Лохинвару²⁰, Нейл готов был проникнуть в замок, похитить Кристин, чтобы затем втайне обвенчаться. Он сумел отложить достаточную сумму, которой хватило бы на переправу через океан в Канаду, но будь я проклят, если бы после этого у него

¹⁹ Высочайшая горная система Великобритании.

²⁰ Герой стихотворения В. Скотта.

осталось хоть пенни за душой. Кристин не желала тайного бегства. Все ее инстинкты восставали против этого. Она ощущала, что Гатри обладает над ней властью, преодолеть которую она сможет, только открыто выступив против его воли. Но знала она и другое: стоило Нейлу обратиться к ней и приказать, как она, позабыв обо всем, последовала бы за ним. Потому что молодой человек полностью подчинил ее себе, и здесь она была бессильна. Когда я спросил – и, видимо, вопрос прозвучал для нее глупо, – «Ты действительно так стремишься стать его женой, Кристин?», она посмотрела на меня с откровенной насмешкой и ответила:

– Я стану ею во что бы то ни стало.

Значит, отговаривать ее не стоило и пытаться. Мне оставалось лишь по мере сил помогать ей. А она почти сразу поинтересовалась:

– Мистер Белл, в Дануне есть надежный адвокат?

Я сказал, что в прежние времена там практиковал старый мистер Данбар, а теперь появился молодой стряпчий по фамилии Стюарт, унаследовавший контору и практику. И хотя ее вопрос немного встревожил меня, я не стал выпытывать, что она задумала. А Кристин поднялась со скамьи в углу моей мастерской, где все это время сидела, подошла к окну и принялась рассеянно разглядывать улицу Кинкейга, снова укрытую толстым снежным покрывалом.

– Должны быть какие-то документы, – тихо сказала она затем, не оборачиваясь ко мне. – Свидетельство о рождении и прочее.

Я ответил, что действительно таких бумаг не могло не существовать, но если она была несовершеннолетней подопечной Гатри официально и на законных основаниях, а он вел себя до крайности непредсказуемо, то мог ей ничего не рассказать о них и не пожелать даже предъявить. И я не слишком разбирался в юридических тонкостях, чтобы знать, имела ли она право потребовать показать их ей. Она, конечно, могла отправить Нейла к юристу в Дануне, если на то пошло, но я по-стариковски посоветовал все-таки выждать некоторое время. Существовала вероятность, что лорд постепенно смирится с положением вещей и поймет, что у Гатри и Линдсеев должно хватить здравого смысла, чтобы перестать разыгрывать из себя Монтекки и Капулетти. А ей пойдет на пользу, сказал я Кристин, если она сумеет внушить ту же мысль своему горячему возлюбленному. В конце концов, когда нищий фермер, не имеющий ничего, кроме смутных надежд на лучшее будущее в Канаде, хочет взять в жены подопечную богатого лорда, ему следует быть готовым к первоначальному отказу, прежде чем сила любви преодолеет все препятствия.

Но Кристин лишь покачала головой.

– Все совсем не так, как вы себе представляете.

И она, взяв кусочек кожи, провела пальцем по складкам на нем, таким же выпуклым, как ее насупленные в тот момент брови, и спросила:

– Вы в последнее время встречались с моим дядей?

– Нет, дорогая. Мы не виделись с ним уже, почитай, год, – ответил я.

– Но вы ведь слышали, какие ходят пересуды?

– Конечно. Я же еще не глухой, Кристин.

Она улыбнулась, услышав мой ответ.

– Да уж, в Кинкейге сплетням нет конца, можно не сомневаться. – Она замялась, а потом продолжила: – А вы слышали, что он... Что он лишился рассудка?

Она выглядела при этом настолько взволнованной, что я отбросил сдержанность и легонько обнял ее, чего не делал уже много лет.

– Не стоит изводить себя по такому поводу, – сказал я. – О нем ходили подобные слухи еще до твоего рождения. В Кинкейге так отозвались бы о всяком лорде, который не любит поговорить об охоте на фазанов, урожае овса и не делает вид, что ему нравится ходить к цер-

ковной службе по воскресеньям. А за Гатри такая слава закрепилась еще со времен короля Кэнмора.

Она рассмеялась, и я решил уже, что сумел утешить девушку, но только почти сразу уловил в ее смехе ноту печали. Я подошел к окну и выглянул в него.

За моей спиной раздался голос Кристин:

– Он и в самом деле сумасшедший.

10

Кристин считала себя обязанной лорду, а в силу своего характера готова была многое претерпеть, но сохранить лояльность и даже встать на его защиту в случае необходимости. И потому странным казалось слышать от нее такие слова о нем, тем более что и ее доказательства ненормальности Гатри многие посчитали бы парадоксальными. Она окончательно убедилась в его сумасшествии как раз потому, что он вдруг начал тратить деньги, как человек вполне разумный.

– Здесь что-то не так. Он поступает наперекор своей натуре. Насилует себя, – сказала Кристин.

И я подумал, что понять справедливость ее доводов смог бы только тот, кто сам долго прожил в стенах замка Эркани. Во-первых, он весьма необычным образом расстался с семейством Гэмли. Между ними и лордом было заключено письменное соглашение то ли на год, то ли на несколько месяцев, а потому, чтобы избавиться от них, Гатри пришлось заплатить отступные, причем золотом – настоящим золотом. Он вынул монеты из ящика бюро на глазах у Кристин. И это была единственная наличность в Эркани, которой можно было воспользоваться в экстренных случаях. Необычность ситуации заключалась, по словам Кристин, в том, что дядя питал к золоту особую страсть. Оно являлось для него дорогой игрушкой.

У меня буквально челюсть отвисла от изумления. Мне были прекрасно известны все дурные дела Гатри, его манера скверно обращаться с арендаторами, и все такое. Но я и представить себе не мог его в роли эдакого сквалыги, колоритные описания которых порой встречаются в романах.

– Ты хочешь сказать, – воскликнул я, – что он любит сидеть и рассматривать монеты?!

– Именно так. Он называет это нумизматикой, и даже меня научил кое-чему. Вы когда-нибудь видели испанский золотой квадрупль времен Филиппа Пятого, а, мистер Белл? Или генуэзскую монету в двадцать три карата? Или шотландский золотой эпохи Якова Пятого? Или монеты, отчеканенные в империи Великих Моголов? Когда я смотрю на них, мне кажется, что ими действительно легко увлечься. Но дядя коллекционирует с такой же охотой современные гиней и соверены, и именно ими он расплатился с Гэмли. Разве это ни о чем не говорит?

Разумеется, она была права. Но это говорило мне только о том, до какой степени лорд хотел избавиться от наемщиков домашней фермы. И если страсть Гатри к золоту приобрела те масштабы, какие описывала Кристин, то ему пришлось ее преодолеть и действительно сделать огромное усилие над собой, чтобы расплатиться золотыми монетами, но расторгнуть соглашение с арендаторами. И на минуту перед моим мысленным взором возникло видение, почти такое же живое, как видение миссис Макларен, о котором я уже упоминал. Мне пригрезился Гатри, сидящий в темной башне замка при свете единственного свечного огарка – еще одна примета скупости – и перебирающий свое золото. Оно явно служит для него не просто деньгами, а символом чего-то для нас непостижимого. И вот он призывает девушку разделить свою любовь к тому, что величает нумизматикой, пытаюсь найти разумное оправдание снедающему его безумному чувству. И хотя я мало знал о Нейле Линдсее, мне оставалось только порадоваться, что Кристин нашла его, поскольку золотой блеск монет,

как тот блеск золота, который кое-кто якобы замечал в глазах Гатри, только усиливал зловещее впечатление от этого человека и его замка.

– Разве это ни о чем не говорит? – повторила свой вопрос Кристин, но потом добавила: – Правда, в последнее время он уже не играет с золотом так часто, как прежде. Теперь он увлекся головоломками.

Я снова посмотрел на нее удивленно, но поразили меня не слова, которых я поначалу даже не понял, а ее голос и напряженное выражение лица. Стало ясно, что события в Эркани довели бедную девушку до крайности, но ей трудно это выразить

– Головоломками? – переспросил я, ломая голову над сказанным ею.

– Дядя заказал из Эдинбурга множество вещей, и это еще один расход, который представляется мне странным. Провизии закупил в таких количествах, словно собирается выдерживать в Эркани долгую осаду. И еще разные дорогие штуки, которых я никогда прежде не видала! Да, и в придачу целый ящик книг.

– Но ведь лорд всегда много читал, не так ли, Кристин?

– Да, но ему ни разу не приходилось покупать книги! А эти так и вообще никогда не вызывали его интереса. Они на медицинские темы. И у себя в башне он теперь читает их по ночам одну за другой.

На минуту мне показалось, что я узрел в этом свет истины. Быть может, Гатри действительно постепенно сходил с ума, как думала Кристин, и чего не исключал эксперт с Харлестрита. Чувствуя, как это с ним происходит, он начал в книгах искать симптомы своего заболевания и способы излечения. Разве не правдоподобно?

– Скажи мне, Кристин, – спросил я как можно осторожнее, – эти книги о строении человеческого мозга?

Она прекрасно поняла, к чему я клоню, но в ответ лишь покачала головой.

– Те, что попали мне на глаза, не имели к этому никакого отношения. Одна называлась «Основы медицины», и написал ее некто Ослер. А еще был учебник по радиологии Флиндерса и пособие по сердечным недугам Ричардса... – Она оборвала свой рассказ, нахмурилась, и я понял, что ей не очень-то по душе сообщать излишние подробности о жизни в большом замке.

Что до меня, то я никак не мог в таком случае объяснить новое увлечение Гатри и потому решил сменить тему:

– А какие он купил головоломки, Кристин?

– Это картины, которые надо собрать из множества разрозненных фрагментов. Вы должны знать о них. Мне кажется, он выписал их очень дешево по каталогу. В основном это выразительные батальные сцены, мистер Белл. Ты можешь часами гадать, куда пристроить голову немецкого солдата, а потом обнаруживаешь, что ее оторвало взрывом, и кусочек картона надо вставить в самый верхний угол слева. Это называется «Битва на Марне», а дяде очень нравится, когда я ему помогаю. Так что я теперь многое знаю об устройстве танка, ручной гранаты, знакома с историей гибели «Лузитании». Вероятно, дядя решил таким образом завершить мое образование.

И хотя в голосе Кристин звучали шуточные нотки, я тем не менее отчетливо уловил в нем горечь, которой не замечал прежде.

– Что ж, – заметил я, – занятие достаточно пустое, но, по-моему, вполне безвредное. С чего же ты так обеспокоена?

Кристин тряхнула шелковистыми волосами с нетерпеливым возмущением моей непонятливостью.

– Но ведь головоломки пришли на смену увлечению золотом! – сказала она. – Разве вы не понимаете, о чем это свидетельствует?

Несколько секунд я лишь смотрел на нее взглядом филина, а потом начал что-то понимать. Ведь я же сам только что пришел к выводу, что золото служило для Гатри неким символом, исполненным глубокого смысла.

Однако мысли Кристин уже приняли иное направление.

– Мистер Белл, – спросила она, – почему от нас ушла маленькая Айза Мердок? Об этом тоже наверняка ходят слухи.

Этого вопроса я опасался с самого начала. У Кристин хватало других причин для тревоги, чтобы еще добавилось волнение по поводу Таммаса, а ведь она ничего не знала о том, как он пытался напасть на Айзу. И все же мне показалось правильным предостеречь ее. Однако она выслушала меня совершенно спокойно и лишь поинтересовалась:

– Но ведь причиной ее ухода был не только Таммас, верно?

– Да, лишь отчасти. А потом ей пришлось спрятаться на замковой галерее, где она слышала, как ваш дядя бормочет свои стихи и очень странно разговаривает сам с собой. Это напугало ее гораздо сильнее. Но теперь ответьте мне на вопрос, Кристин. Вы когда-нибудь слышали, чтобы ваш дядя общался с людьми по фамилии Кеннеди или Хендерсон?

Настала ее очередь уставиться на меня совиным взглядом, но продлилось это лишь мгновение. А потом она рассмеялась так звонко, так искренне, что мне было радостно слышать столь чистый смех.

– О, мой милый дядюшка Эван Белл! – воскликнула она. – А вы общались когда-нибудь с человеком, которого звали Джеффри Чосер?

И вдруг в ней взыграл молодой дух. Все тревоги словно улетучились. Она вскочила и принялась расхаживать туда-сюда по моей мастерской, заложив руки за спину и устремив взор в пустоту, в точности, как это делал сам Рэналд Гатри. Затем начала декламировать, подражая ему:

Пришлось недавно кануть в Лету
И Чосеру – поэту из поэтов.
Все меньше нас день ото дня.
И Смерти страх преследует меня.

Кристин сделала паузу и снова рассмеялась. А затем продолжила уже своим голосом, не стараясь пародировать дядю:

Ушли уже и мастер Хендерсон,
И Кеннеди забылся вечным сном.
Она пришла своей косой звеня,
И Смерти страх преследует меня.

Я словно прозрел.

– Так вот о ком речь! Эти имена названы в стихотворении!

Кристин кивнула.

– Данбар²¹ написал его, когда был болен. А мой дядя цитировал в галерее, потому что был, наверное, тоже нездоров.

Она снова села передо мной.

– Это стихи Данбара «Плач о мертвых поэтах», созданные, когда он осознал, что находится при смерти. Дядя в последнее время часто цитирует его, и я не сомневаюсь, что Айза подслушала именно стихотворение Данбара.

²¹ Уильям Данбар – шотландский поэт (ок. 1460 – ок. 1520 гг.).

Я вспомнил рассказ Айзы, как Гатри бормотал шотландские имена, а потом его декламация сбивалась на какую-то иностранную бессмыслицу. Теперь я понял почему. Последнюю строчку каждой строфы – одну и ту же – иногда повторяли рефреном по-латыни: «*Timor Mortis conturbat me*». Мне стало досадно. Я мог бы и сам легко разгадать эту загадку и не становиться объектом насмешки по поводу своего мнимого знакомства с Чосером, стоило немного пораскинуть умом. Ведь я давно знал это стихотворение Данбара, а томик его сочинений украшает мою книжную полку, элегантно изданный почтенным доктором Смоллом.

На этом мой разговор с Кристин в тот день закончился; она вдруг посмотрела на часы, поспешно надела шляпку и отправилась в путь по свежему снегу с такой скоростью, что у меня не осталось сомнений – где-то неподалеку ее поджидал Нейл Линдсей. Беседа с девушкой получилась сбивчивой и незавершенной. Я так и не понял, грозили ли ей чем-нибудь мрачные залы и унылые коридоры замка Эркани. В тот день я просидел на своей лавке до глубокой ночи, не поднявшись даже для того, чтобы закрыть жалюзи, не говоря уже о походе в «Герб». Мне необходимо было поразмыслить, для чего требовалось уединение.

«Странно, – думал я, – что молодой Нейл Линдсей, собиравшийся порвать с традициями семьи и начать новую жизнь в чужой стране, по-прежнему так одержим старыми распрями между Линдсеями и Гатри». Но еще более странным казалось мне, что Гатри, человек большой учености и в прошлом сам поэт, которому надлежало предаваться высоким помыслам о течении времени, о переменах в мире и о природе вещей, продолжал смотреть в прошлое и питал узколюбую ненависть к Линдсеям. Я мог понять, почему даже в наши дни Линдсеи, ставшие обедневшими фермерами, могли считать Рэналда Гатри одним из тех богатых паразитов, из-за которых продолжает нищать простой люд Шотландии, и это подогревало в них застарелую неприязнь к его роду. Но что с того для самого Гатри? Обеспеченный человек, окруженный комфортом. Ему-то зачем питать те же чувства к каким-то жалким беднякам? Впрочем, разве лорд не отнесся к притязаниям Нейла Линдсея, как любой человек благородных кровей, гордый историей своих предков и богатством, накопленным ими, отнесся бы к желанию обычного фермера взять в жены ту, что жила как родная дочь под его кровом?

Но еще больше бредило мне душу, что Кристин считала теперь своего дядю умалишенным или близким к помешательству, то есть разделяла мнение, давно распространенное по всему Кинкейгу. Но если Кинкейг был готов поверить в любую чепуху и распустить ее в виде сплетни, добавив смачных подробностей, то Кристин обладала здравым смыслом и рассудительностью, а миссис Мензис и сам Гатри научили ее точно облекать свои мысли в словесную форму. Она говорила о лорде именно то, что думала и чувствовала, и хотя ей не хватало доводов, чтобы подтвердить свои ощущения, моя тревога от этого несколько не ослабевала.

И внезапно меня осенило, что я напрасно не спросил ее, не слышно ли чего в последнее время об американских Гатри. Не они ли послужили причиной того, что лорд сделался сам не свой? Быть может, красotka, появившаяся тем вечером в «Гербе», принадлежала к их племени? Потому что мне стало совершенно ясно: странное поведение Рэналда Гатри в последние месяцы не могло объясняться только связью между Кристин и Нейлом Линдсеем. Изгнание Гэмли, заказы из Эдинбурга, все, что видела и слышала Айза Мердок при открытии запертых помещений дома и позже, спрятавшись на галерее, – это произошло до того, как Гатри узнал, кто стал избранником Кристин, и что у нее вообще появился ухажер. Я подумал о медицинских книгах, которые штудировал лорд, и о новом его увлечении головоломками, вырезанными из кусочков картона. И мне представилось, как он в ярости расхаживал по своей давно заброшенной галерее, как стоял почти над головой Айзы, но видел только озеро Кайли вдали. В ушах моих вновь зазвучал голос Кристин, говорившей так, словно ей угрожала смертельная опасность, и назвавшей своего дядю сумасшедшим. А потом, ища между

всем этим какую-то связующую нить, мне будто почудился голос самого лорда, нараспев читающего латинский рефрен из стихов древнего шотландского поэта, одолеваемого страхом смерти... Нет, Смерти с большой буквы!

Подумав об этом, я встал, разыскал на полке книгу, сдул пыль с обложки и открыл в нужном месте.

«Плач о мертвых поэтах, написанный, когда автор сильно хворал».

И я прочитал все сто строк этой панихиды по умершим шотландским поэтам до самого конца.

Когда ж замолкнет звук последних лир,
Бог наградит тех, кто талантлив был,
Нас кущами небесными маня.
Но Смерти страх преследует меня.

Timor Mortis conturbat me...

11

Зима выдалась на редкость суровая. И, бросая взгляд назад в своем описании событий, предшествовавших бедствию, обрушившемуся на Эркани, я снова вспоминаю ту великую бурю, которая застала в долине школьную начальницу. В память отчетливо врезались изломанные ветви замерзших, лишенных листьев деревьев, тянущиеся к звездам долгими ночами во время «черного мороза», лишь временами покрывавшиеся снегом. Когда наш Великий Мыслитель ухитрялся все же получать газеты, несмотря на непогоду, он приносил их в «Герб» и читал нам то, что досужие репортеры с Флит-стрит²² писали о Шотландии, которая якобы по самые крыши ушла под снег, чего не бывало никогда прежде. В конце концов начальник станции так надоел всем этим враньем, что Уилл Сондерс однажды в сердцах обозвал его старым граммофоном с заезженной пластинкой и пожелал, чтобы у него скорее кончились иглы или лопнула пружина.

В тот самый день, когда меня навестила Кристин, свинцовые небеса разверзлись, и действительно пошел небывало обильный снег, который падал несколько дней подряд, укрывая поля и холмы толстым белым одеялом, таким чистым, как те мраморные полы, которыми Создатель, как считают некоторые, выстлал дорогу в рай. Дни текли быстро, приближалось Рождество, призрачно белое и тихое, но я все чаще задумывался, что происходило в это время в долине Эркани. Новостей ждать не приходилось. Слой снега был так глубок, что никто не сумел бы пробраться оттуда в город, разве что Таммас, которому молва приписывала необычайную силу, сравнимую лишь с силой героев легенд. Я и сам в молодости преодолевал многие мили по глубокому снегу, когда каждую неделю и зимой, и летом ходил пешком на занятия в институт Дануна. Но едва ли сумел бы я сейчас проделать такой трудный путь, какой пролег между Кинкейгом и Эркани, а потому несказанно удивился, когда это действительно удалось сделать Таммасу.

Но и ему подвиг дался нелегко, и выглядел он, добравшись до города, если не как пришелец из другого мира, то уж точно как Сатана, пробившийся сквозь вселенский хаос. Днем раньше – двадцать второго декабря – из Дануна сумели проехать две машины с радостными известиями об усилиях, которые предпринимались по ту сторону заносов. Десятки снегоочистителей уже направили к нам поездами. Слухи быстро увеличили их число до сотен.

²² Знаменитая улица в Лондоне, где прежде располагались редакции практически всех крупнейших английских изданий.

Но минуло двадцать третье декабря, а помощь не прибыла, что породило сомнения в правдивости сообщений. Кинкейг оставался все так же отрезан от остального мира, как Эркани от Кинкейга. И только Таммас неожиданно возник на моем пороге, выбившись из сил, часто дыша и выпуская из слюнявого рта облака пара, словно сказочный дракон пламя.

Но даже у мифического дракона осталось бы больше здравого смысла, чем у этого дурачка после столь тяжелого пути. Он не мог вымолвить ничего членораздельного. Только что-то мычал, не ответил на мое приглашение войти, а быстро сунул мне в руки письмо и уже двинулся назад по дороге, прежде чем я смог снова открыть рот. Письмо оказалось от Кристин. Как только я это понял, меня перестали занимать мысли о полоумном Таммаса. Вскрыв конверт, я сел у огня, чтобы прочитать ее послание.

ДОРОГОЙ ДЯДЮШКА ЭВАН БЕЛЛ!

Какой же дуручкой я оказалась в своих бредовых фантазиях. Надеюсь, вы простите меня. Все хорошо – теперь я уверена, что все хорошо, хотя и немного странно. Но мне осталось лишь дождаться Рождества!

Сегодня утром ко мне пришел дядя, пребывавший в редкостно благодушном настроении. Он встал у небольшого камина, который растопила для меня миссис Хардкасл, и сказал: «Я только что справился с самой большой из головоломок». Но затем, должно быть, заметил, что мои мысли заняты чем-то совершенно иным, поскольку совершенно внезапно тихо спросил: «Неужели ты так сильно хочешь связать свою жизнь с ним, Кристин?» Я лишь ответила коротким «да», ибо уже не раз говорила ему о своих желаниях и о том, что мои чувства крепки и неизменны. «Тогда уезжайте вместе», – сказал он.

Сама не знаю почему, но я вся задрожала и лишилась дара речи. Причиной, видимо, стало то, что в своих надуманных фантазиях последнего времени я и представить себе не могла такого. Вот мне и показалось, что он несет бессмыслицу, порожденную воспаленным умом. Но он повторил: «Вам надо уехать вместе». А потом заговорил хрипло и сбивчиво, сказал что-то о позоре, о том, что если мы уедем, то назад пути не будет, но все равно мы должны уехать. Он приготовил для меня деньги. Пусть Нейл придет за мной в Рождество и увезет в Канаду. Но только он не потерпит никакой свадьбы в этих краях. Даже слуха не должно пойти, что мы поженились, потому что... Впрочем, к чему мне повторять его слова, о которых у меня скоро будет шанс забыть навсегда?

Поэтому письмо мое – прощальное. Я вас всегда буду помнить, дядюшка Эван Белл. Я так счастлива, до невозможности счастлива, хотя все еще боюсь чего-то. Иногда я испытываю настоящий страх, хотя это так глупо! Если я чего-то не понимаю, то какая мне разница, ведь я скоро уеду отсюда с Нейлом, верно?

Очень кстати Таммаса отправляют в город. Вероятно, за почтой, хотя снег как никогда глубок. Надеюсь, он доберется до вас без большого вреда для здоровья. Ведь это мой единственный шанс доставить вам весточку. В противном случае вы могли бы узнать о том, что произошло, только когда я была бы уже далеко отсюда, и каких только сплетен обо мне вы бы не успели к тому времени наслушаться в Кинкейге! Прощайте. Я люблю вас, дорогой мой Эван Белл.

КРИСТИН МЭТЕРС

P.S. Я буду счастлива с Нейлом, а он – со мной.

Стало быть, Кристин попрощалась. Но почему-то при мысли, что она уезжает далеко от Кинкейга, я почувствовал тяжесть на сердце, а не радость, которой эта новость заслуживала. Тем вечером я вновь и вновь перечитывал ее письмо, и тревога моя лишь возрастала. Наконец меня, человека в почтенном возрасте, сморил сон. Но я проснулся от холода посреди ночи рядом с погасшим очагом, и в моих ушах снова прозвучал голос Рэналда Гатри:

Timor Mortis conturbat me...

Все три следующих дня я не находил себе места от беспокойства.

12

В тот же день, когда к нам пробрался Таммас – а это был понедельник двадцать третье декабря, – в Кинкейге случилось еще одно событие, внесшее в жизнь городка некоторое оживление. Уже сгущались сумерки, посылая длинные серо-серебристые тени по поверхности снега, когда неожиданно по вроде бы непроходимой дороге к нам въехал небольшой автомобиль, который расчищал себе бампером путь и явился невесть откуда. Вероятно, водитель сбился с шоссе, проходившего через Данун, и искал, как на него выбраться. Народ предпочитал разглядывать машину через окна домов – никого не тянуло в такую погоду на улицу. Только малец Уотти Макларен оказался рядом, оторвавшись от своего чая и выбежав посмотреть на снеговика, которого они с мальчишками слепили тем утром. Машина остановилась. За рулем сидела молодая дамочка, как рассказывал потом Уотти, которая подозвала его к себе. Она правильно едет на юг? – спросила девица. И то ли неверно поняла Уотти, что вполне возможно, то ли он ввел ее в заблуждение, в чем не хотел признаваться, но только машина взревела мотором, ее задние колеса какое-то время крутились на одном месте, пока не нашли сцепления с заснеженной дорогой, и затем автомобиль свернул вправо и покатил в сторону долины Эркани.

Между тем миссис Макларен (а вы уже поняли, должно быть, что тетка она бестолковая) обнаружила отсутствие Уотти среди прочих своих детей, которых, как считает Уилл Сондерс, завела слишком много, чтобы хоть одного воспитать хорошо, и вышла искать сына как раз в тот момент, когда красные задние огни машины скрывались за ближайшим холмом. Причем почти тут же ее оглушило то, что она приняла с испугу за трубный глас ангелов. Великая сплетница, но женщина глубоко религиозная, миссис Макларен едва ли могла подумать о чем-то еще в такое время года и накануне такого праздника. Но, как оказалось, испугал ее всего лишь громкий сигнал другого автомобиля, который привиделся ей огромным, величиной чуть ли не с дом. В нем сидел один лишь молодой человек, а надетые на колеса цепи помогали машине гораздо лучше справляться с зимней дорогой. Несомненно, мужчина тоже сбился с пути, следуя за габаритными огнями первого авто, и, как мне стало известно позже, окликнул жену кузнеца, чтобы спросить, верно ли он держит курс на Лондон. Надо ли говорить, что с таким же успехом она могла указать ему правильный путь в Монте-Карло? Ей почему-то показалось, что вопрос был о том, куда направилась маленькая машина, поскольку, по словам Уилла, миссис Макларен считает, будто молодые люди всегда гоняются за девушками и других целей в жизни не имеют. А потому она с преогромным удовольствием махнула рукой в темноту, где протянулась долина Эркани, и большой автомобиль с ревом тронулся в сторону замка. Впоследствии, судача между собой, большинство обитателей Кинкейга пришли к выводу, что машинам ни за что туда не добраться, а уж вероятность вернуться назад для них и вовсе равна нулю. При этом зеленщик Карффрае даже отпустил пошлую шутку: мол, не сомневайтесь, эти двое не дадут друг другу замерзнуть даже в уединенной долине.

Долго потом никаких новостей в Кинкейг больше не поступало. Той же ночью поднялся сильный ветер и принялся сдувать все еще падавшие снежинки, не давая им спокойно лечь на землю. Весь канун Рождества ветер наметал повсюду высоченные сугробы. А утром в рождественский день снова стало тихо, и лишь густой снег все никак не прекращался, но только падал теперь бесшумно и ровно. Проходя в ранний час мимо церкви, я едва мог слышать перезвон колоколов, которым доктор Джерви созывал прихожан к первой службе, настолько хорошо поглощала все звуки снежная пелена.

И именно в тот момент, когда те из граждан Кинкейга, которые все еще считают Рождество религиозным праздником, собрались в церкви, там снова появился Таммас, и гораздо отчетливее, чем колокола, расслышал я его отчаянный крик об ужасной смерти, постигшей Рэналда Гатри – его хозяина и владельца замка Эркани.

Но здесь, дорогой читатель, позвольте мне отложить в сторону перо, которое я держу своей не слишком опытной рукой. И, как я полагаю, вам предстоит прочитать то, что написал англичанин Ноэл Гилби, приехавший к нам в том самом большом автомобиле, в письмах к своей возлюбленной в Лондоне. Но и со мной вы еще не прощаетесь – ниже я постараюсь помочь вам подвести черту подо всей этой историей.

Часть II

Дневник в письмах Ноэла Гилби

1

24 декабря

Моя дорогая Диана!

Перед тобой, как выразилась бы королева Виктория, листы из «Дневника моей жизни в горах Шотландии». Или, возможно, «Моей смерти в долинах». Потому что я не знаю, выживу ли, как не ведаю и «лишь примерно догадываюсь», по словам моей новой подружки, где очутился. Да, я и здесь завел себе подружку. Это абсолютно сногшибательная, очаровательная и достаточно таинственная американская мисс, вместе с которой мы поселились в старинном замке где-то в Шотландии. Причем я чувствую, хотя «лишь примерно догадываюсь», что нам в любой момент может приказать перерезать глотки местный сенешаль с весьма красноречивой фамилией Хардкасл²³. А у него наверняка есть отпрыски, хотя я их не видел и «только примерно догадываюсь», которых зовут Сырой Замок, Холодный Замок и Чокнутый Замок. Причем я нисколько не удивлюсь, если Чокнутых Замков окажется целый выводок. И как мы с мисс Гатри «примерно догадываемся», в ближайшее время замок могут осадить рыцари-язычники Безрадостный, Беззаконный и Безумный, а если ты начнешь мне перечить, Диана, утверждая, будто язычников в Шотландии больше нет, я возражу, что плохо спал ночью, и оттого моему воображению дозволены некоторые вольности.

И вообще, не надо на меня злиться, Диана, из-за того, что я не успею вернуться к Рождеству в Лондон. Это не моя вина. Читай дальше, и я тебе все объясню. Все без утайки, потому что должен перед тобой извиниться. И мой рассказ, как мне кажется (то есть «как я только догадываюсь»), сможет тебя даже немного развлечь, если не позабавить.

Начиналось все хорошо. Мне удалось унести ноги из Кинкрае от всех ужасов гостеприимства моей тетушки (знаешь, у нее в холле висят олени головы, покрытые сосульками, ей-богу!). Так вот, я ухитрился ускользнуть из ее дома вчера рано поутру, и хотя дороги здесь в ужасном состоянии, рассчитывал к вечеру добраться до Эдинбурга, где знаю один приличный отель, а сегодня уже мчатся в сторону Йорка, чтобы вовремя оказаться в Лондоне за одним с тобой рождественским столом, как и обещал в телеграмме.

Я, однако, сильно ошибся в своих планах. Здесь намело столько снега, что даже на главном шоссе, где основательно потрудились снегоуборочная техника, я ехал со скоростью, значительно уступавшей расчетной. Я пообедал в какой-то дыре, причем владелец заведения предложил мне благоразумно остаться и к ужину, вот только поужинать я надеялся уже в Эдинбурге. А потому добавил газа, но продолжал двигаться слишком медленно. Между тем мне надо было успеть на паром «Уильям Ньюир» в Куинсферри. В противном случае возникала необходимость объезда залива через Стерлинг, который занял бы вечность. Я опаздывал. И тогда, Диана, я и совершил самую большую глупость: достал карту. По ней объезд вовсе не представлялся таким уж устрашающе долгим. Увы, то была иллюзия.

Впрочем, сам по себе маршрут оказался вовсе не плох, но меня подвел снегопад. С помощью цепей на шинах я достаточно бодро выдавал примерно сорок миль в час, когда совершенно внезапно капот машины провалился вниз, а багажник задрался к небесам. Подобным

²³ В пер. с англ. «Неприступный замок».

образом шлюпка скатывается с гребня большой волны, но ощущение возникло такое, будто вокруг не вода, а толстый слой ваты. Мне хватило всего трех ярдов, чтобы на сорока милях в час вдруг полностью остановиться, причем без малейшего толчка или удара. Таковы, вероятно, физические свойства снега в Шотландии; как мне показалось, его абсорбирующие качества заметно отличаются от снега в, скажем, хорошо знакомой нам Швейцарии. Но это к слову. В действительности же я миновал один из чудовищно горбатых мостов (построенных, видимо, еще во времена Юлия Цезаря), но по его противоположную сторону намело огромный сугроб, и я в буквальном смысле чуть не утонул в нем.

К счастью, на месте действия оказалась целая группа аборигенов Северной Великобритании, направлявшихся, чтобы покормить сеном свой скот. Они проявили невероятную доброту, пригнав животных к месту происшествия, и с их помощью мой автомобиль снова удалось вытянуть задним ходом на дорогу. Но мне пришлось возвращаться туда, откуда приехал, а инцидент, как позже выразилась мисс Г., обошелся в два часа и десять шиллингов.

Теперь мы приближаемся к моменту моей встречи с мисс Г. на той же скорости сорок миль в час. Произошла она в некоем муниципальном образовании под названием Данун. Я остановился там, чтобы заправиться, и мисс Г. тоже пожелала залить в бак бензин, причем сделать это можно было из единственной на весь городок колонки. Всем известно, что женщины нужно пропускать вперед. Ты знаешь, как меня смущает, когда я выхожу из своего лимузина, окруженный компанией маленьких машинок, а мисс Г. к тому же окинула меня мимолетным, но совершенно сокрушительным взглядом, в котором отчетливо читалось слово «щенок»! И я, держась на почтительной дистанции, выехал из Дануна вслед за ней, поскольку слышал, как она наводила справки о кратчайшей дороге к югу. Я все еще смиренно сидел у нее на хвосте, когда она сделала правый поворот. К сожалению, здесь мисс Г. допустила ошибку.

При этом машину она вела очень уверенно. Дорога оказалась узкая – задним умом я понимаю, что она была подозрительно узкая, – и обогнать впереди идущий автомобиль не представлялось возможным. Мы тащились на десяти милях в час, а когда она свернула в какое-то безымянное поселение, я потерял ее из виду: к тому времени стало почти совершенно темно. Мне эта ситуация очень не понравилась. Лежавшая впереди дорога была покрыта слоем девственного снега, и у меня сложилось твердое убеждение, что я окончательно заблудился где-то в самом центре Шотландии. Пришлось остановиться, чтобы выяснить обстановку. Улицы городишки выглядели совершенно пустынными, и я уже собрался барабанить в двери домов, когда совершенно магическим образом рядом со мной возникла немолодая женщина. Мне, конечно же, следовало развернуть карту, спросить: «Милая леди, покажите мне, где расположен ваш славный поселок», чтобы потом сориентироваться самому. Но я лишь задал вопрос, где проходит дорога к югу. Быть может, я даже по привычке поинтересовался направлением на Лондон, но не помню об этом, поскольку изрядно вымотался. Она выглядела человеком опытным и надежным, решительным жестом указав мне путь между коттеджами в отдаленные холмы. И твой покорный слуга послушно туда двинулся.

Проехав примерно с миллю, я вновь заметил задние габаритные огни машины мисс Г., и мне хватило глупости обрадоваться этому. Мой двоюродный брат Тим одно время занимал какой-то пост в нашем посольстве в Вашингтоне и считает американцев пугающе эффективной нацией. Хотя сам Тим тот еще простофиля... Но я, однако, становлюсь сбивчив в своем рассказе.

Впрочем, я и в самом деле сбился с пути. Уже через несколько миль у меня не осталось по этому поводу никаких сомнений. Мисс Г. заплутала, и я покорно плелся вслепую за ней следом – машину то и дело заносило на снегу толщиной в два фута. Думаю, я бы повернул назад, если бы нашлось место для разворота, но такового не было и в помине. Дорога ока-

залась теперь и не дорогой вовсе, а чем-то вроде ездовой тропы. К тому же отважная мисс Г. продолжала двигаться впереди. Не представляю, как ей это удавалось, и на что она рассчитывала, поскольку была готова к приключениям куда хуже, чем я. В случае необходимости в моем автомобиле можно хотя бы кое-как выжить в зимнюю ночь, а потому – джентльмен до мозга костей, как тебе известно, – я теперь уже по необходимости ехал сзади, чтобы помочь в случае нужды. И мы снова столкнулись друг с другом. Причем в буквальном смысле слова.

Миновав по проселку миль шесть, я уже автоматически вел машину по ее колею, видной мне в свете фар, обращая мало внимания на прочие детали, когда со мной произошел почти точно такой же инцидент, как при съезде с моста. Или, вернее, начал происходить. Капот повело вниз, а багажник вверх, но потом раздался оглушительный грохот железа. В наступившей тишине, пока ко мне возвращалась способность соображать, мрачно прозвучал женский голос:

– Вот это получилось по-настоящему мило с вашей стороны, незнакомец.

Голос, разумеется, принадлежал мисс Г.

Оказалось, что Сибила Гатри – давай назовем ее наконец полным именем, – не заметила поворота проселка, ее машина съехала с откоса, перевернувшись на бок, хотя она сумела ползком выбраться наружу. Я последовал по ее колею, и «роллс» с жутким скрежестом встал поверх ее автомобиля. Но мой лимузин не перевернулся, а я остался сидеть за рулем с видом полного идиота, подумавшего, что мог раздавить девушку. Потом в стремлении хотя бы что-то сделать правильно, я заботливо спросил:

– Надеюсь, вы не ранены?

– Нет, но глубоко унижена, – ответила она и добавила уже более спокойно и деловито: – Наши машины случайно не горят? Потому что кругом полно снега, чтобы сбить пламя.

Но машины не горели. Мы уселись на крылья моего автомобиля по обе стороны от капота – сцепившаяся конструкция оказалась на редкость прочной, – и грели руки на радиаторе, обдумывая ситуацию. Сибила, милая девушка, сказала, что городок, откуда мы уехали в неверном направлении, назывался, скорее всего, Кинкейг. Она проезжала через него прежде. Там есть паб, и мы могли бы попробовать туда вернуться. Не это ли лучший выход из положения?

Видишь, у нее действительно оказались совершенно верные инстинкты. Вопреки прежнему не слишком уважительно оценивавшему взгляду, посреди снегов я был мгновенно произведен из щенков в сенбернары-спасатели. И я охотно принял эту роль, напустив на себя необычайно серьезный и ответственный вид.

Снег валил с небольшими перерывами весь день, но сейчас, несмотря на сгустившуюся темноту, видимость стала вполне сносной. Чуть сдвинувшись в сторону, я заметил в отдалении одинокий огонек.

– Думаю, – сказал я, – нам лучше добраться до того дома, виднеющегося впереди. У вас есть небольшой чемодан, который вы сможете прихватить с собой?

Можешь мне поверить, Диана, что на Сибилу мои слова произвели впечатление – так кратко и четко изъясняются только личности героические. Да ей и трудно было бы оспорить мою правоту. Поселок остался в далеких шести милях у нас за спиной, а огонек (хотя они бывают обманчивы в ночи) горел в каких-нибудь двух милях перед нами. Стала бы ты пререкаться со мной в таком случае, Диана? Разумеется, нет. Вот и Сибила нырнула вниз и извлекла из останков своего автомобиля чемодан, причем действительно маленький.

«Иеронимо, – отозвалась она, – пора тебе отправляться в трудный путь»²⁴.

²⁴ Цитата из «Испанской трагедии» – пьесы английского драматурга Томаса Кида (1587).

Она к тому же оказалась еще и начитанной девушкой, что, впрочем, пристало всякой леди по имени Сибила.

Огонек явно исходил от какого-то жилья или, в худшем случае, фермерского сарая, где мы смогли бы найти убежище. Опасность состояла лишь в том, что по мере продвижения вперед мы рисковали потерять его из вида. Я оставил пока фары включенными, и они высветили высокое, отдельно стоявшее дерево, которое могло бы послужить нам ориентиром, если бы возникла необходимость срочно вернуться. И мы двинулись на огонек. Но прежде восхитительная Сибила извлекла из недр своего чемоданчика очень удобный электрический фонарик. Можно было подумать, что она специально готовилась к подобному приключению.

Затем началось нечто, похожее на сокращенную версию «Самого неудачного путешествия в мире»²⁵. Было темно, было холодно и, разумеется, повсюду лежал снег.

– Да, такого снега я еще не видела, – только и сказала Сибила за все время.

Порой мы обнаруживали, что кружим на одном месте, как персонажи рождественского номера журнала «Панч». Если ты считаешь, что снежный покров – это такая неподвижная и пассивная субстанция, то сильно ошибаешься. Уверяю тебя, временами он определенно смещался и утолщался, чтобы затруднить наш поход.

Мы то теряли огонек из вида за деревьями или гребнем холма, то волновались еще больше, когда нам казалось, что он горит слишком высоко и может оказаться гораздо дальше от нас в горах. Однако, преодолев еще пятьдесят ярдов, мы, несмотря на окружающую нас тьму и совершенно почерневшее небо, сумели разглядеть смутный силуэт. Нам потребовалось еще несколько секунд, чтобы опознать увиденное. Одинокий огонек, манивший нас к себе, горел на вершине высокой башни.

– «Чайльд-Роланд дошел до Темной Башни», – в свою очередь, выдал я цитату.

Получилось довольно банально в сравнении с Иеронимо, а потому меня лишь обрадовало, когда мои слова утонули во внезапном и истошном собачьем лае, хотя были все основания испугаться. Но теперь настала очередь Сибилы упомянуть самое очевидное из стихотворений Кольриджа, какое только могло прийти на ум:

*Сэр Леолайн – барон безумный
Себе завел собак беззубых...*

– Вы уверены, что они беззубые? – спросил я.

– Нет, но было бы желательно, – сурово ответила она.

– Что ж, скоро узнаем.

Согласись, Диана, что при подобных обстоятельствах наш диалог звучал на редкость абсурдно, если не глупо. И в ту же секунду, словно не одобряя нашего легкомыслия, огонек погас. Зато псы продолжали заливаться.

Вполне по-девичьи простодушно Сибила нацупала мою руку.

– Мистер Гилби, – сказала она (мы успели представиться друг другу), – я хочу, чтобы вы знали: мне лишь немного страшно.

И я крепко ухватился за ее ладонь, но не тем вульгарным движением, которые в романах называют пожатием, а лишь демонстрируя собственную твердость, к чему добавил краткую реплику в своей новой лаконичной манере. Смысл моих слов сводился к тому, как нам повезло, что огонек не потушили еще полчаса назад. В тот же момент огонек появился снова, но лишь на мгновение, располагаясь теперь ниже и левее. Он опять пропал, засветившись затем совсем низко справа. Кто-то явно спускался по винтовой лестнице.

²⁵ Дневник антарктической экспедиции во главе с Робертом Скоттом в 1910–1913 гг.

Я смело сделал несколько шагов вперед, направив луч фонарика вдоль здания. Света оказалось достаточно, чтобы мы поняли: перед нами весьма внушительных размеров постройка. Меня это ободрило. В такую ночь любой человек знатного происхождения почувствовал бы себя обязанным оказать нам гостеприимство. И я опустил луч фонарика под ноги, чтобы понять, где мы стоим – посреди сада или на подъездной дорожке. Но увиденное заставило меня издать испуганный вопль, потому что стояли мы на краю пропасти.

– Это ров, – сказала Сибила, подняла мою руку с фонариком и направила свет левее. – А там находится подъемный мост.

Как мне показалось, она была заинтригована, но лично у меня настроение резко упало. Я хорошо знал подобные замки. В холле будут висеть трофейные головы, покрытые сосульками, как в том доме, оттуда я сбежал тем же утром.

– Вы откажетесь, – спросил я, – если вас положат спать в одной комнате с привидением?

На что получил резкий ответ:

– Я не верю в существование призраков, мистер Гилби.

Потом она воскликнула:

– Смотрите!

Теперь уже на уровне земли справа блеснул свет. Осторожное обследование края рва помогло обнаружить еще один мост, обычный, а не подъемный. Он упирался в небольшую дверь, которая не слишком приветливо приоткрылась ровно на дюйм. Мы поспешно перешли на другую сторону. Под ногами скрипел снег. При нашем приближении собаки залаяли еще громче, но дверь, за которой мерцала свеча, так и не открылась шире. И потому мне пришлось постучать. После чего изнутри прозвучал голос простолюдина:

– Это доктор?

Нас явно приняли за кого-то другого.

– Нет, это не доктор, – объяснил я, обращаясь к узкой полоске света. – Мы двое попали в автокатастрофу.

Мне это отнюдь не показалось преувеличением, и к тому же не мешало усилить драматический эффект ситуации. Но моя попытка не увенчалась успехом. Полоска света исчезла. Дверь захлопнулась.

– Ну, ничего себе! – воскликнула Сибила.

Не стану повторять, что воскликнул я, потому что в этот момент до нас донесся отчетливый звон цепей.

– Это призрак! – охнула Сибила.

Я был бы рад держать свою спутницу в ее счастливом неведении, но согласись, Диана, прошли те времена, когда это было допустимо в обращении с женщиной.

– Это цепные псы, – пояснил я.

Но мы не успели даже по-настоящему испугаться, когда события стали быстро развиваться в положительном для нас направлении. Донесся голос джентльмена, явно осадившего своего нерадивого слугу, и дверь распахнулась настежь.

– Пожалуйста, входите, милости просим!

И мы вошли каждый со своим чемоданом, словно прибыли в обычный отель. Впрочем, наш хозяин мгновенно избавил Сибилу от ее ноши и объявил со старомодной торжественностью, какую в наши дни может себе позволить лишь немолодой человек весьма благородного происхождения:

– Добро пожаловать в замок Эркани. Моя фамилия Гатри.

На что Сибила воскликнула со ставшим более заметным американским акцентом:

– Как странно! Ведь и моя фамилия Гатри!

Мистер Гатри из Эркани окинул ее быстрым взглядом, в котором отразился отблеск свечи.

– Это ли не еще одна причина оказать вам все гостеприимство, на какое мы только способны! Первым делом мы должны, конечно же, подобрать вам комнаты и обеспечить теплом очага.

Словом, все происходило надлежащим образом, и не стоило бы подробного описания в послании домой (к тебе, моя милая, милая Диана!), если бы у меня сразу же не возникло невесть откуда взявшееся и странное впечатление, что этот мистер Гатри – сумасшедший. Я и сейчас подозреваю, что он не в своем уме, как посчитал еще до полученной возможности изучить его замок, где все говорило: хозяин спятил.

Как мне кажется, было нечто в самом его первом взгляде, которым он по очереди окинул нас обоих в неверном свете своей одинокой свечи. А быть может, это был взгляд математика или шахматиста, потому что он смотрел на нас так, словно заносил в члены невидимого уравнения или старался найти позицию на клетках доски. И у меня сложилось ощущение, что я для него – не более чем пешка, хотя это могло объясняться крайним утомлением после прогулки по глубокому снегу. Но каким бы ни было первое впечатление, оно с той поры только усилилось. И этому почти сразу способствовал вид слуг и домашних животных.

Хорошему хозяину надлежит заботиться о добром здравии своих работников, как и четвероногих питомцев, но две собаки, сопровождавшие нас до наших комнат, выглядели откровенно голодными. Это была еще одна странность, почти небывалая в доме обычного сельского джентльмена. Мне оставалось только радоваться, что на нас так и не спустились тех более крупных и злобных тварей, которые продолжали подавать голос откуда-то из глубины двора, хотя, возможно, и собирались изначально сделать это. Войдя в замок, я непроизвольно поискал взглядом грубияна, демонстративно не пожелавшего нас впускать. Померещилось даже, что лорд Гатри встретил нас один, но затем за его спиной в глубокой тени я разглядел этого негодяя. Им оказался тот самый Хардкасл, о котором я упомянул в начале письма. И хотя он выглядел так, словно готов выпотрошить нас ради любой мелочи в карманах, его представили со всеми церемониями в качестве управляющего имением лорда. А, как известно, наличие управляющего предполагает весьма обширные владения и сложное хозяйство. И потому меня вдвойне удивило, когда я заметил, что столь важное лицо одновременно исполняет обязанности и дворецкого, и чуть ли не простого лакея. Да и сам лорд сразу же показался нам человеком далеко не богатым. Напротив, многое в нем свидетельствовало о крайней бедности.

И сам по себе замок Эркани – очень необычное здание. Еще во время нашего похода в его сторону поднялся сильный ветер. Порывистый и холодный, он принес нам новый дискомфорт, словно его и так не хватало. Но если за стенами замка свирепствовал только один ветер, то внутри Эркани гуляли одновременно, должно быть, двадцать разных ветров. Вдоль длинного коридора, по которому нас повели из холла, морскими волнами гуляла от сквозняка старая потертая ковровая дорожка на полу, причем зрелище выглядело нереальным, словно дурной сон. Поперек коридора через пустые оконные рамы задувал внутрь снежинки другой вихрь, а их подхватывал третий воздушный поток, вознося непостижимым затем образом параллельно лестнице, приведшей нас этажом выше. А вот лестница отличалась потрясающей красотой: каменная, с высокой балюстрадой, украшенной резьбой, сработанной, как я предположил, французскими средневековыми мастерами. Причем на каждой лестничной площадке высилась фигура каменного монстра с выведенным на нем девизом рода Гатри: «Не буди спящего тигра».

– Не слишком уютно для жилья, – прошептала Сибилла, – но впечатляет, пусть и наводит на мрачные мысли.

Кстати, то же самое можно было в полной мере отнести и к фигуре нашего хозяина. Он был высок ростом, худощав и замкнут, с крупными чертами лица и глубокими морщинами, пролегишими у рта и глаз. Этот человек способен внушать робость, даже если смотришь на него со спины, как мы в тот момент, когда шли за ним по еще более ветреному коридору второго этажа, а похожий на головореза Хардкасл тащился следом с нашими чемоданами. По пути нам никто не встретился, если не считать пары метнувшихся по углам крыс. Так мы добрались до двух смотревших друг на друга дверей. Для мисс Гатри открыли правую, для мистера Гилби – левую. На моем пороге хозяин вдруг замер и спросил, не прихожусь ли я случайно родственником Горацио Гилби? Мне почему-то всегда доставляет удовольствие признавать, что это мой двоюродный дедушка, знаменитый ученый конца XIX столетия, профессор, у которого можно научиться лишь жить в бедности и писать плохие стихи. Я ответил: «Да, мне довелось быть его любимым внучатым племянником». После чего мистер Гатри удостоил меня взгляда, в котором мелькнул едва заметный интерес, и пробормотал, что однажды они с Горацио Гилби обменялись письмами со своими поэмами. Стало быть, умозаключил я, наш хозяин – тоже поэт. Правда, замок Эркани мало располагал к творчеству, будучи скорее совиным гнездом, чем клеткой с певуньями-канарейками. Зато теперь я мог позволить себе думать, что, окидывая меня своим странным взглядом шахматиста, лорд просто мучительно подбирает рифму к фамилии Гилби.

В комнате Сибилы оказалось очень уютно. Должно быть, ее заранее подготовили и сохраняли как гостевую спальню, что явилось для американки приятным сюрпризом. Постель широкая, словно поле брани, белье белее снега – хотя подобная ассоциация сейчас мало согревала душу. Все здесь содержалось в полном порядке. Только в одном окне отсутствовала часть стекла, которое заменили плотной коричневой бумагой. Зато мои хоромы оставляли желать много лучшего. Потолок в трещинах, грязные пятна на полу, постель готова, но жестка и неудобна. И ветры Эркани, казалось, собирались в этой комнате вместе, чтобы сплясать свою сарабанду. А потому даже Гатри, оглядев помещение с долей сомнения, распорядился:

– Хардкасл, приведи-ка сюда свою жену.

Теперь позвольте вас представить друг другу. Миссис Хардкасл, познакомьтесь с мисс Дианой Сэндис! И не стесняйся пялиться на нее, Диана. Мне кажется, старуха все равно почти совершенно слепа. И чем не красавица? Я подозреваю, что Хардкасл, которому едва ли стукнуло пятьдесят, женился на ней, чтобы унаследовать посмертную пенсию, или же она сколотила изрядный капиталец, показывая себя народу в цирке в роли «бородатой женичины». Впрочем, если мои слова покажутся тебе грубоватыми, подумай, в каких выражениях поэт и истинный джентльмен эпохи Возрождения описал бы ведьму, и портрет окажется законченным. А если подумать, то сам лорд Гатри мог бы оказаться чародеем и колдуном, для которого только естественно было бы держать при своем дворе парочку ведьм. В моем восприятии, он виделся вполне на это способным. Но если миссис Хардкасл и была ведьмой, то с добрым сердцем. Пусть неуклюже, но она растопила для нас камин, принесла таз с действительно горячей водой, полотенце и даже мыло – хотя всего лишь хозяйственное. Она, кроме того, положила дополнительный матрац на мое не слишком комфортное ложе. Когда с этим было покончено, Гатри раскланялся и сообщил, что мы встретимся снова за ужином в девять часов.

Мы действительно встретились, и тебе настала пора узнать о Кристин. Я еще сам не понял толком, что она такое, но по-своему человек это не менее поразительный, чем Гатри, который, кажется, приходится ей дядей. Она поразительна в том смысле, что за тем необычным ужином, будучи в сущности просто хорошенькой девушкой, предстала перед нами настоящей красавицей. И, как я считаю, в мире есть только одна разновид-

ность красавиц более поразительных – это жёщины с изначально потрясающей внешне-стью. Но тебя все это не должно беспокоить, Диана. Если ты хочешь, чтобы я зачислил тебя в последнюю категорию, то изволь – ты принадлежишь к ней и не имеешь конкурентов.

Итак, хорошенькая девушка, застенчивая провинциалка, с мягким шотландским выговором, очаровательно гармонирующим с американским акцентом Сибила. Робкая, но с богатым внутренним миром юная особа с манерами старомодной дамы из высшего общества, мало знакомой с окружающим миром: вот какой увиделась мне Кристин. Шотландская Миранда – такое сравнение пришло мне в голову, пока я исподволь рассматривал ее за ужином. И это впечатление только окрепло, потому что она была Мирандой из первой большой сцены с ее участием, покорно слушавшей рассуждения Просперо, но мыслями унесшейся в иные края, туда, где за далеким и бурным морем ждала ее встреча с судьбой. И если мое письмо покажется тебе излишне напыщенным или экстравагантным, вспомни, что я пишу эти строки с первыми проблесками рассвета из зачарованного замка.

В огромном зале, который, как и лестница, заставляет гостя поначалу думать, что Эркани гораздо более крупный замок, чем в действительности, волшебник-хозяин сел по одну сторону невероятной длины стола, а Кристин – по другую. Мы с Сибиллой тоже расположились в удалении друг от друга, причем нам всем не помешало бы гораздо больше тепла, чем давало скромное пламя, разведенное в камине. Хотя сам камин был таких размеров, что мы могли бы легко устроиться за столиком внутри и чувствовать себя гораздо более комфортно, чем в зале. Злодейского вида управляющий Хардкасл испарился – он явно жил где-то в отдельном крыле дома, – и еду нам подавали отчасти дряхлая миссис Хардкасл, отчасти сама Кристин, и это лишний раз подтвердило мое первое впечатление, что домашние ресурсы Эркани весьма ограничены. Бросались в глаза и другие приметы либо крайней бедности, либо патологической скарденности хозяина. Наш ужин, к примеру, проходил при явно недостаточном освещении, которое давали несколько сальных свечей. И, думаю, Гатри выглядел более зловещим, Кристин более красивой, а Сибила более загадочной (я ведь упоминал, что Сибила производит впечатление загадочной фигуры?) лишь потому, что всех их я видел в полумраке. И я уже готовился принять на вооружение теорию, что даже крупные землевладельцы в этих краях являют собой необычайно колоритную разновидность бедняков, когда миссис Хардкасл старческой походкой приблизилась к столу и подала нам первое блюдо. Тебе будет трудно в это поверить, дорогая Диана, но им оказалась осетровая икра на серебряных тарелках.

Получился настоящий «сюрприз», как называют подобные вещи обитатели севера Великобритании, да и вся последовавшая трапеза выглядела не менее удивительно. Можно было даже вообразить себе, что члены семьи Гатри, процветавшие где-то в городе, заехали на дорогой пикник среди руин замка, свидетельствовавших об их величии в феодальную эпоху. Боюсь, я переводил взгляд с запущенной обстановки зала на роскошные яства, с еды на отощавших собак, а с псов на самого мистера Гатри, владельца Эркани, с плохо скрытым изумлением. Причем я заметил, что и Кристин разглядывает меня с тем же рассеянным интересом, с каким ее дядя смотрел на родственника Горацио Гилби, хотя в ее глазах все же мелькало любопытство. Наверняка она пыталась сообразить, как поведет себя хорошо воспитанный молодой английский джентльмен, попав в столь необычную обстановку.

Поскольку, как ты могла уже понять, ужин проходил далеко не в радостной атмосфере. Гатри лишь изредка отпускал какое-нибудь ничего не значившее замечание, чтобы за столом не воцарилось полное молчание. Или начинал расспрашивать, в каком состоянии мы оставили свои машины, и есть ли у нас друзья в округе, знавшие, что мы направились по долине в сторону Эркани. Но все же большую часть времени он ничего не говорил и либо

смотрел невидящим взором куда-то поверх наших голов, либо пронизывал меня тем пристальным взглядом шахматиста, который мне нравился все меньше и меньше. Как я заметил, точно так же он поглядывал и на Сибилу – если ты уже поняла, то человек она весьма наблюдательный, и постепенно начала платить ему той же монетой: то есть всматриваться в его лицо долго и задумчиво. Светские обязанности хозяйки стола пыталась взять на себя Кристин, но и у нее это получалось неважно. Она тоже смотрела на все со своей точки зрения – глазами Миранды, наделенной способностью видеть грядущее. Не сомневаюсь, что именно она привлекла мое внимание к часам.

Это были большие старинные часы примерно той же эпохи, когда построили зал, в котором мы расположились, тикавшие невероятно громко и – можешь себе представить? – как будто в замедленном темпе. Тебе, несомненно, известно, как хорошие актеры умеют создать иллюзию невыносимого напряжения в зрительном зале, просто замерев в молчании. И внезапно я почувствовал, что часы оказывают на меня такое же воздействие. Другими словами, я отнес за счет старинного и бесстрастного инструмента измерения времени нараставшее во мне предчувствие ужасной и неминуемой катастрофы. Это все результат переутомления и недостатка витаминов, решил я и с удовольствием принялся за сливовый пудинг под отменным соусом с бренди. Но часы продолжали отсчитывать секунды с тем же пугающим звуком. К моменту, когда Кристин вышла из зала вместе с Сибиллой, часы почти загипнотизировали меня: внезапно они принялись жестикулировать обеими своими стрелками и воскликнули: «Не спите больше! Макбет зарезал сон!»²⁶ Меня это могло испугать, но не удивить. Ты знаешь, что я довольно-таки легко поддаюсь внушению, но не впадаю в беспричинные панические галлюцинации. Это замок Эркани натянулся струной в напряженном ожидании чего-то, а я лишь ощущал отдаленные вибрации.

Но сейчас, когда у меня было время успокоиться и с ясной головой все взвесить, я нашел простое и рациональное объяснение напряженной атмосфере, буквально пропитавшей воздух замка. Кто-то из его обитателей был, вероятно, серьезно болен. Вспомни, как Хардкасл, осторожно приоткрыв дверь при нашем появлении, спросил, не врач ли это прибыл. Они, быть может, ожидали, что медицинская помощь сумеет пробиться к ним через эти непроходимые снега, и ухитрились вежливо скрыть свое разочарование, когда прибыли всего-навсего мы. Против этой версии я находил только два возражения. Во-первых, мне показалась подозрительной чрезвычайная, почти заговорицкая осторожность, с которой Хардкасл приоткрыл дверь всего на дюйм (впрочем, это могла быть просто особенность его характера). Во-вторых, если необходимость во врачебной помощи стала настолько насущной, что влияла на всю атмосферу в замке, то хозяин не мог не задать вопрос, не являемся ли мы – я или Сибилла – профессиональными медиками (хотя, нельзя не признать, что мы выглядели слишком молодыми для этого). Но вся эта идея с больным человеком занимала меня не более пяти минут и была развеяна в прах самим лордом Гатри.

– Мистер Гилби, – сказал он, когда мы поднимались из-за стола, – снег может задерживать вас здесь на некоторое время, и я хотел бы заранее извиниться перед вами за слишком простой образ жизни, который мы ведем. Помимо паренька, живущего за пределами дома, здесь обитаем только мы с племянницей и чета Хардкаслов.

На это я понес невятную чушь, что мы, вероятно, доставляем лишние хлопоты мисс Мэтерс, то есть Кристин. Но Гатри лишь прихватил с собой еще не вскрытую коробку сигар, распахнул для меня дверь и произнес с серьезным видом:

– Я очень рад, что вы нашли сюда дорогу.

И не уверен, содрогнулся ли я внутренне от столь просто сказанной фразы или же такую реакцию вызвало во мне одновременное появление этого жуткого типа Хардкасла,

²⁶ Перевод А. Кронеберга.

который, казалось, ждал где-то рядом и выскочил подобием самого отвратительного из чертей с картин Иеронима Босха. Впрочем, все говорило, что явился он не случайно. Вероятно, каждый вечер в определенный час он приходил, чтобы получить указания от хозяина. По крайней мере, сегодня распоряжение для него оказалось готово у Гатри заранее.

– Послушай, Хардкасл, – произнес он с властными нотками в голосе, – если придет молодой Линдсей, – хотя сомневаюсь, что он сумеет пробраться через снежные заносы, –пусти его. Я встречу с ним незамедлительно.

Хардкасл медленно вытянул руку, которую держал за своей сутулой спиной (я был готов увидеть в ней открытую опасную бритву), и в задумчивости поскреб заросший щетиной подбородок. А затем сказал тоном самого преданного слуги, часто встречающегося в шотландских исторических романах:

– Поверьте на слово, милорд, этот парень наскрозь опасен для вашей милости.

– Что ты такое несешь? – Хозяин остановился посреди сумрачного коридора и посмотрел на управляющего с откровенным пренебрежением.

– Я говорю, что Нейл Линдсей замышляет дурное против вас.

Но явная попытка подчиненного предупредить хозяина об угрозе не увенчалась успехом.

– Сказано же тебе, – повторил Гатри, – что Линдсей может беспрепятственно под-
няться ко мне в башню. Как мистер Гилби и наши молодые леди.

Мы двинулись дальше вдвоем. У меня уже плохо работала от усталости голова, и только когда мы достигли примерно середины коридора, я вдруг осознал, что реакция Гатри на недвусмысленное предостережение могла быть на самом деле не столь легкомысленной, как он хотел показать. Лично на меня оно произвело изрядное впечатление. Точнее будет сказать, что этот инцидент помог мне найти определение, которое я до той поры безуспешно искал. Я назвал атмосферу в замке Эркани полной напряженности, но теперь понял, чем она была пронизана на самом деле – страхом. Но кто боялся и чего, оставалось загадкой, хотя и недолго.

Я как раз добрался в своих рассуждениях до этой точки, и ты была бы права, предположив, что мне отчаянно требовались постель и глубокий сон, но вдруг чуть не подпрыгнул от удивления. Гатри произнес вслух то, о чем я лишь подумал:

– Страх.

Или, если быть точным, он воспользовался латинским словом «Timor...». Тихо, но отчетливо пробормотал:

– Timor Mortis conturbat me.

При взгляде на него стало ясно – он напрочь забыл, что я нахожусь рядом и вообще существую, а я окончательно убедился: этот человек свихнулся. Продолжая двигаться по коридору, глядя в потолок, он ударился в декламацию.

Сэр Гилберт Хэй был только что здоров.
Ни хворей он не знал, ни докторов,
Но сгинул он, судьбу свою кляня,
И Смерти страх преследует меня.

Timor Mortis conturbat me.

Слепому Гари оборвалась жизнь,
И Сэнди Трэйл косы не избежит,
Теряет силы он день ото дня,
И Смерти страх преследует меня.

Timor Mortis conturbat me.

Уверен, Диана, что тебе и близко не доводилось созерцать чего-то столь же пугающе странного, как зрелище этого благородного шотландского джентльмена, вышагивавшего по продуваемому всеми ветрами коридору и вслух читавшего эту погребальную песнь Дан-бара!

Покинул нас Роул из Абердина,
Сошел в могилу брат из Корстофина,
К поэзии любовь свою храня.
И Смерти страх преследует меня.

Timor Mortis conturbat me.

Мы свернули за угол, и ветер унес слова в сторону от моего слуха. Декламация перешла в невнятное бормотание. В какой-то момент фитиль свечи неожиданно разгорелся ярче, и мне удалось разглядеть его лицо немного лучше, чем за все время, что мы уже провели в этом темном доме. И готов поклясться – на нем застыл страх в чистейшем виде.

Второй коридор показался бесконечно длинным. Прodelав по нему значительный путь, мы остановились перед дверью, за которой, как я предположил ранее, скрылись Кристин и Сибила. Гатри замер в неподвижности, ритм его бормотания изменился, и он смотрел на дверь или, вернее, как будто сквозь нее с выражением почти экзальтации, сменившей ужас. А потом шепотом воскликнул:

– О, Америка, моя
Вновь обретенная Земля!

Для меня это оказалось еще одной полнейшей неожиданностью. Как и то, что произошло в следующую секунду. Его рука легла на ручку двери, и он мгновенно вновь осознавал мое присутствие рядом с собой. Гатри одарил меня доброжелательной улыбкой и сказал:

– Обычно я ежедневно провожу здесь полчаса со своей племянницей.

Как я понял, в его памяти не осталось и следа от только что проведенного сеанса декламации в коридоре. Выражаясь научным языком, он представился мне теперь типичным случаем раздвоения личности. Ты понимаешь, о чем я толкую. Существовали два разных Гатри, которые прятались и подменяли друг друга, как братья-близнецы в театральном фарсе. Перед моим мысленным взором встала до крайности необычная картина. Я вообразил себе Гатри А – скупердяя, морившего голодом собак и не желавшего тратить на замену разбитых оконных стекол. А потом Гатри Б – человека, живущего на широкую ногу и поедавшего на ужин баснословно дорогую икру. И я продолжал обдумывать эту вероятность еще некоторое время уже после того, как мы присоединились к Кристин и Сибиле в помещении, которое здесь называли классом, подобно школьному. Моя новая теория легко объясняла осторожность, с которой Хардкасл обращался к нам, приняв нас за врачей. У лорда развились симптомы легкого помешательства, и верные слуги попытались втайне пригласить к нему лекаря. Вероятно, не самая лучшая идея, но теперь фраза этого неопи-сваемо странного человека по фамилии Хардкасл начала навязчиво преследовать меня. «Это доктор?» И я утвердился в убеждении, что если в недрах замка Эркани хранили какую-то тайну, то ключом к ней могло послужить объяснение смысла подобного вопроса.

Диана, ты можешь в этом месте с полным правом прервать мой сбивчивый рассказ, при условии, что он вообще заинтересовал тебя, и заметить: «Гатри ждет в гости опасного человека по имени Нейл Линдсей; Хардкасл ожидает прибытия таинственного врача.

В таком случае не логично ли предположить, что это одно и то же лицо. Доктор Нейл Линдсей, которого не очень-то и хотят принять в замке для исполнения профессиональных обязанностей. А что, если он, скажем, попросту нежелательный для хозяина претендент на руку и сердце твоей романтической Кристин?»

И тогда мне придется признать, что я не могу дать тебе исчерпывающего ответа. Готов допустить, однако, что у Кристин есть возлюбленный. По некоторым приметам, она почти полностью поглощена мыслями о нем. И ее избранником может быть как Нейл Линдсей, так и пресловутый «доктор» Хардкасла. Но мне плохо верится, что это одно и то же лицо. Подобной идее противоречит тон, который пускал в ход Хардкасл применительно к обоим. Но только время покажет, прав ли я.

Кстати, быть может, здесь уместно упомянуть именно о времени. Сейчас восемь часов утра вторника 24 декабря, и тебе, наверное, трудно себе представить, дорогая Диана, как долго я писал эти адресованные тебе строки, постоянно отвлекаясь, чтобы вновь зажечь то и дело гаснущую свечу. Потому что в моей комнате не просто гуляет ветер. Она представляет собой некий аналог Эолова царства. Взрослые и сильные ветра дуют под потолком, а маленькие ветерочки, подобно путти с картин живописцев чинквеченто²⁷, резвятся по всей спальне и пробуют подавать голоса откуда-то из-под кровати. От огня в моем очаге, разведенного прошлым вечером, не осталось и воспоминания, и кругом царит жестокий холод. Я же расположился у окна (где, как ни странно, не холоднее, чем в любом другом месте), соорудив себе нечто вроде иглу из набитых сеном матрацев и надеясь только на новые приятные «сюрпризы» к завтраку. Снаружи по-прежнему свирепствует буран, и меня заранее страшит вероятность, что мы не сумеем выбраться отсюда еще по меньшей мере несколько дней. Однако вчера вечером за столом зашел разговор о необычайной способности преодолевать большие расстояния по глубокому снегу, которой обладает молодой человек, живущий в сарае у стен Эркани. Как я понял, он страдает слабоумием, но если я здесь застряну, с его помощью у меня останется шанс отправить тебе хотя бы телеграмму. Рассвет, должно быть, наступил уже давно, но видимость остается крайне ограниченной, небо – свинцово-серым. Из своего окна я вижу лишь бесформенную белизну по всей округе. Только чуть левее в моем поле зрения эта монотонность нарушается. Я минут двадцать ломал себе голову, откуда взялось там более темное пятно. Снег в том месте подтаял, словно ложился на раскаленную сталь. Потом я понял, что это, скорее всего, вода – покрытая тонким слоем льда излучина озера, своим изгибом подходящая почти вплотную к замку, – а ветер сдувает с ледяной глади снег.

Поскольку пока не слышно никакого движения за дверью и нет ни намека на приглашение к завтраку, я добавлю еще несколько деталей к описанию событий минувшего вечера. Класс, в котором получила свое образование Кристин, – а она, насколько я понял, крайне редко отлучалась из Эркани, – превращен в уютный, хотя и скудно обставленный кабинет, вполне подходящий уголок, где Миранда может найти уединение. Здесь я увидел несколько памятных вещей из Милана, по-настоящему элегантное бюро фламандской работы и индийские рисунки с изображениями птиц, заслуживающие гораздо лучшей подсветки, чем пара свечей, составляющих стандартный набор осветительных приборов практически в каждом помещении замка. Когда мы с Гатри вошли, девушки сидели на низкой скамье перед камином и успели почти подружиться. Обе при нашем появлении поднялись. Взгляд Сибилы, как я отметил, устремился на Гатри, в то время как Кристин продолжала разглядывать саму Сибилу. Помню, у меня мелькнула мысль, каким образом мы продолжим общаться без пауз, извинительных только за едой и питьем?

²⁷ XV столетие (ит.).

Как обычно в таких случаях, на выручку приходит соблюдение светских формальностей. Мне безмолвно вменили в обязанность развлечь Кристин, и я тут же впал в несколько банальное настроение сдержанной шутливости, черная тема для разговора, как ты догадываешься, Диана, из своих приключений того злополучного дня. Кристин не произвела на меня впечатления девицы, которой особенно нравится при обычных обстоятельствах неожиданное появление в Эркани на ночь глядя незнакомого молодого человека, и она, несомненно, обладала умом живым и острым, чтобы при желании высмеять столь натужную болтовню, в которую превратился мой рассказ. А я, в свою очередь, человек из общества, и каждый год знакоюсь с десятками молодых леди, из которых лишь нескольких нахожу достаточно интересными для продолжения знакомства. Ты тоже различаешь подобных людей мгновенно, не правда ли? И Кристин я бы отнес к их числу, но только ей было не до меня. Она застенчива до крайности, но достойно выдержала общение со мной минут восемь-десять. Надо ли мне объяснять, что вскоре я почувствовал некоторую неловкость и натянутость ситуации. Нет, внешне Кристин держалась очаровательно. Но представь себе какую-нибудь герцогиню, близкую к политическим кругам Лондона, которой надо быть гостеприимной хозяйкой светского раута, не забывая при этом оказывать знаки внимания плохо ей знакомому молодому человеку – ведь он, возможно, окажется полезен лет эдак через тридцать, – и картина предстанет перед тобой во всей полноте. Причем сравнение станет еще более точным, поскольку Кристин, будучи всего лишь девушкой из благородной, но провинциальной семьи, сумела усвоить несколько устаревшие столичные манеры, наблюдать за которыми оказалось любопытно. Меня вновь и вновь посещал вопрос: каким образом она получила воспитание в такой глуши? Между тем мы продолжали сидеть рядом, я нес свою чепуху, стараясь быть занимательным, а она реагировала с точно дозированным интересом, делая вид, будто ей любопытно, и время от времени вставляя собственные реплики, но... Но, вне всякого сомнения, все это время я для нее почти не существовал. Обстановка, как уже упомянул, грозила стать воистину натянутой.

Быть может, я утомил тебя, Диана, повторением пройденного, но Кристин откровенно ждала. Она поистине жила своим ожиданием, как это случалось с девушками на выданье в ту эпоху, когда мир еще был моложе и невиннее, чем в наши дни. Лично у меня не возникало ни тени сомнения, что она ждет возлюбленного!

И Гатри тоже чего-то ждал, вот только мне оставалось гадать, чего именно. Возможно, он назначил свидание с призраками Кларка из Транента и сэра Мунго Локхарта из Ли²⁸. Но при этом надо отдать ему должное – он вел себя гораздо непринужденнее, чем Кристин. Вся его угрюмость исчезла, и он занимал беседой Сибилу, уделяя ей то внимание, какого она была достойна. Насколько я понял, его временное помрачение рассудка уступило место гордости владельного лорда из Эркани. Когда мое внимание переключилось на них, он как раз демонстрировал Сибиле свои раритеты, принесенные из соседней комнаты, – в основном золотые монеты и медали. Кристин же, едва мой взгляд ушел в сторону, ловко воспользовалась моментом, чтобы заставить меня подняться и перейти в другой угол комнаты. Боюсь, ей основательно наскучил наш с ней тет-а-тет.

Гатри как раз протягивал в это время Сибиле небольшой медальон.

– Узнаете, что это такое? – спросил он.

Я сам мгновенно все понял, вспомнив о чудовищах на лестнице. Это был герб рода Гатри. Сибилла бережно взяла вещицу, повертела в руках, но ничего не сказала.

– Фамильный герб, – пояснил Гатри. – Мне вдруг пришло в голову, моя милая юная леди, что мы можем оказаться дальними родственниками.

²⁸ Еще два малоизвестных шотландских поэта XV в., оплакиваемых в стихотворении Уильяма Данбара.

Гатри, конечно, уже находится в том почтенном возрасте, когда мужчине позволительно использовать обращение «моя милая юная леди», но я парадоксальным образом уловил в этой простой фразе некий намек на нежелательность подобного родства.

Зато с совершенно неожиданным энтузиазмом на его ремарку отозвалась Сибилла:

– Это действительно было бы потрясающе, мистер Гатри! Насколько я знаю, мой отец всегда гордился своими шотландскими корнями. А меня просто в восторг приводит мысль, что я могу быть связана со столь романтическим замком, как ваш. Он, вероятно, очень древний?

Ты не должна думать, Диана, что Кристин хоть сколько-нибудь затмила в моих глазах очарование Сибиллы. Я сразу посчитал ее девушкой замечательной, пусть она и сослужила для меня роль ложного маяка в ночи, когда мы сбились с нужной дороги. Но сейчас я невольно изумился, услышав ее ответ на слова Гатри, явно сказанные из чистой вежливости. Их родство представлялось мне чем-то из области фантастики. Однако если мои глаза открылись от удивления, то Гатри заметно прищурился. Но тем не менее с прежним радушием ответил на вопрос своей гостьи:

– Да, замок очень старый. Часть фундамента относится еще к тринадцатому веку. А затем продолжил, тщательно подбирая слова:

– Я знаю, что у нас есть родня в Соединенных Штатах. Семьи, подобные нашей, стараются не терять из виду ни одной своей ветви, какой бы далекой она ни была.

– О, как это интересно, мистер Гатри! Уверена, они обожают навещать Эркани и гостить у вас.

– Нет, они меня не навещают. – Мне показалось, что Гатри произнес это с оттенком иронии и чуть заметно улыбнулся. Последовала небольшая пауза. – Но пару лет назад они прислали ко мне... своих друзей.

Не скажу, что Кристин стояла со мной плечом к плечу, а потому я скорее уловил, чем действительно ощутил пробежавшую по ее телу дрожь. Знаю, что не должен был так поступать, но помимо воли бросил на нее взгляд и поймал выражение, которое уже видел на лице дяди: тень откровенного страха.

Гатри явно чего-то ждал, и Кристин чего-то ждала, хотя, скорее всего, не одного и того же. Гатри испытывал осязаемый страх, и Кристин боялась, но опять-таки это чувство вызвала едва ли та же самая причина. Так что, Диана, мне теперь есть чем себя занять. Слюбопытством, граничащим с нескромностью, я пытаюсь разгадать Мистерию Замка Эркани!

Сибилла не стала вдаваться в подробности своей семейной истории, а Гатри не пошел дальше вежливого предположения о маловероятном родстве. Зато он вдруг перешел к рассказу о своем детстве, что мне показалось весьма странным. Нет, картина на сюжет «Престарелый лорд развлекает гостей повестью о золотых годах своего малолетства в Эркани» представляется, вероятно, довольно милой. Вот только подобные откровения плохо вязались с замкнутым характером этого человека, насколько я успел узнать его. Уже почти сквозь сон мне показалось, что он, таким образом, всего лишь провоцировал Сибиллу на ответные воспоминания, стараясь узнать побольше о ее семье с помощью обходного маневра. Однако мои подозрения развеял тот факт, что его интерес носил скорее общий характер. Могло показаться, что его занимала история американского общества в целом, традиции и стиль жизни в США двадцатилетней давности. Сибилла жила в Цинциннати, штат Огайо – запомнилось мне. И даже почудилось в этих звуках что-то гипнотическое. Цинциннати, Огайо... Цинциннати, Огайо – под эти красивые и повторяющиеся слова я обнаружил, что засыпаю на ходу. Но потом я проснулся, словно меня ударило током.

Гатри как раз подошел к очагу, в котором медленно угасал огонь, держа в руках небольшое полено. Думаю, он не хотел растапливать камин сильнее, чем было абсолютно необходимо. И пока стоял в нерешительности, Кристин сказала:

– Вижу, ты никак не можешь выбрать одно из двух.

Не настолько сильное замечание, подумаешь ты, Диана, чтобы вывести меня из состояния дремы. И верно, куда как более резким оказался звук падения полена, немедленно полетевшего внутрь очага. Но в этих словах заключался тот необузданный темперамент, который я изначально почувствовал в характере Кристин. Она вложила в сказанное все свое отчаяние по поводу сложившейся ситуации, но и получила, произнеся свою реплику, мощное чувство облегчения, порой извлекаемое нами из точно попавшего в цель острого слова. Перед какой бы дилеммой ни стоял сейчас Гатри, племянница явно воспринимала ее как выбор между жизнью и смертью.

А дальше, как это иногда бывает, у меня случился провал в памяти. По крайней мере мне не запомнилось ничего существенного. Мы еще какое-то время сидели все вместе. Я и Сибила дожидались возможности отправиться спать, а Гатри и Кристин тоже ждали, хотя и неизвестно чего, вот только напряжение витало в воздухе такое, словно в любой момент из коридора могли послышаться чьи-то шаги или извне донестись таинственный крик в ночи. Однако к половине одиннадцатого чары словно развеялись, и я только порадовался, когда по главной лестнице нас с Сибиллой сопроводили до наших спален.

Не стану утомлять тебя рассказом, как ужасно провел эту ночь, тем более что миссис Хардкасл только что просунула голову в мою дверь и спросила:

– Не изволит ли ваша милость откушать завтрак?

Завтрак завтраком, а вот крысы успели одолеть меня в явном желании поужинать, не говоря уже о более мелких паразитах. Имей это в виду, Диана, если считаешь, что я не слишком восторженно отозвался о древнем замке Эркани. Проспал же я не более двух часов, а разбудила меня, по всей видимости, крыса, отважившаяся для начала попробовать на вкус большой палец моей ноги. Но это могло пригрезиться, и спать мне не давали в основном крики филинов, нашедших приют в заснеженных зарослях плюща, протянувшегося по стене рядом с моим окном. Обычно я ничего не имею против ночных птиц, но вопли филинов, обосновавшихся в Эркани, это нечто из ряда вон выходящее. Я насчитал несколько разновидностей их голосов, но в каждом слышалась глубокая депрессия и неизбывная тоска. А была еще совершенно новая для меня нота: высокое и протяжное «туу-и-и-и». Вот от нее действительно кровь стыла в жилах. Время от времени поднимали вой собаки, и их трудно было не принять за волков или даже за мерзких оборотней, зачарованных колдуном-хозяином. И постоянно дул ветер. При хорошей погоде в Эркани ночью наверняка слышатся чьи-то шепоты, но во время бурана замок полнился громкими криками, хотя ни слова невозможно было разобрать отчетливо. Я исполнен самого горячего желания выбраться отсюда нынче же утром, чтобы прибыть в Эдинбург к ночному поезду, который завтра доставит меня к тебе в Лондон.

Поверь, Диана, в этот момент я готов предпринять поистине героические усилия, дабы осуществить свой план.

Любящий тебя

Нозл.

2

Ночь в канун Рождества

Увы, ничего не вышло. Я в бешенстве, но снежная буря усилилась и удерживает меня, как полярного исследователя, которому остался день пути до цели. Причем ближайший городок – Кинкейг – находится как раз на расстоянии одного антарктического маршброска. До него миль девять, не больше, но погодные условия делают затею безнадёжной. Столбики, которыми помечен ведущий туда проселок, хорошо заметные при обычном снегопаде, теперь полностью скрылись из вида. Причем снег продолжает валить при порывах ветра, окутывающих тебя непроницаемой белой пеленой, стоит лишь выйти за порог. С каждым часом сугробы становятся все глубже и, понятное дело, все опаснее для передвижения. Даже наш неугомонный Таммас, чьи странности оказались на поверку обыкновенным слабоумием (отличный итог для перечисления прелестей замка Эркани!), не решается сейчас бороться со стихией. А потому мне приходится смириться с тем, о, Диана, свет очей моих, чья красота затмевает солнце, луну и все звезды, вместе взятые, что тебе придется провести это Рождество одной – в неведении, в тревоге и в злости на меня. Нет ничего хуже, чем оказаться в плену совсем рядом с цивилизацией. Но выбраться отсюда без большого ущерба для здоровья совершенно невозможно. И ведь я не сломал ногу. Я вообще ничего не сломал, если не считать маленькой машины, принадлежащей милой молодой женщине. И не угодил в тюрьму за это. Случилось нечто гораздо более глупое: я умудрился застрять в дыре, находящейся в каких-то девяти милях от ближайшего телефона. И всему виной омерзительная погода!

И мне скучно. После напряженной работы ума в ночные часы наступил предсказуемый спад активности, а мистерия Эркани начала блекнуть, как и следовало ожидать, при свете наступившего нового дня. Хозяин замка совершенно необходим, чтобы питать мое воображение, но сегодня его не видно. Как воспитанный человек, он лишь передал извинения и сообщил, что неважно себя чувствует. Возможно, икра не пошла на пользу его желудку, поскольку мне все еще трудно поверить, что она составляет ежедневную и привычную часть рациона в Эркани. Понимаешь, это действительно был загадочный ужин. Нет, ничего общего с Тайной вечерей. Но вспомни историю о блудном сыне²⁹, и тогда тушеный кролик в Эркани послужит аналогом откормленного теленка. Но кто же блудный сын? Ты спросишь, разве Сибилла не могла являться блудной троюродной сестрой, седьмой водой на киселе? Нет, разумеется. Тогда, вероятно, честь оказали любимому внучатому племяннику жалкого неудачника Горацио? Ответ, естественно, тоже отрицательный.

Мы с Сибиллой были полностью предоставлены самим себе. Кристин садилась во главе стола во время двух трапез, куда более скромных, но затем тоже исчезала, смутно ссылаясь на неотложные дела. После завтрака она лишь пригласила нас подняться на своего рода длинную галерею, где полно портретов давно почивших Гатри, но еще большие мертворожденных богословских трактатов, и с почти откровенной издевкой предложила выбрать себе книги по вкусу. После обеда она зазвала нас в бильярдную, сняв пыльное покрывало со стола, за которым, похоже, еще Ной коротал часы долгого плавания, и спросила: «А верно ли, что все американки обожают эту игру?» Причем свою роль она исполнила весело и лукаво. Дьявол или ангел вселился сегодня в Кристин, но она сумела преодолеть свои страхи (при условии, что те изначально не стали плодом моей фантазии). Но красивой оставалась по-прежнему.

И мы с Сибиллой играли на бильярде. Киев не оказалось на месте, сетка на одной из луз отсутствовала, да и от покрытия осталось немного – зеленое сукно пошло на корм целым поколениям моли. Но тем не менее, запахнувшись в свои пальто, мы устроили своего рода турнир и даже ухитрились получить от игры удовольствие. Миссис Хардкасл принесла нам две огромные кружки своего ведьмовского чая, а потом стояла битых полчаса, слушая стук

²⁹ Одна из евангельских притч Иисуса Христа.

шаров с таким видом, словно это увлекательная радиопередача. У нас даже получилось с ней что-то вроде разговора благодаря инициативе, проявленной Сибиллой, которая догадалась, что старухе не с кем больше пообщаться и посплетничать.

– У вас в Эркани часто устраивают приемы, миссис Хардкасл?

Та от неожиданности не сразу поняла вопроса:

– О чем изволили спросить, мисс?

– Часто ли к вам приезжают гости?

Постепенно, слог за слогом, миссис Хардкасл усвоила смысл и решительно помотала головой.

– Наши лорд не хочет этого. – И добавила с видом мрачного удовлетворения: – В наших краях немного найдется людей более странных, чем Гатри из Эркани.

Нам едва ли удобно было бы развивать эту тему дальше, хотя миссис Хардкасл, по всей видимости, даже гордилась необычайным характером своего господина, считая его чуть ли не главной достопримечательностью дома. Сибил уже готовилась сменить предмет обсуждения, когда старая женщина, понизив голос до шепота, с видимой охотой сказала:

– Это все крысы!

– Крысы, миссис Хардкасл? При чем здесь крысы?

– В роду Гатри всегда воображали себе невесту что. Он думает, крысы прямо-таки сжирают его заживо. И его самого и все вокруг. Он с виду как будто обезумел, а все потому, что забил себе голову борьбой с крысами. Но ради бога – есть много мест, где крысы не водятся. Острова там разные и все такое. Верно?

Мы не без некоторого замешательства подтвердили ее правоту.

– Вот и надо его отправить на какой-нибудь остров. Я докторам так и сказала, когда они сюда приезжали. Он тогда сможет спокойно спать по ночам и придет в себя, бедный наш хозяин.

Сибилла спросила с чувством неловкости, отчего вопрос прозвучал неуклюже:

– Так вы считаете причиной умственного расстройства мистера Гатри обыкновенных крыс?

И снова миссис Хардкасл по-стариковски затрясла головой, утвердительно кивая.

– Но только он не желает тратить ни гроша на отраву для них. Говорит, что управится обычным перочинным ножичком.

Вообще-то в шотландских балладах описано столько жестоких убийств, совершенных маленькими ножами, что я невольно заподозрил здесь шутку с литературным подтекстом, придуманную лордом. Вот только миссис Хардкасл продолжила совершенно серьезно:

– И он так, знаете ли, наловчился метать их точно в цель, что крысы визжат на весь дом от боли.

Меня от этих откровений покорило. «Ничего себе спорт для представителя сельской знати», – подумал я. Рассказ миссис Хардкасл не вызвал ничего, кроме отвращения. Зато Сибилла выглядела по-настоящему заинтригованной.

– Значит, он бродит по дому и насаживает крыс на лезвие ножа?

– Так и есть. А теперь еще обзавелся топориком. Давеча целый день затачивал и затачивал его во дворе. А потом крикнул мне страшным голосом: «Это чтобы свести счеты с самой большой крысой, миссис Хардкасл!» Уж лучше бы он разделался со всеми разом. Как было бы хорошо здесь жить без крыс-то. А то мне их писк по ночам снится.

Словом, веселая и добрая старушка! Но Сибилла не унималась и спросила несколько нерешительно:

– Неужели мистер Хардкасл не может от них избавиться?

Миссис Хардкасл нервно огляделась вокруг. Ее шепот стал более хриплым.

– Мой муженек – тоже человек злой!

Вот в это я охотно верил. Но в то же время откровенное признание разлада в семействе Хардкаслов показалось мне настолько неприятным, что я с силой послал шары кататься по поверхности стола, только бы отвлечься от этой мысли. Их стук, однако, утратил свою магическую власть над подслеповатой старухой, которая прошаркала вперед и положила руку, похожую на когтистую лапу, поверх руки Сибилы.

– А все из-за чего?

– Из-за крыс! – ответили мы хором.

На этот раз миссис Хардкасл сделала утвердительный жест не только головой, но и как будто всем своим тощим телом. Если не ошибаюсь, это движение характерно для ведьм и злых фей в театральных пантомимах.

– Меня стыдоба проняла, как подумала, что вчера не упредила вас. В Эркани прохода нет, столько здесь развелось крыс.

Вариации на ту же тему. Явись, о, муза, и давай споем песнь о крысах! А миссис Хардкасл тянула свое, причем ее голос делался все увереннее и оттого производил совсем уж жуткое впечатление:

– Это все крысы. Они уже много лет одолевают моего мужа. Крысиная порода берет над ним верх! Мне кажется, ночью они проникают прямо ему в голову и там пищат, мерзкие твари. Он уже сам наполовину оборотился в крысу и чувствует это. Оттого и стал таким злобным. Что с нами со всеми будет, скажите мне, мисс? Ведь по ночам я лежу в постели, а крысы лезут в голову мне и моему муженьку. И он теперь похож на большую серую крысу. А что приключится со мной, когда я совсем перестану отличать людей от крыс?

Согласись, миссис Хардкасл обладает талантом задавать головоломные вопросы, которые с удовольствием использовали бы в своих пьесах скандинавские драматурги девятнадцатого века. В то же время в ней есть зачатки наделенного воображением психолога. Скажу больше – гениального психолога. И потому ее слова, пусть тема оставалась слишком узкой и однобокой, с такой мощью вновь пробудили во мне воспоминания о тягостной атмосфере, окружавшей нас прошлым вечером. И я всерьез собрался выяснить ее взгляды о возможном воздействии крыс Эркани на слабоумие Таммаса, когда Сибилла резко и неожиданно спросила:

– Скажите, миссис Хардкасл, а доктор все-таки приезжал?

Занятно, что вопрос о враче все еще занимал Сибилу, как, впрочем, и меня самого, но еще более странной оказалась недоуменная реакция служанки.

– Какой доктор, мисс?

– Мне показалось, что вчера вечером вы ожидали прибытия медика.

– Уж поверьте на слово, мисс, что в Эркани никогда и никого не ожидают. Доктор Ноубл из Дануна считается семейным лекарем, но только он не бывал здесь, почитай, годика два. С тех пор, как мисс Кристин вывихнула руку. Какие-то люди – вроде бы доктора – приезжали пару лет назад. Я о них говорила, помните? Но только лорд их появлению не обрадовался. Быть может, это вас кто-то здесь ожидал вчера?

Ее вопрос расставил все по своим местам. Там, где речь не касалась грызунов, восприятие внешнего мира миссис Хардкасл нельзя было назвать отчетливым. Мы заверили ее, что наше прибытие являлось совершенно непредсказуемой случайностью. Но та, окинув нас недоверчивым взглядом, обратилась к Сибиле:

– Мне только померещилось, что вы, вроде как, приходите к лорду родней, и потому...

Однако Сибилла к этому моменту уже, по всей видимости, потеряла интерес к беседе. Она энергично катала шары по бильярдному столу, а потом послала один из них с такой силой, что он перелетел через борт и угодил миссис Хардкасл прямо в живот.

– О, миссис Хардкасл! Простите меня, мне ужасно жаль...

Но старуха лишь подняла шар с пола, выпрямилась и посмотрела на Сибилу с нескрываемым почтением. Ее голос снова превратился в хриплый шепот.

– Понимаю, мисс. Вы ведь наверняка метили в одну из крыс, верно я говорю? У нас в Эркани крысы повсюду.

На этом, Диана, можно считать исчерпывающим твое знакомство с миссис Хардкасл. В ее характере, возможно, присутствуют и другие черты, но только пока они никак себя не обнаружили.

Да, и чуть не забыл упомянуть, что мной овладело желание поближе познакомиться с устройством замка Эркани. Это хаотично возведенное сооружение, к которому время от времени что-то пристраивали в соответствии с обычаями и вкусами Средневековья. Самая древняя часть – несомненно, главный бастион и башня. Насколько я понял, хозяин именно там оборудовал для себя несколько комнат, которые покидает лишь изредка. А потому его плохое самочувствие может оказаться лишь вежливой отговоркой. Но поскольку он не выходит из башни и, быть может, действительно нездоров, с моей стороны было бы чрезмерной дерзостью подняться к нему и взглянуть на ее устройство. Скоро наступит время ужина, и я дожидаясь его с тем тоскливым нетерпением, с каким ждешь трапезы в ресторане захудалого отеля. Должен признать, что мечтаю вновь увидеть Кристин и, возможно, получить пищу для новых размышлений над загадкой этого места, которые развлекут меня хотя бы в ближайшие двадцать четыре часа. Но какая же меня гложет досада, что я уже давно не оказался по другую сторону Туида! ³⁰

Нынче ночью наступает Рождество и мой день рождения. Думаю, не повесить ли мне носок, чтобы филины натащили в подарок дохлых крыс? И какого рода подарки ожидают к празднику обитателей Эркани? Я смотрю в окно и вижу просвет во мгле бури. Снежинки чудесным образом мягко падают на землю и кажутся такими умиротворенно прекрасными в своей белизне. Noel, Диана, Noel ³¹.

Всегда твой

Ноэл.

3

Рождественское утро

Пусть вновь почернеют небеса, а день обратится в непроглядную ночь. Мои корявые записи, сделанные здесь, стали словно преамбулой к реальной трагедии. Мистер Рэналд Гатри, владелец замка Эркани – мертв.

Это настолько невероятно (как и ужасно!), что я даже при желании не смог бы изменить тональность, в которой сейчас пишу. Эркани для меня все еще остается зачарованным местом, вот только его зачарованность сделалась такой же туманной, какими были стихи моего двоюродного деда Горацио, а волшебник, который когда-то был с Горацио знаком, теперь воссоединился с Роулом из Абердина и его смиренным братом из Корстофина. Самым странным мне представляется, что позавчера вечером в коридоре Гатри по сути декламировал траурную песнь по себе самому!

В пустом тщеславии проводим мы года,
Но сгинет все, исчезнет без следа.

³⁰ Река в Великобритании.

³¹ Рождество и распространенное в Англии мужское имя (фр.).

Недолго нам блуждать еще во тьме.

Timor Mortis conturbat me.

*Кто беден был, и тот, кто был богат,
И граф, и принц, и рыцарь, и прелат —
Всех успокоит Смерть в бессрочном сне.*

Timor Mortis conturbat me.

*Художник, стихотворец и астролог,
Ученый, проповедник и теолог...*

Но меня ждет работа. Я имею в виду необходимость изложить на бумаге подробный отчет о происшедшем. Это может оказаться полезным, и потом — я еще не закончил своего дневника, который веду для тебя, Диана. Пройдет, должно быть, немало часов, прежде чем представители внешнего мира — медики, полицейские, юристы — смогут пробиться в Эркани. И теперь уже мне совсем неведомо, когда сумею выбраться отсюда я сам. А виной тому пренеприятный факт, что я оказался невольно связан с делом, которое, вполне вероятно, классифицируют как убийство. Поистине странное выпало мне Рождество!

Прежде всего я чувствую необходимость убедить тебя (как и себя самого), что, хотя мои предыдущие записи и содержали в себе некие зловещие предзнаменования, их ни в коей мере нельзя считать излишне драматизированными. События изложены точно, как и описание моей собственной, пусть иногда и слишком темпераментной на них реакции. Тем не менее я счел крайне важным уделить страницу повторному изложению происшедшего уже без всяких фантазий и возможных прикрас.

Итак.

Мисс Гатри и я прибыли в Эркани без предупреждения в результате, по всей видимости, чистейшей случайности вечером в понедельник. Хардкасл как раз в это время ждал какого-то доктора, хотя и темнил по этому поводу. Гатри — хозяин замка — принял нас достаточно любезно в своих владениях, носящих многочисленные приметы его скупости. Но при этом мне показалось странным, насколько дорогим ужином нас угостили. Заслуживают отдельного внимания обитатели замка. Прежде всего следует отметить аномальную фигуру управляющего Хардкасла, производящего впечатление законченного мерзавца. Его престарелая жена не отличается умом. Есть еще юноша, который и вовсе страдает слабоумием. Сам владелец замка, напротив, умен и образован, равно как и силен физически... Я не буду здесь переходить известной черты и скажу честно: мне было бы трудно дать определение психическому состоянию лорда, если бы меня вызвали свидетелем в суд. Несомненным фактом, хотя и не имеющим пока объяснения, является атмосфера напряженного ожидания — о чем свидетельствует своего рода электрический ток, пробежавший между Гатри и его племянницей Кристин Мэтерс в связи с людьми или какими-то событиями, происходившими вне стен замка, и нам неизвестными. Еще одним неопровержимым фактом следует считать открытое предупреждение Хардкасла об опасности, исходящей от некоего Нейла Линдсея. Остальное можно отнести к области интерпретаций, но не фантазий. Первое, что я подметил, была несколько необычная реакция Сибилы Гатри при виде собственности, которой владел ее однофамилец (или родственник?), а также при упоминании, что американские кузены присылали к Рэналду Гатри «своих друзей». Как ты убедившись в дальнейшем, я нашел ключ к пониманию ее поведения. Второе: меня поразили тон, в котором Кристин сказала дяде, что он «никак не может выбрать одно из двух». И тре-

тые: более чем странные слова, которые Гатри адресовал мне: «Я очень рад, что вы нашли дорогу сюда». Все эти события и фразы несли в себе некий заряд, без них картина была бы неполной, а потому я присвоил им статус необъяснимых пока фактов. Разумеется, я допускаю, что в моем прежнем изложении есть еще детали, обладающие не меньшей значимостью, но я пока не успел до них докопаться.

А теперь о событиях, приведших к смерти Гатри. Не знаю, удивит ли тебя это обстоятельство, но первое, о чем надо здесь упомянуть, касается крысы.

Прошлым вечером Кристин снова вышла к ужину одна. Потом, не зная чем еще нас развлечь, она остановила свой выбор на учебном классе, где показала целую подборку своих рисунков, лежавших на столе так, словно их вскоре собирались упаковать. Это в большей степени поспешные и сделанные скупыми линиями наброски, изображающие главным образом диких гусей на озере Кайли. Но сейчас она была еще более застенчива и одержима какими-то своими помыслами, чем накануне, и вскоре оставила нас. Несколько минут спустя Сибила сказала, что ей холодно (а холод в комнате стоял действительно собачий) и она почитает в постели перед сном. А еще чуть позже наверх отправился и я, прокручивая в голове сооружение палатки для более эффективной защиты от крыс, чем имел прошлой ночью. Именно в целях доведения этого плана до совершенства, я взялся за изучение омерзительных тварей.

Прежде всего их легко можно разбить на группы в зависимости от размера и цвета. Были крысы крупные и мелкие, бурые и серые, а кроме того (здесь мне увиделось нечто особо зловещее) – совершенно черные. А еще присутствовала некая пегая разновидность словно слегка покрытых плесенью грызунов. Некоторые крысы выглядели толстыми, но больше было тощих, одни двигались лениво, но в массе своей они перемещались очень активно – хотя это свойство не являлось чем-то постоянным. Кроме того, я бы выделил еще две категории – просто нахальных и откровенно наглых. Причем, насколько я мог судить, в принципе не существовало пугливых крыс, хотя, казалось бы, их мог приучить к страху острый перочинный нож хозяина замка. Все это более или менее ожидаемо в старинном доме, где крысы привыкли вести себя, как им заблагорассудится. Но что действительно меня поразило, так это зрелище изредка мелькавших крыс-ученых. У меня есть основания полагать, что такие крысы встречаются гораздо реже, чем, скажем, розовые или голубые.

Ученые крысы. Так я определил для себя несколько экземпляров, бегавших кругами с небольшими бумажными свитками, напоминая студентов, которым выдали только что отпечатанные дипломы. Мне, вероятно, почудилось, что их больше, хотя на самом деле я различил всего два или три подобных зверька.

Первое объяснение, пришедшее мне в голову, заключалось в том, что в борьбе со скукой Гатри ставил необычный эксперимент, копируя тех исследователей, которые помечали китов и таким способом определяли, как много времени им требуется, чтобы обогнуть земной шар. Я был настолько заинтригован, что взялся за охоту на крыс-ученых, вошел в раж и провел за этим занятием не меньше часа. Должно быть, я выглядел абсолютно сумасшедшим в лучших традициях замка Эркани, гоняясь за крысами с кочергой из своей спальни. Мне скоро стало ясно, что ученое братство, хотя и выглядело ленивее остальных, отличалось удивительной ловкостью и сообразительностью. Охота на них с помощью кочерги оказалась ошибкой – изловить такую крысу могла только пара очень быстрых рук. Однако бесполезная в нападении кочерга показалась мне необходимой, когда я сосредоточился на защите. Оставив охоту, так и не добыв трофея, я взялся возводить ночную фортификацию, держа кочергу все время под рукой.

Непостижимым образом мне удалось заснуть, но дважды меня будили пробравшиеся под навес крысы, а я дважды вслепую бил кочергой. И после второго удара услышал поис-

тине душераздирающий визг. Бедный мистер Хардкасл. Я знал теперь, какие звуки раздавались по ночам у него в голове. Я зажег свечу. И, о чудо! Я убил наповал именно ученую крысу.

От моего удара она превратилась в кровавое месиво, и мне потребовалась минута, прежде чем я собрался с духом и осмотрел трупик. Свиток оказался клочком очень тонкой и дорогой бумаги, вырванным, возможно, из ручной работы индийского блокнота. Он был хитроумно привязан ниткой к лапке грызуна. Я перерезал нить и брезгливо развернул свиток, поскольку его запятнала крысиная кровь. На кусочке бумаги чернилами были мелким почерком выведены слова. «Втайне от всех приведите подмогу на вершину башни срочно».

Я оделся. Не помню, чтобы мне пришло в голову, что все это слишком мелодраматично, абсурдно и могло оказаться плодом вымысла Гатри или злым розыгрышем. Если провести долгое время на большой высоте, то привыкаешь к разреженному воздуху и можешь потом с легкостью выполнить там любую работу. Я, проводивший в замке Эркани уже больше двадцати четырех часов, был готов поверить во что угодно и воспринял зов о помощи, доставленный крысой, вполне серьезно. Мои мысли занимало только одно: как кратчайшим путем проникнуть на вершину башни.

В коридоре за дверью моей спальни царила крошечная тьма, а свечу задуло ветром, не успев я пройти и нескольких шагов. Мне сразу вспомнился электрический фонарик Сибилы Гатри, и хотя представлялось совершенно неуместным будить ее и повергать в тревогу (впрочем, как ты уже могла заметить, она не из пугливых), я одновременно понимал: сложившиеся чрезвычайные обстоятельства давали мне право заручиться любой помощью, какая только могла оказаться доступной. А потому я вернулся назад и постучал в ее дверь. Ответа я сразу не услышал, но не удивился – ветер завывал на сто тонов одновременно, заглушая прочие звуки. Я постучал снова. Потом открыл дверь и вошел без приглашения. Окликнул ее, зажег спичку, набрался смелости и приблизился к огромной постели. Подозрение переросло в уверенность: в комнате никого не было.

Будь у меня время на праздные волнения, я бы, наверное, не на шутку испугался. Но в тот же момент заметил проблеск света в коридоре и вышел туда, ожидая увидеть Сибилу, однако наткнулся на этого жуткого типа Хардкасла, который в одной руке держал лампу, а другой стучал в дверь моей комнаты. Он окинул меня злым взглядом, несомненно, обдумывая причину моего появления из чужой спальни. А потом сказал, что лорд передает свои поздравления. Его милость почувствовали себя лучше и просили поинтересоваться, не пожелаю ли я выпить с ним по бокалу на ночь у него в башне.

Я посмотрел на часы – с такими, как Хардкасл, вежливые формальности превращаются в пустую трату времени, – и заметил, что до полуночи осталось ровно пять минут. Наступало Рождество.

– Конечно, – ответил я. – Я и сам собирался подняться к нему. Проводите меня.

Лампа заметно дрогнула в руке этого грубого человека. Вероятно, в моем мрачном тоне ему послышались интонации хозяйского голоса. А все потому, что приглашение из башни через Хардкасла, поступившее пару часов спустя после того, как для всех я уже отправился спать, представлялось не менее загадочным, чем записка, привязанная к лапке крысы. Эти два странных факта в совокупности с исчезновением Сибилы свидетельствовали о недобрых делах, творившихся в замке, в которых я не мог теперь не разобраться. И я пошел по коридору вслед за Хардкаслом в состоянии озлобленной взвинченности, плохо помогавшей справляться с изрядным трепетом. Что бы ни происходило, у меня имелись все основания предвидеть ловушку. Возникло ощущение, что некая мушка попала в паутину. Была это Сибилла? Или я сам? Мне и в голову не приходило, что следовало в первую очередь подумать о Гатри!

Но зато я отлично понимал, что Хардкасл по природе своей идеально походил на роль паука. Я потому и велел ему идти вперед, что у меня возникли опасения за свою глотку, и

мне казалось необходимым не сводить с него глаз, держась на некотором удалении, пока мы спускались по главной лестнице и двинулись затем по тому коридору, где, как мне казалось, располагалась учебная комната Кристин. Мы дошли почти до его середины, когда мой провожатый вдруг остановился, словно во что-то вслушиваясь. Я замер за его спиной и тоже напряг слух. Поначалу мне почудилось, что я слышу приближающиеся к нам быстрые шаги, но, пристально всмотревшись в конец коридора, я никого не разглядел. Затем, повергнув меня почти в ужас, шаги зазвучали уже позади, хотя по-прежнему никого не было видно. Мне пришла совершенно абсурдная мысль (поскольку едва ли возможно вступить в схватку с привидением), что я зря не захватил с собой кочергу, столь успешно пущенную в ход против крысы. И лишь спустя какое-то время до меня дошло: я принимал за звук шагов хлопки истоптанной ковровой дорожки, которую ветер заставлял волнообразно колыхаться на полу в коридоре. Когда же испуг прошел и здравомыслие вернулось ко мне, я различил то, что с самого начала слышал Хардкасл: голоса где-то в самом дальнем конце коридора.

Они доносились невнятным бормотанием, пока очередную шутку не сыграл один из гулявших по Эркани ветров, подхвативший звук и позволивший нам отчетливо расслышать голос Кристин. Я почувствовал облегчение, поскольку легко мог предположить, что Сибила с ней, и девушки, вероятно, устроились вдвоем, чтобы отпраздновать наступление Рождества. Видимо, Хардкаслу пришла та же мысль; он посмотрел на часы, как это сделал я несколькими минутами раньше. А затем новый порыв ветра донес до нас другой голос – мужской, как мне показалось, старческий, с заметным шотландским акцентом. Спустя секунду дверь, из-за которой слышались голоса, распахнулась, но мы смогли разглядеть лишь смутный силуэт, выскользнувший из комнаты и растаявший во мраке коридора.

Мой не внушавший симпатий спутник еще мгновение колебался, а затем двинулся вперед. Как ты знаешь, у меня до той поры не было ни малейшей возможности изучить эту отдаленную часть замка, и потому наше дальнейшее продвижение таило немало сюрпризов. Башня находится в самой древней части сооружения, где располагаются сохранившийся первоначальный главный бастион и ворота. Когда же мы спустились с этажа, где были спальни, я смог заключить, что и структурно она стоит как бы отдельно от дома, соединяясь с ним лишь единственным переходом на уровне земли, превращая ее в поистине изолированное от всего место. У меня появилась возможность оценить степень ее изоляции. Мы прошли сквозь небольшую, но массивную дверь, а затем всего в трех ярдах обнаружили еще одну дверь – абсолютно идентичную первой. Даже в своем перевозбужденном состоянии я сообразил, что расстояние между дверями в точности соответствует толщине стен бастиона и башни, которая не могла не поражать воображения. Потом мы начали подниматься по лестнице.

Мне вспомнилось, как приходит воспоминание об абсурдном видении, явившемся во сне, что я – всего лишь случайный гость в этом доме, направляющийся, чтобы встретить наступление праздничного дня вместе с дружелюбным и хорошо воспитанным хозяином. Однако же я снова пожалел об оставленной в спальне кочерге. Мы поднимались все выше. Хардкасл шел впереди, со злоеющей легкостью преодолевая подъем, словно тюремный страж, заставляющий проворнее двигаться за собой группу заключенных. Неожиданно достаточно широкая лестница, пролеты которой не отличались большой длиной, получила источник освещения – на каждой второй лестничной площадке теперь попадалось узкое оконце. Небо, должно быть, чуть прояснилось, и сквозь стекла проникал бледный отсвет отраженных от снега лунных лучей. Но, как ни странно, именно этот тусклый свет сделал окружающую нас в следующие несколько секунд обстановку особенно гнетущей. Подъем показался мне нескончаемым. Я уже решил, что Гатри проводил свои ночные бдения действительно на самой вершине башни, когда сверху донесся короткий, но ужасающий вскрик. А секундой позже я как раз проходил мимо очередного оконца, когда лунный

свет в нем на мгновение пропал и возник снова, словно кто-то быстро задернул и отдернул шторку. Затем через недолгий промежуток времени снизу раздался глухой удар.

Вероятно, мы оба сразу поняли, что именно произошло. Я воспринял звук падения чего-то тяжелого как нечто значительно более страшное, чем предшествовавший этому крик. А Хардкасл, стоявший на три-четыре ступени выше меня, воскликнул:

– Видит бог, я предупреждал его!

И мы услышали шаги.

Происшедшее затем промелькнуло вспышкой молнии. На площадке у нас над головами возникла фигура молодого человека. Свет лампы Хардкасла озарил его на секунду, не более того, но и секунды оказалось достаточно, чтобы я заметил и впитал само живое воплощение страсти: побледневшую кожу смуглого лица, туго обтянувшую челюсть со стиснутыми зубами, и глаза – глаза, горевшие таким же безумным огнем, как у самого Гатри.

– Линдсей! – выкрикнул Хардкасл и кинулся вперед так неуклюже, что мне впервые пришла в голову мысль, уже не пьян ли он. А мгновением позже молодой человек беспрятственно промчался по ступеням мимо нас и пропал. Вероятно, мне следовало вцепиться в него, но в самый важный момент не хватило уверенности, что ситуация требует моего вмешательства. Хардкасл же сначала колебался, явно не зная, стоит ли бросаться вдогонку, но потом выкрикнул проклятие и все же поспешил наверх. Мне оставалось лишь последовать за ним.

Мы находились всего в двух этажах от вершины, но лестница здесь резко сузилась, и окон уже не встречалось. На каждой лестничной площадке, которую мы миновали, я замечал одну, но непременно крепкую дверь; мы прошли мимо нескольких, прежде чем, задыхаясь, оказались у самой последней, отличавшейся от других разве что еще большей массивностью. Хардкасл тут же распахнул ее настежь. Перед нами предстала комната с низким потолком, обставленная под кабинет и освещенная, как и следовало ожидать, всего лишь несколькими свечами. В центре ее стояла Сибил Гатри.

На некоторое время мы застыли подобно актерам в финальной сцене перед закрытием занавеса. Затем Хардкасл подался вперед, наступая на Сибилу, и с неожиданной яростью произнес:

– Ах, ты, мелкая шлюшка!

Надо ли говорить, насколько оскорбительно прозвучали эти слова? И я не смог удержаться, чтобы не ухватить мерзавца за плечо, а потом, возможно, даже за воротник, приказав ему заткнуться. Причем мои действия возымели гораздо больший эффект, чем даже я мог рассчитывать. Хардкасл сразу же погрузился в мрачную и непреодолимую апатию, и с этого момента я, сам того не желая, взял на себя всю ответственность за ход дальнейших событий в замке Эркани. И теперь, по своей воле или нет, стал здесь главным, пока не прибудет кто-либо более опытный и компетентный.

Я повернулся к Сибиле:

– Где Гатри?

Долю секунды она пребывала в нерешительности, переводя встревоженный взгляд поочередно с одного из нас на другого. А затем тихо и слегка дрогнувшим голосом сказала:

– Он свалился с башни.

И словно это могло хоть что-то для нас прояснить, указала на еще одну дверь в стене кабинета, располагавшуюся почти рядом с той, в которую мы вошли.

Я забрал у Хардкасла лампу и шагнул внутрь. Передо мной предстала тесная и узкая спальня с таким же подобием бойниц вместо окон, какие попадались нам при подъеме по лестнице, и с еще одной высокой дверью, которая покачивалась теперь на петлях, открывая в царившую снаружи темноту. Я стоял прямо напротив нее и, подойдя, выглянул в проем. При этом мне пришлось ухватиться за косяк, потому что ветер, который, как

мне показалось прежде, чуть умерил силу, дул здесь с устрашающей мощью. Передо мной открылась небольшая площадка, похожая на балкон и покрытая истоптанным снегом, по всей видимости, пристроенная к башне в более позднюю эпоху. Ограждением служил низкий каменный парапет с зазубринами поверху. Я осторожно приблизился к краю и посмотрел вниз. Но в темноте ничего не удалось разглядеть, как и услышать из-за неумолчного стоны и завывания ветра. В моей памяти были еще свежи воспоминания о мучительно долгом подъеме, только что совершенном к вершине башни, и потому я понимал – каким бы толстым ни был слой снега под балконом, человек, упавший с такой высоты, не мог остаться в живых. И первым чувством, посетившим меня (до чего же практичным можно оказаться в кризисный момент), было облегчение, что не придется метаться в бессмысленном ожидании врачей. Моя вторая мысль, последовательно вытекавшая из первой, была о том, насколько мы отрезаны от внешнего мира, чтобы ждать посторонней помощи, если нечто злое угрожает нам всем. А третья мысль оказалась скорее возникшим передо мной образом мерзкого Хардкасла, поскольку я не мог даже допустить, что случившаяся трагедия и этот отвратительный человек никак не связаны между собой.

Я вернулся в кабинет, стараясь соображать как можно быстрее. Одно мне стало совершенно ясно без долгих размышлений. Рэналд Гатри, если только не был мертвецки пьян, не сошел окончательно с ума и не имел привычки бродить во сне, не мог упасть с балкона случайно. И я испытал подлинный шок, вспомнив совершенно лишнюю эмоцию фразу Сибилы: «Он свалился с башни». Эти слова, если рассматривать их в обычном контексте, означали, что произошел самый заурядный несчастный случай. Но передо мной внезапно открылся весь смысл столь трагического и таинственного происшествия, когда я увязал его с атмосферой, в которой мне самому довелось пребывать все последние тридцать часов. Напряжение, страх, черный юмор, крысы с записками, чудовищная гибель человека – в сумме это не могло не подвести меня к неизбежному выводу: обстоятельства крайне подозрительны. Эркани перестал быть сказочными владениями, зачарованным злым волшебником. Ночное происшествие в башне превратило его в зону, где следовало действовать полицейским-сыщикам в штатском и судебно-медицинскому эксперту. Преодолев не более десяти миль по этому устрашающе непроходимому снегу, можно было рассчитывать на помощь констебля. В двадцати милях наверняка имелся участок во главе с сержантом. Но только в Абердине или Эдинбурге располагались полицейские, способные компетентно разобраться со столь сложным делом, как это. Я переводил взгляд с Сибилы на Хардкасла, а потом с Хардкасла на Сибилу, осящая непривычное бремя ответственности.

Гатри был несомненно мертв. Но тем не менее обычные соображения приличий и гуманности повелевали кому-то из нас как можно скорее добраться до его тела. Однако если мы находились на месте преступления, то я понимал, что ни Сибилу, чье присутствие в башне оставалось необъяснимым, ни тем более злое Хардкасла, нельзя оставлять здесь хозяйничать. Сибилу я мог бы отправить к Кристин, вот только с известием о случившемся лучше было явиться к ней самому, лично убедившись в смертельном исходе. И я принял решение, что какое-то время нам троим следует держаться вместе, не выпуская друг друга из поля зрения.

Обдумывая правила поведения в случае насильственной смерти, я осматривался по сторонам. Думаю, мне стоит обрисовать тебе расположение помещений, о которых идет речь, какими я их увидел в тот момент и чуть позже.

Верхний этаж башни смежен по отношению к этажам, лежащим ниже, и потому полностью изолирован даже от них. Его почти по всему периметру окружает тот самый балкон с парапетом, с которого виден дом и ров, окружающий замок. Туда ведут две лестницы: одна – узкая винтовая проходит снаружи и заканчивается у люка в полу балкона, другая, по которой поднимался я, приводит к площадке перед дверью кабинета. В свою оче-

редь, из кабинета одна дверь ведет на балкон, а вторая – в ту самую крошечную спальню, откуда, как ты уже поняла, тоже можно попасть на балкон. Что до окон, то все они представляют собой не более чем аналог узких средневековых оборонительных бойниц.

Я решил, что должен при наличии такой возможности запереть место трагедии. Поэтому снова взял лампу Хардкасла и отправился обследовать спиральную лестницу, а заодно и состояние, в котором находился балкон. Мне снова бросилось в глаза, что снег на нем изрядно истоптан чьими-то ногами, но следы уже почти припорошило, они потеряли первоначальную четкость, и потому даже детективу-любителю стало ясно: изучение их превратится в пустую трату драгоценного времени. Но я не мог не отметить про себя того факта, что, судя по всему, совсем недавно – не далее как полчаса назад – на балконе, этом и без того достаточно опасном месте, произошло некое оживленное движение, если не борьба. Потом я подошел к люку. И состояние снега здесь со всей очевидностью указывало, что его открывали, причем с того момента тоже минуло совсем немного времени. Однако попытка потянуть за крепкое металлическое кольцо ничего не дала – люк был заперт снизу. Впрочем, у меня ушло не больше минуты на поиски необходимого. А именно задвижки, расположенной сверху. Она легко скользила, и по крайней мере доступ через люк извне был теперь надежно перекрыт.

Я двигался настолько быстро, насколько позволяли опасные условия, сделав паузу лишь для того, чтобы бросить взгляд на небо. Луна скрылась за облаками, но там и здесь проглядывала то одинокая звезда, то целое созвездие, и, как цепочка уличных фонарей, неожиданно засветился Орион. Сразу мелькнуло предположение, что с рассветом окончательно прояснится, и на землю падают последние снежинки утихшего бурана.

Вернувшись в кабинет, я застал Сибилу и Хардкасла на тех же местах, где они стояли, когда я покинул комнату.

– А сейчас мы спустимся вниз, – сказал я.

Мы вышли на тесную лестничную площадку, я запер дверь и положил ключ в карман. Кабинет, спальня и балкон были теперь закрыты для всех. Хардкасл пробормотал что-то неразборчивое себе под нос. Вероятно, он считал, что роль главного в Эркани по праву должна перейти к нему, но только я уже устремился вниз по лестнице. На первом этаже Хардкасл показал второй, менее заметный проход к лестнице, после чего я полностью перекрыл и этот доступ. А потом мы спустились еще ниже в нечто, напоминавшее подвал. Я уже понял, что с вершины башни Гатри должен был неизбежно упасть прямо в ров. И только возле небольшой двери, устроенной, когда ров перестали заполнять водой, и ведущей непосредственно в него, Сибилла вымолвила первые слова после той злой реплики наверху: «Он свалился с башни».

– Я тоже туда пойду, – сказала она, доставая свой фонарик с таким решительным видом, что я понял – спорить бесполезно.

Снег во рву оказался очень глубоким и мягким, и вопреки своей прежней убежденности, я даже подумал, что Гатри мог все-таки чудом выжить при падении. Мы проваливались по колено, пока огибали периметр башни вниз. Лампа Хардкасла окружала нас пятном света, а луч фонарика Сибилы обследовал пространство рва, лежащее впереди. Прошла еще минута, и мы заметили в отдалении ожидаемое темное пятно на снегу. Все трое бросились к нему. У меня екнуло сердце. Показалось, что пятно зашевелилось.

Раздался жуткий крик. Кричал Хардкасл. Я посмотрел на него. Пот буквально струился по его лицу даже в этой промерзшей насквозь яме; он, казалось, совершенно потерял контроль над собой. Мой взгляд вернулся к темной гряде, лежавшей перед нами, и только теперь я понял, что двигалось не тело, а человек, склонившийся над ним. Когда мы подошли совсем близко, тот распрямился и сказал:

– Он мертв.

Я бы описал смерть Гатри как нечто ужасное, думая о его падении с огромной высоты, а вот в этом голосе, в котором отчетливо слышался густой шотландский акцент, звучала чуть ли не откровенная радость. Мертвые не слышат ни проклятий, ни похвал в свой адрес. Почившему все равно. Но у меня все же невольно мелькнула мысль: не хотел бы я, чтобы кто-нибудь произнес нечто подобное над моим холодным трупом. И потому жестко и властно, словно совмещая в одном лице владельца Эркани и главного констебля графства, я спросил:

– Кто вы такой и что здесь делаете?

Незнакомец ответил мне тоже не слишком приветливым взглядом, отчетливо видным в свете лампы. Это был привлекательной наружности, но уже немолодой мужчина, на крупном лице которого навечно отпечатались следы простой жизни земледельца.

– Роб Гэмли, вот кто я такой, а сюда пришел, чтобы поговорить с лордом. Но только он сейчас уже беседует с теми, кто умеет лучше ладить с его породой.

Услышав эти грубоватые и не совсем уместные сейчас слова, я снова перевел взгляд на безжизненное тело, гадая, остался ли на всем белом свете хотя бы один человек, который станет искренне оплакивать его гибель. Вероятно, Кристину опечалит его скоропостижная кончина, но и в этом у меня не было уверенности. А в том, что он уже предстал перед лицом Божьего суда, на который намекал Гэмли, сомневаться не приходилось. При падении он сломал себе шейные позвонки, смерть, должно быть, наступила мгновенно.

Стоя рядом с трупом в небольшом кругу других людей, я размышлял, что теперь следует предпринять. Мне, по всей видимости, надлежало бы настоять, чтобы тело было оставлено в том же положении до прибытия представителей властей, как поступают при подозрении, что дело нечисто. Да, но достаточно ли у меня оснований для таких подозрений? Ведь Сибила сделала заявление, подразумевавшее, что Гатри сам упал с балкона башни. А противопоставить ему я мог только то, что любой назвал бы эфемерными уликами: напряжение и дух насилия всего лишь витали в атмосфере замка, а реальными были только странные записки, привязанные к лапкам нескольких крыс. Проанализировав ситуацию, я счел непочтительностью к покойному Рэналду Гатри бросать его бранные останки во рву на неопределенное время. А горечь слов старого Гэмли только укрепила меня в этом мнении. И потому я сказал:

– Мисс Гатри лучше пойти впереди с фонариком и лампой, а мы последуем за ней с телом. Мистер Гэмли, не сочтите за труд помочь нам.

На этот раз старик повел себя несколько более уважительно к умершему и сдернул наконец с головы шапку. Этот жест привлек мое внимание, и одновременно я заметил, каким взглядом буквально пронизывал Хардкасла пожилой незнакомец. В его глазах читались любопытство и неприкрытая неприязнь. Но действительно нечто экстраординарное я увидел, посмотрев затем на самого Хардкасла. Казалось, этот гнусный тип смертельно боится Гэмли и старается держаться от него на дистанции, как остерегаются иные сблизиться с медведем, посаженным на цепь перед цирком. В то же время на тело Гатри он смотрел с плохо замаскированным возбуждением, украдкой разглядывая его, словно школьник порнографическую открытку. Я понятия не имел, чем вызваны такого рода особенности поведения, но в целом они казались мне тошнотворными. Гораздо спокойнее было воспринимать откровенно враждебное отношение к покойнику со стороны Гэмли. Под воздействием импульса и, возможно, несколько своенравно, я отдал Хардкаслу распоряжение отправиться в дом и подыскать для тела подходящее ложе. Мы с Гэмли вдвоем, как смогли, справились с тяжестью своей ноши, двинувшись за ним следом.

На какое-то время мы оставили труп на жестком каменном столе в подвале рядом с дверью, выходящей в ров. Сибила помогала нам, подсвечивая фонариком, а потом сказала:

– Наверное, мне стоит взять на себя разговор с Кристин и сообщить ей печальную новость.

И ушла. Мне оставалось только мысленно поблагодарить ее и признать, что так будет лучше. Сам я мог справиться с этой задачей лишь с изрядной долей неловкости.

Затем я отправил Хардкасла за простынями. Гэмли, все еще мявиший в руках шапку, окинул тело последним долгим взглядом и направился в выходу.

– Постойте, – окликнул его я. – Куда это вы собрались?

Мне казалось, ему необходимо по крайней мере оставить какие-то сведения о себе. Но он снова угрюмо посмотрел на меня и ответил:

– Молодой человек, мне нужно предупредить дьявола, что ему лучше спрятать подальше свое столовое серебро.

И с этими недобрыми словами скрылся за дверью.

А ведь был еще один загадочный гость, вспомнил я, этой ночью благополучно ускользнувший. Замок Эркани на первый взгляд такое отрезанное от мира место, оказался удивительно притягательным для неожиданных визитеров. Когда здесь появился Нейл Линдсей? В какое время пришел Гэмли? Кто привязал записки к крысиным лапкам? Кто разговаривал в классе с Кристин? И прибыл ли доктор, которого дожидался Хардкасл? Но я на время забыл об этих вопросах, чтобы обратить внимание на реальную мистерию – таинство смерти.

Ты едва ли способна представить себе такое, Диана. Человек может, издав страшный крик, упасть с высоты двухсот футов, свернуть шею и переломать все кости, но выглядеть при этом ребенком, мирно спящим в колыбели! Понимаю, что это обычный спазм мышц лица в критический момент, но от этого зрелища все равно мороз продирает по коже. Гатри, обратившись в прах, вернул себе прежнюю невинность; его такое суровое и даже злое лицо с ярко выраженными чертами порочности сейчас стало лучше и чище, словно некий художник взял в руки губку и стер с портрета самые грубые линии. Мне доводилось читать о подобном эффекте, но столкнуться с ним при подобных обстоятельствах пришлось впервые, и впечатления до странности противоречивые. Я уложил тело в достойную позу, смахнул снег с лица и волос и стал ждать.

Вскоре вернулся Хардкасл с простыней. У меня уже успело сложиться мнение, что в его отношении к погибшему хозяину просматривалось нечто определенно необычное, и потому я инстинктивно заблокировал ему вход в помещение. Он с мрачным видом подал мне покрывало, глядя через мое плечо с тем же загадочным видом, что и прежде.

– А сейчас, – сказал я, – будет лучше для всех, если вы попросите жену приготовить чай или кофе. Нам это определенно понадобится.

Этот неопишимо мерзкий человек судорожно сглотнул, словно желая загнать внутрь свое подлинное отношение к моим словам, и сказал с какой-то неуклюжей хитрецей, причина которой осталась для меня непостижимой:

– Мистер Гилби, а вы не хотите осмотреть тело? Покойника ведь могли обворовать или еще что сделать.

– Пусть этим занимается полиция.

– Но почему бы нам, сэр, не проверить сначала самим?

Злость на это неопишимо отталкивающее создание захлестнула меня. Чтобы сдержаться, я повернулся и быстро накрыл тело Гатри простыней.

– А теперь, мистер Хардкасл, нам необходимо срочно связаться с Кинкейгом. Снегопад прекратился, ветер утих. Вы должны отправить своего не совсем умственно здорового юношу в город, как только начнет светать.

И я вытолкал управляющего за порог подвала, вышел сам, запер дверь и спрятал ключ в карман. Заверяю тебя, в самой атмосфере Эркани разлито нечто, заставляющее меня играть роль самозванного хранителя замка. К счастью, время бежит быстро, и, пока пишу

эти строки, я ожидаю скорого прибытия представителей закона, которые возьмут все под свой контроль. Тогда я смогу уйти в почетную отставку со своего малоприятного поста. А пока мне нужно изложить на бумаге еще одну-две шокирующие подробности.

Когда дверь подвала оказалась под замком, Хардкасл быстро удалился по коридору, что-то раздраженно бормоча себе под нос, а я остался в одиночестве, обдумывая дальнейшие действия. Ничто не заставило бы меня рыться в карманах жертвы подобно экстерту-криминалисту, но упомянутое Хардкасалом возможное воровство навело на другую идею. У меня ушло немало времени, чтобы полностью изолировать башню и спуститься со всей нашей маленькой группой в ров. Когда же мы прибыли на место, то застали невесть откуда взявшегося Гэмли, склонившегося над телом. Подтверждение его личности не заставит себя долго ждать, но не могло ли остаться улик на снегу, говорящих, каким образом он проник туда. Такие улики недолговечны, и их следует зафиксировать в первую очередь. Я поднял с пола оставленную Хардкасалом лампу и, прежде чем вернуться наверх, снова вышел в ров.

Ветер, молниеносно заносивший следы наверху башни, в глубоком рву не имел такой силы, и с тех пор, как снегопад несколько утих, каждая вмятина в насте осталась видна вполне отчетливо. И самым любопытным образом я получил новое напоминание, в каком уединенном месте располагался замок, потому что во многих местах снег оказался испещрен следами лесных обитателей, искавших убежища от бурана. Мелкие и быстрые шажки – это пробежала лисица, отпечатки более длинных прыжков оставил горноста́й, заячьи петли в одном месте пересек важной походкой фазан, а в другом следы обрывались, и осталось лишь кровавое пятнышко и клочок шкурки. Луна теперь появлялась и пряталась за облаками, делая свет похожим на мерцающие огни неоновой рекламы и причудливо выделяя замысловатые узоры на снежном ковре. Хотелось остановиться и любоваться этим невинным зрелищем, позабыв обо всех проблемах, и мне пришлось преодолеть в себе жажду наслаждения эстетикой природы, чтобы вернуться к цели своего расследования.

В том месте, где упал Гатри, снег разметало, как при падении крупного метеорита, а вот вокруг все было затоптано нашими ногами, когда мы осматривали и поднимали тело. Но зато вне этого круга каждый след четко выделялся среди прочих. И история рисовалась вполне понятная. Гэмли совершил опасный прыжок в глубокий ров футах в пятнадцати от тела и направился прямо к нему. А когда уходил, то сначала точь-в-точь повторил путь, но, обнаружив, что подняться наверх в той же точке совершенно невозможно, добрал до небольшого моста, по которому мы с Сибиллой впервые вошли в замок. Там он смог легко выбраться из рва, и уверенная манера его передвижений свидетельствовала о хорошем знании местности. Я выбрался там же и последовал по его следам, ведущим от замка, хотя теперь это стало нелегко из-за глубины снега. Но чуть позже я убедился, что он все-таки повторил тот же путь, которым ранее пришел. Гэмли явился из мрака ночи и вернулся в него. Изначально он, вероятно, направлялся к малому входу, когда падение тела Гатри заставило его отклониться от маршрута.

Я вернулся в ров и добросовестно обошел его по кругу. Передо мной сложилась окончательная и полная картина: Гэмли приблизился к телу с одной стороны, а Сибилла, Хардкасл и я – с другой, то есть от дома. Гэмли затем удалился туда, откуда пришел. Вероятно, плоды моей разведки оказались ничтожными, но я все равно испытывал удовлетворение человека, прибравшего за собой.

Хардкасла я обнаружил все еще топтавшимся в подвальном коридоре. Вполне вероятно, что он силился открыть дверь, за которой лежал труп. И если его жена выглядела ведьмой, то он представлялся мне упырем. Но сейчас он подошел ко мне и хрипло произнес:

– Это было убийство.

– Пока ничто не доказано, и предстоит следствие, мистер Хардкасл. Давайте поднимемся вверх.

– А я вам говорю, что это подлый Линдсей обманул и убил его. Разве я не упреждал лорда, что ничего хорошего не выйдет, если он станет являться с выходцем из их племени? Он обвел хозяина вокруг пальца, убил его, а теперь сбежал вместе с девицей.

Я шел впереди, но, услышав эти слова, резко повернулся к нему.

– Простите, что вы сказали?

Он для начала злое ухмыльнулся, словно говоря: «Что? Проняло тебя наконец?», а потом повторил свой характерный жест – вытащил из-за спины грязную руку и потер подбородок. Медленно и со злобным удовлетворением в голосе он спросил:

– Стало быть, вам теперь интересно узнать обо всем?

Но какой бы нелепой тревоги ни желал нагнать на меня Хардкасл, эффект от его слов был в тот же момент начисто смазан внезапным шумом, возникшим прямо у нас над головами. Леденящие душу вой и визг, подобные услышанным нами, могла бы вызвать, как нарисовало мое воображение, схватка стаи волков с гиенами. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять: до меня доносятся звуки первого и последнего плача по умершему Рэналду Гатри. На две пятых вой принадлежал миссис Хардкасл, еще примерно такую же лепту вносил слабоумный юноша, а остальное добавляли собаки на заднем плане. Причем композиция изменилась, когда мы поднялись по лестнице. Таммас – местный дурачок свел свою часть к обыкновенному хныканью, зато миссис Хардкасл разразилась вполне членораздельным поминовением. Стоявшая между ними Сибилла выглядела абсолютно холодной и суровой, и я начал подозревать, что события ночи окончательно обессилили ее.

– О, горе нам! Великое горе постигло нас всех. Наш добрый лорд почил, наш славный хозяин покинул нас, а беспутная девчонка сбежала с Линдсеем! Вот беда! Ой, горюшко-горе!

Речитатив старухи, произносимый снова и снова в одном ритме и нараспев, производил одновременно и пугающее, и трогательное впечатление. А Таммас, как будто различив мелодию в ее голосе, начал бормотать свою излюбленную песенку:

Вороны заклевали кошку,
Ах, как жаль, ах, как жаль!
Вороны заклевали кошку,
Ах, как жаль, ах, как жаль!

Жуткая зауспокойная песнь. Но только я был уже сыт по горло любой жутью и потому постучал по двери в комнату подобно председателю, призывающему собравшихся на заседание к порядку. Постепенно Таммас стал лишь чуть слышно всхлипывать, а миссис Хардкасл, пустившись было в новые жалобы по поводу крыс, вдруг словно пришла в себя и замолчала. Все, о чем я узнал в следующие пятнадцать минут, постараюсь изложить тебе, Диана, в нескольких предложениях.

Как я понял, Нейл Линдсей – молодой человек, пробежавший мимо нас вниз по лестнице в самый драматичный момент – и есть возлюбленный Кристин, против которого был решительно настроен Гатри. Он из фермерской семьи, арендующей небольшой участок земли в соседней долине, а различия в общественном статусе, если верить Хардкаслам, усугубляются еще и какой-то древней враждой между семьями, передающейся из поколения в поколение – что в столь колоритно абсурдных краях, как эти, я считаю вполне вероятным. Напряженные отношения вновь обострились со времени знакомства Линдсея и Кристин, а в последнее время Нейл взял моду являться в замок по ночам с недобрыми намерениями. Однако и Гатри, и Кристин предпочитали особо не распространяться, а потому Хардкас-

лам оставалось лишь строить предположения. При этом Хардкасл вбил себе в голову, что Гатри решил откупиться от Нейла Линдсея, и именно поэтому отдал приказ беспрепятственно пропустить того в башню при первом же появлении близ замка.

Линдсей пришел вскоре после половины двенадцатого, был впущен Хардкасом и отправлен прямоком на вершину башни. А незадолго до полуночи Гатри прозвонил в колокольчик, позволявший ему вызвать прислугу в любое время, и когда Хардкасл поднялся по первым ступенькам, хозяин крикнул ему, что желает выпить с гостем на сон грядущий, в результате чего я и оказался на вершине башни.

Однако в этом месте я вынужден был перебить рассказчика.

– Но, мистер Хардкасл, мне не совсем понятно, для чего было приглашать меня, чтобы отпраздновать сделку, причем столь неприглядную. Разве попытка откупиться от Нейла Линдсея не являлась сугубо личным делом вашего лорда?

– Так-то оно так, мистер Гилби, но, пригласив незнакомца опрокинуть вместе с ними стаканчик, хозяин мог, завершив дело, спокойно выпроводить вас обоих. И иметь свидетеля для душевного покоя.

Должен ли я тебе говорить, что не поверил в этой истории ни единому слову? Но вида не подал, потому что понял: грязные уста Хардкасла способны сделать подозрительной даже таблицу умножения. А он сейчас выглядел несколько умиротворенным и не столь опасным. Коварство натуры боролось в нем с желанием услужить, но первое могло одержать верх над вторым при малейшем намеке на ущерб его интересам, которые он ставил превыше всего. Я, например, мог проверить факты в разговоре с его женой, и ему было чего опасаться. Старуха в своем взвинченном состоянии ляпнула бы что-нибудь не то или, фигурально выражаясь, выпустила из мешка кота, которого втемную пытался всучить мне ее супруг. Кроме того, он, по всей видимости, изначально видел во мне угрозу. Как и в Сибиле.

А пока лишь один факт был установлен совершенно точно. Линдсей и Кристин – если только не прятались в каком-то тайном убежище внутри замка, – действительно ушли: поодиночке или вместе, но поспешили скрыться. Миссис Хардкасл, которой я все больше начинаю доверять как честной женщине, рассказала, что видела Кристин бегущей по коридору, где расположен учебный класс, с чемоданом в руке, а обследование с более ярким фоновым пространством у главной двери выявило следы двух человек, удалявшихся от замка в темноту. Тайное бегство свершилось, хотя они выбрали не самое лучшее для него время, и впереди их ждал нелегкий путь. Линдсей, разминувшись с нами на лестнице, по всей видимости, направился прямо в спальню Кристин; и буквально несколько минут спустя они бросились прочь из дома. Но что произошло незадолго до этого? Что случилось непосредственно на вершине башни?

По крайней мере на некоторые из накопившихся вопросов могла ответить Сибилла. Непостижимым образом она оказалась в той комнате, откуда Гатри вышел навстречу своей смерти. Но она до сих пор хранила молчание, а я, в свою очередь, не испытывал желания устраивать при Хардкаслах фактически допрос. Я видел, насколько любопытно Хардкаслу узнать у Сибиллы подробности, и уже одно это заставляло меня сдержаться. К тому же во взгляде Сибиллы мне почудилась немая мольба, словно она хотела объяснить: продолжить разговор лучше наедине, в доверительной обстановке.

А потом мне пришел в голову еще один важный вопрос. Я повернулся к Хардкаслу и спросил намеренно резко:

– Доктор, которого вы ждали, появился?

И попал в «яблочко». Нацепи я маску палача и предложи ему неожиданно положить голову на плаху, это создание, вероятно, испугалось бы меньше. Догадываюсь, что хороший юрист по уголовным делам сумел бы многое выяснить, лучше воспользовавшись этим

моментом совершеннейшей растерянности и потрясения. Он не знал, что именно мне известно. А я сваял большого дурака, тут же все для него прояснив.

– Вы спросили, не доктор ли это, когда приоткрыли дверь при нашем с мисс Сибилой появлении.

– Так вы, вероятно, не знаете, мистер Гилби, что Доктор – это кличка одного из наших псов, и как раз в тот день он куда-то сбежал. Его пришлось повсюду искать.

Настала моя очередь совершенно растеряться, столкнувшись со столь откровенной и наглой ложью. Этот тип хитер в той степени, в какой это написано на его физиономии, и на время я решил больше не приставать к нему, вместо этого попытавшись наладить хоть какой-то контакт с Таммасом, который по-прежнему представлялся мне нашим единственным связующим звеном с внешним миром.

– Как вы считаете, – спросил я его, – можно теперь добраться до Кинкейга?

Поняв, что к его особе проявляют интерес, Таммас покраснел при свете лампы, как девушка. А потом тихо принялся напевать себе под нос:

*Нет радости в нашем доме,
Нет радости в этот вечер.
Нет радости в нашем доме,
Когда хозяин далече.*

Если ты помнишь, в драмах эпохи королевы Елизаветы деревенские дурачки и сумасшедшие зачастую выражают свои мысли через обрывки каких-то диковинных, никому не известных песен. Пример Таммаса заставляет меня полагать, что это не выдумка драматургов, а некая научно установленная патология. Но должен признаться, что мой экспериментальный диалог со слабоумным ни к чему не привел. Мне не удалось достучаться до его сознания. Но что взбесило меня больше всего, так это необходимость прибегнуть к помощи Хардкасла в качестве посредника. Я нервно выслушал их невразумительный для постороннего разговор, закончившийся сообщением, что Таммас готов отправиться в Кинкейг незамедлительно.

Сейчас он уже двинулся в путь с поручением объявить о смерти Гатри и необходимости приезда в Эркани судебного медика и полиции. Я ожидал, что Хардкасл сразу же поднимет шумиху по поводу бегства Кристин и Линдсея, но, к моему удивлению, у него хватило здравого смысла согласиться, что лучше до поры не предавать этого широкой огласке. Я написал тексты двух-трех телеграмм, включая адресованную тебе, которую ты должна была уже получить. А затем лично пронаблюдал, как Таммас тронулся в дорогу, телом прокладывая себе тропу в сиявших под лунным светом снежных заносах. Через несколько минут он пропал из виду, но в наступившей с ослаблением ветра тишине опять послышалось его внушавшее безотчетную тревогу пение. Идти ему будет очень тяжело, но все же, если удача не отвернется от него, к утру, как я предположил, он доберется до городка.

Уже два часа, как рассвело, и мы вправе рассчитывать на скорое прибытие помощи. Я заставлял себя бодрствовать все это время, в чем мне помогли заметки, которые пишу для тебя. Они уже и так превратились в долгую повесть, и мне не хочется утомлять тебя излишними подробностями. Но есть нечто, о чем важно здесь упомянуть. Как ты можешь догадаться, это содержание моей беседы с Сибилой Гатри.

После ухода Таммаса нам нечем или почти нечем стало себя занять. Мы с Сибилой выпили по большой чашке чая, который миссис Хардкасл принесла нам в класс. До странности заброшенной показалась нам сейчас эта простая, но уютная комната, а миссис Хардкасл, стоя в дверях и уважительно дожидаясь дальнейших распоряжений, фальшиво плаксивым голосом рассказала, что до недавнего времени лорд вообще не разрешал пить в этом

доме чай. Еще одна странность в экстравагантном характере покойного хозяина, о которой служанка вспоминала теперь как будто даже с сожалением.

Когда же нам удалось избавиться от ее присутствия в комнате, воцарилось короткое, но тягостное молчание. Дела Сибилы, в чем я отдавал себе отчет, не касались случайного знакомого, кем в сущности был для нее я, и продолжали оставаться ее сугубо личными, даже если и оказались связанными с загадочной историей. А потому я счел уместным ничего не говорить, а лишь смотреть на нее с недвусмысленным ожиданием. И, как и предполагал, Сибилла начала говорить:

– Думаю, мне надо кое-что обсудить с вами, мистер Гилби.

И кивком указала на дверь комнаты.

Поймав намек на лету, я подошел к двери и распахнул ее. Прямо за ней стоял Хардкасл, привычно пытаясь подслушивать и напоминая опытную лису, подкрадывающуюся к курятнику.

– О, мистер Гилби, сэр, – сказал он, демонстрируя фантастически быструю реакцию, – я тут подумал, что вам, быть может, захочется растопить камин немного пожарче.

К этому времени я уже понял, что организовать рабочие отношения между мной и Хардкаслом можно только одним путем – сделать так, чтобы нас с ним разделяли по крайней мере две прочные и надежно запертые двери. А потому ответил, что нам не нужно подбрасывать дров в камин, поскольку мы собираемся подняться на вершину башни. И мы действительно отправились наверх, а Хардкасл лишь проводил нас взглядом, как пару пташек, которые благополучно избежали силков охотника и вспорхнули на высокие ветки вне пределов его досягаемости. Как я понял, он все еще многого не знал и пытался гадать, что делало эту малосимпатичную фигуру не столь опасной для нас. На лестнице я повернулся и крикнул ему, вероятно, не без яда в голосе, что мы спустимся к завтраку. Не могла бы миссис Хардкасл приготовить нам яйца вкрутую? А затем молча, все еще при свете лампы, мы продолжили казавшееся бесконечным восхождение.

С того момента, когда я едва не расплющил ее маленький автомобиль, у нас с Сибиллой сложились почти приятельские отношения. Мы в буквальном смысле слова врезались друг в друга, хотя сходились из точек, расположенных в тысячах миль друг от друга, и одновременно оказались в совершенно незнакомой обстановке. Надо ли говорить, что при подобных условиях нам ничего не оставалось, как стать близкими союзниками? Однако за последние два часа, то есть после необъяснимого появления Сибиллы в кабинете хозяина замка, между нами пролегла отчетливая граница отчуждения. Но теперь, поднимаясь по тускло освещенной лестнице башни, причем отнюдь не благодаря обещанным ею объяснениям, чувство товарищества вернулось. Только не подумай, будто я начал питать какие-то романтические чувства к этой абсолютно лишенной романтики молодой леди, но, когда мы подошли к запертой двери кабинета, я уже готов был поверить, что она совершенно случайно попала в весьма щекотливую ситуацию и мне останется лишь смириться с этим.

– Подержите, пожалуйста, лампу, пока я найду нужный ключ, – сказал я.

Она положила руку поверх моей и только потом забрала лампу. Минуту спустя мы снова стояли посреди кабинета Рэналда Гатри.

– Вот и место преступления, – бросил я небрежно.

– Но, Нозл, никакого преступления не было. Я же сказала, он просто упал вниз.

– Любопытно, как ему это удалось?

Вероятно, в моем тоне она уловила изрядную долю скептицизма, потому что покраснела и настойчиво повторила:

– Он просто упал.

Наступило непродолжительное молчание. Я пребывал в глубокой задумчивости, и тишина воцарилась такая, что стало слышно, как тикают часы на моем запястье. Этот

звук внезапно, но властно вернул меня к воспоминанию, как шли старинные часы, когда позавчерашним вечером мы все вместе сидели за ужином, – их как будто замедленный ритм словно подчеркнул тогда окружающую нас атмосферу напряженного ожидания. Неужели же все сводилось к тому, чтобы Рэналд Гатри случайно свалился с балкона башни? Два часа ночи не самое лучшее время для логических построений и игры ума, но я вдруг проникся убеждением, что та атмосфера слишком плохо вязалась с предложенной Сибилой версией. Но придумать другого объяснения я тоже не мог. Мой мозг отказывался служить мне сейчас, когда я пытался беспристрастно построить цепочку из драматичных, но крайне запутанных событий, а Сибилла, почувствовав это, добавила масла в огонь вопросом:

– А вы считаете, что произошло нечто гораздо более злое?

Я предпочел ответить уклончиво:

– Не так важно, что считаю я. Но подобные мысли, несомненно, придут в голову тем, кто будет проводить расследование. Надеюсь, вы к этому готовы?

– Надеюсь, да.

– Они захотят знать все о каждом из нас. Где мы находились и почему. Как и многое другое.

Сибилла отошла в дальний угол кабинета и повернулась.

– Ноэл, вы чудесный молодой человек, хотя вас порой заносит. Но я до сих пор ничего не знаю о ваших жизненных принципах.

– Считайте их ортодоксальными и строгими.

– Жаль.

Сибилла посмотрела на меня очень серьезно, и я понял: она имеет в виду именно то, что говорит. Она сделала паузу, нахмурилась. Неизвестно откуда у нее в руке появилась пачка сигарет. Я чиркнул спичкой, она дважды глубоко затянулась и продолжила осторожно, как будто прощупывала почву под ногами.

– Мистер Гилби... Ноэл! Вы имеете право выслушать первым то, о чем я расскажу потом всем. Так слушайте... – Она снова пересекла кабинет из конца в конец, но на этот раз заговорила не оборачиваясь. – Я проникла сюда, чтобы провести разведку.

– Очень предприимчиво с вашей стороны.

Боюсь, моя попытка высказать вялое восхищение успеха не имела. Когда Сибилла окончательно повернулась ко мне, на ее устах играла ироническая усмешка над сбитым с толку англичанином.

– Я сказала, что пришла сюда шпионить. Люди в этом доме взбудоражили мое любопытство, и во мне выиграло желание тоже прятаться за дверями и подслушивать. Вот почему я так быстро почуяла присутствие нашего друга Хардкасла несколько минут назад, когда мы еще были в классе. У меня развит инстинкт выслеживать врагов.

– Прекрасно, Сибилла. Вы, стало быть, подсматривали и подслушивали. Рассказывайте дальше.

Сибилла с сомнением посмотрела на меня и продолжила после некоторой внутренней борьбы:

– Большие всего меня интриговала эта башня. В ней столько романтики...

– Обойдемся без туристических восторгов. Приберегите их для туповатых полицейских ищек.

– А я рассчитывала попрактиковаться на вас! Что ж, слушайте. Отправившись к себе в спальню, я легла поверх одеяла и стала читать, и чем дольше лежала, тем сильнее мной овладевало желание раздеться и попробовать заснуть. Пару раз я поднималась и подходила к окну. Бесцельное занятие, надо признать. Мне ничего не было видно, кроме сплошной черноты. Или, вернее, ничего, кроме черноты примерно до половины двенадцатого, когда я заметила отблеск света, пересекавший двор, куда выходит мое окно. Я дога-

далась, что это, возможно, Гатри разгуливает по своей галерее, и меня осенило: пока он там, башня свободна для осмотра. Я посчитала, что не будет большого вреда, если обследую ее и... И другие общедоступные места в замке.

– Понятно. Хочу сообщить, что и сам направился в башню через некоторое время после вас.

– Вас позвал туда Хардкасл?

– Нет, я уже собрался по собственной инициативе, когда Хардкасл подоспел со своим приглашением.

На мгновение Сибилла задумалась, какой смысл мог крыться в моих словах. Потом продолжила:

– Я захватила с собой свечу, спички и спустилась вниз. Заранее прикинув в уме план замка, я рассчитывала не заплутать в коридорах. Но все равно не слишком надеялась на удачный исход своего предприятия. Гатри наверняка, уходя, запирает вход в свою башню на замок. Вот почему я и обрадовалась, и немного испугалась, обнаружив, что могу войти и подняться по ступеням.

– Вы кого-нибудь встретили или, быть может, что-то услышали? Они будут задавать вам подобные вопросы.

– Никого и ничего. Я подергала ручки нескольких дверей, попавшихся мне по дороге наверх. Но все оказались закрытыми. И я продолжила подъем, пока не добралась до вершины и не вошла сюда.

Сибилла сделала паузу, и мы оба огляделись по сторонам. Это была просто обставленная комната, единственным украшением которой служили полки с книгами. Гатри явно не только занимался сочинительством и песнопениями, но и много читал, умножая свои знания. Я начал осматривать тома, отчасти из любопытства к его пристрастиям в литературе, отчасти чтобы не выдать Сибилле нетерпения, с которым ожидал продолжения ее откровений. В одном из углов кабинета книжные полки стояли рядами. Я подошел и изучил их, потом повернулся к Сибилле и спросил:

– Вы здесь рылись?

– Нет. Не хватило времени. Буквально через минуту донеслись шаги. Это возвращался Гатри.

– Не слишком приятный момент, а, Сибилла?

– Мягко говоря. Я знала, что ни имела ни малейшего права проникать в расположенный столь уединенно кабинет. Поступок представлялся мне ужасным. И я, конечно же, побаивалась старого джентльмена, вообразив, как придется извиняться перед разъяренным хозяином. Только в тот момент я поняла, какую глупость совершила. И совершенно потеряла голову.

Я невольно отметил, что к этому моменту голова Сибиллы благополучно вернулась на место: она была предельно спокойна.

– Это казалось чистым безумием, но я стала искать, где бы спрятаться! Мне открылись две возможности – дверь рядом с выходом на лестницу и что-то вроде французского окна, ведущего на балкон. Первая, за которой, как мы теперь знаем, располагается спальня, оказалась на запоре, а потому пришлось воспользоваться вторым вариантом. Не самый лучший выбор. Я очутилась под открытым небом на очень узкой площадке в ста футах над землей, и к тому же продуваемой ураганной силы ветром.

– Между Сатаной внутри и мелкими бесами снаружи?

– Точно. Я уронила свечу в снег – ее там наверняка можно найти, – и стояла, держась за ручку двери, а ветер попросту заморозил мне голову и лишил способности соображать. Прошли минуты, пока я поняла, что нахожусь в относительной безопасности, и под ногами у меня не просто узкий выступ. Мне не удалось полностью закрыть дверь за собой, а потя-

нуть сильнее я не решилась из страха потерять равновесие. Так мы и расположились – я по одну сторону, а Гатри по другую. Он ходил по комнате и зажигал свечи. Мне требовалось либо собраться с духом и предстать перед ним, либо по-прежнему прятаться. Я предпочла второе.

– Гатри подошел к столу в центре, – продолжила она, – уселся за него и спрятал лицо в ладони. Но через пару минут встрепенулся и что-то выкрикнул, я не разобрала. Дверь с лестницы открылась. Она все время находилась в поле моего зрения. Вошел молодой человек, которого, как мне показалось, впустил внутрь Хардкасл, хотя его самого я не заметила. Гатри поднялся, указал на кресло, и на этот раз я совершенно четко расслышала: «Мистер Линдсей, присядьте». К сожалению, это осталось единственной фразой, которую я поняла. Ветер завывал громко, и большие из их беседы до меня не донеслось ни звука. Некоторое время они очень серьезно что-то обсуждали...

– Причем разговор шел в агрессивных тонах, – перебил я.

Но Сибила покачала головой.

– Определенно нет. Мне даже показалось, что они приятели. Беседа текла легко, без намека на какую-либо напряженность в отношениях. Но они, безусловно, о чем-то договаривались.

– Например, о сумме отступных и про откуп, о которых рассказывал Хардкасл?

– Может быть. – Сибила сделала паузу, словно обдумывая мой вопрос, а затем продолжила: – Потом оба поднялись, и Линдсей кивнул, причем, как мне кажется, сделал это мягко, но решительно. Они направились к двери...

– Вы все время могли их видеть, Сибила? Они не уходили, например, в один из углов кабинета?

– Я видела их все время. Они подошли к двери и пожали друг другу руки, но скорее формально, чем дружески. Линдсей вышел, а Гатри вернулся. Выглядел он... Даже не могу сразу найти точного определения. Вид у него был, как у глубоко опечаленного и морально сломленного человека. Но я имела возможность наблюдать выражение его лица всего лишь мгновение. Затем он достал из кармана ключ, отпер спальню и скрылся внутри, закрыв за собой дверь. Минуту спустя или чуть меньше я услышала негромкий вскрик. Выждала еще немного и хотела броситься к двери на лестницу, но посреди комнаты натолкнулась на вас и Хардкасла.

– Однако в ответ на мой вопрос о Гатри вы уверенно ответили: «Он свалился с башни». Простите меня Сибила, но им непременно захочется узнать, откуда вам это известно.

Сибила Гатри некоторое время молча смотрела на меня, потом проговорила:

– Понимаю, о чем вы, Ноэл. – Она сделала еще одну паузу. – Мне это подсказала интуиция. Другого ответа у меня нет.

– Помнится, вы как-то признались, что в свое время у вас проявлялись паранормальные способности. Это правда?

Я не должен был касаться столь щекотливой темы, не будучи официально назначенным обвинителем. Но все же мне представлялось крайне важным, чтобы Сибила отдавала себе отчет в некоторых опасных аспектах своего положения. Однако мои слова вызвали внезапную вспышку эмоций с ее стороны.

– Я говорю вам правду, Ноэл Гилби! Эта беседа совершенно уничтожила Гатри. Я видела признаки неминуемой смерти на его лице. И когда вы ворвались в кабинет, окончательно убедились в своей правоте. Гатри постепенно так или иначе сходил с ума, а как только его планы потерпели крах, покончил с собой.

– Вы имеете в виду, что потерпел крах его план откупиться от Линдсея, а мысль о неизбежной потере племянницы стала невыносимой?

– Да, что-то в этом роде. Или для вас такая смерть выглядит недостаточно злое еще?

Мы сидели теперь рядом на краю письменного стола Гатри. Через какое-то время я сказал:

– Что ж, в целом это была неплохая попытка, Сибилла.

Она повернула голову и окинула меня быстрым взглядом.

– Что вы имеете в виду?

– Только то, – ответил я как можно мягче, – что нам потребуется несколько измененная версия ваших показаний.

– Иными словами, вы считаете, что я лгу?

– Вовсе нет. Вашими устами вполне может глаголить чистая истина. Но в ней слишком много несообразностей, чтобы чувствовать себя в безопасности. Например, ваша интуитивная догадка вполне вероятна. Но это как раз та вероятность, в которую с трудом верят в зале суда.

– Кажется, я вас поняла, – сказала Сибилла.

– У вас возникает пробел. Гатри уходит в спальню, раздается крик, мы врываемся внутрь, а потом ваше сознание прыгает через пустоту, пусть это и прыжок в сторону правды. Но вы должны понимать, как странно это прозвучит. Вас может уберечь от немедленных подозрений только тот факт, что вы с Гатри ничем не связаны. Отсутствие, как принято говорить, мотива.

Сибилла поднялась и встала ко мне лицом.

– Должна ли я полностью открыться вам, Ноэл?

– Разумеется, это в ваших интересах.

– Так узрите же перед собой новую владелицу Эркани!

Я буквально подпрыгнул от изумления.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я – прямая наследница Рэналда Гатри.

Эти значки на странице означают, Диана, что тебе тоже понадобится время оправиться от потрясения. Хотя, возможно, ты не будешь так уж удивлена, поскольку, если честно, то и я больше изобразил, будто ее сообщение для меня полная неожиданность. В отношении Сибиллы Гатри к Эркани присутствовало нечто, какой-то скрытый от всех подтекст, который я угадывал с самого начала, и, вполне возможно, ты это ощущала, читая более ранние эпизоды моего повествования. Меня гораздо больше впечатлило воспоминание, как мы с Сибиллой сидели на крыльях моего автомобиля, видели огонек из Эркани и всерьез обсуждали, что это за свет и стоит ли нам идти на него. Потому как на самом деле я попал в самый эпицентр ее хитроумного плана проникнуть внутрь замка, плана, куда она вовлекла меня с присущим ей талантом актрисы, блестяще сыграв свою роль. Некоторые детали спектакля – безыскусные с виду расспросы о дороге на юг, намеренная авария с нырком машиной в снег – определенно вызвали во мне своего рода восхищение. И ведь чуть ли не в самый решающий момент осуществления своего плана она спокойно стояла в стороне и смея ради цитировала строчки из «Кристабели» Кольриджа! Думаю, на моем жизненном пути мне встретила поистине пугающе умная молодая женщина.

Но пока я владею информацией лишь в самых общих чертах. Гатри, живущие в Америке, – Сибилла и ее овдовевшая мать – в свое время стали жертвами финансовой нечистоплотности Рэналда Гатри. До них дошли слухи, что он сошел с ума и может быть признан недееспособным. Заинтересованные в получении усадьбы, они использовали различные методы, чтобы выяснить реальное положение вещей. Приехав в Англию, Сибилла решила заняться этим лично. Первую разведку на местности она провела какое-то время назад,

а когда пришел большой снегопад, увидела в этом отличный шанс. Чего она не могла предвидеть при всем своем изощренном уме, так это затруднительного положения, в которое сама себя при этом поставит. Сейчас она действительно немного напугана, но это опять-таки свидетельствует, насколько здраво она мыслит. Она, повторяю, личность во многих смыслах экстраординарная.

И страх нисколько не уменьшил ее желания бороться. Стоя рядом с потухшим камином в кабинете Гатри и глядя на нее, снова присевшую на край стола, я вспомнил о девизе, который она тоже теперь унаследовала. «Не буди спящего тигра». Сейчас он оказался как нельзя более уместным: хищный зверь проснулся и бродил где-то рядом, хотя сам я не будил его и даже к нему не прикасался. Я лишь понимал, что очень мало знаю о Сибиле. Однако догадывался: она не станет избегать опасности, если ей бросят вызов, а в особых случаях от нее можно ожидать совершенно безжалостной жестокости. Обрати внимание на мои слова, Диана, и ты поймешь, что привлекательность, которую я нахожу в мисс Сибиле Гатри – не более чем бледная тень моей привязанности к мисс Диане Сэндис. Поверь, тревожиться тебе не о чем.

Она вся напряглась, готовая к схватке и едва ли нуждаясь в моих напоминаниях, насколько затруднительна ее ситуация. Но меня мучил вопрос, отчего мной владеет смутное ощущение, что ее планы простираются дальше, чем я могу даже предполагать? При чем ощущение это усиливалось ассоциацией с совсем недавним прошлым. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять ее источник: это были глаза Сибилы. Она смотрела на меня и озирала окружающую обстановку точно таким же взглядом, каким Рэналд Гатри окидывал неожиданных гостей. Мне не требовалось большего, чтобы напомнить себе: в Эркани все еще присутствовал один из членов семьи Гатри.

– Кому и что именно известно, – спросил я, – о вашем первоначальном визите в эти края?

– Думаю, немногим и немного. Из паба в Кинкейге я отправила телеграмму, в которой говорилось, что вскоре я ожидаю необходимую информацию.

– Кто был получателем телеграммы?

– Наш адвокат. Он тогда находился в Лондоне, но с тех пор вернулся домой в Штаты. Поэтому, Ноэл, полагаю, мне понадобится новый адвокат или что-то вроде доверенного лица.

– Да, вы совершенно правы. Но адвокат у вас уже, считайте, есть. Одна из моих телеграмм касалась именно этой проблемы.

– Ноэл Гилби, выражайтесь яснее!

– Я понял, насколько сложным становится положение. Гатри мертв, Хардкасл бормочет что-то об убийстве, а вас застали на месте происшествия. Мы должны как-то обезопасить себя, верно? У меня есть дядя в Эдинбурге. Он – крупный военный чин и служит в шотландских войсках. С его помощью мы подберем человека, подходящего нам по всем статьям.

– Вижу, вы быстро соображаете.

– Как и вы, Сибилла. И сейчас это очень важное качество.

– Я вас хорошо понимаю, – повторила она.

Словом, такова оказалась диспозиция. На самом деле я не предполагал, что кто-то повесит вину за случившееся на Сибилу. Мне казалось более естественным привлечь к ответу Хардкасла, хотя я не совсем видел, каким образом. Но сама мысль об этом породила новый вопрос:

– Сибилла, вы сказали, что Гатри и Линдсей все время находились в поле вашего зрения. Тогда как мог Гатри позвонить в колокольчик, а потом, подойдя к двери, прокричать Хардкаслу распоряжение позвать меня?

Впервые за все время нашего знакомства на лице Сибилы читалось откровенное замешательство. Я понял, что затронул деталь, которую она совершенно упустила из вида.

— Где расположен колокольчик?

— Здесь, рядом с камином.

— В таком случае ни в какой колокольчик Гатри не звонил. И уж точно ничего не кричал в проем двери. Хардкасл солгал.

— А потом Хардкасла буквально разъярило ваше присутствие здесь. Похоже, он играл в свою игру и имел вполне понятный интерес. Подойдите-ка сюда.

Я показал ей одну из ниш, куда уже заглядывал прежде. Там стояло бюро, главный ящик которого носил отчетливые следы грубого взлома. И он был пуст, если не считать нескольких мелких золотых монет.

— Здесь наш скупой мальчик хранил свои игрушки, — сказал я. — И они исчезли.

Произнося эти слова, я бросил взгляд на Сибилу и заметил, как она побледнела. Она долго молчала, а потом произнесла фразу, противоположную по смыслу той, которую сегодня произносила уже дважды:

— Нет... Нет. Я не понимаю. — Она нахмурилась. — Ведь даже если...

Она осеклась, явно что-то мучительно обдумывая или роясь в памяти.

— Я не могла ошибиться, — наконец сказала она, отворачиваясь от взломанного ящика. — Конечно, Ноэл, это станет еще одной загадкой, но не создаст дополнительных проблем.

Вероятно, удивление ее небрежным отношением к столь важной подробности отпечаталось на моем лице, потому что Сибилла рассмеялась, пересекла комнату и бросила окурок сигареты в камин.

— Лучшие расскажите мне, Ноэл, каков будет ваш адвокат. Я с нетерпением жду встречи с ним.

Она потянулась со сладостной ленцой и добавила:

— Но сейчас мне больше всего хочется забраться в постель и заснуть.

— Тогда отправляйтесь спать. У нас есть по меньшей мере несколько часов до того, как начнется настоящая суматоха. Я провожу вас до спальни.

Но Сибилла покачала головой.

— Вам нет необходимости спускаться вниз, Ноэл Гилби. Призрак Рэналда Гатри не потревожит мой сон. Как вы уже убедились, я не склонна к романтическим бредням. Но как же я рада, что вы раздавили всмятку мою машину! Спокойной ночи.

Башня Рэналда Гатри осталась в моем единоличном распоряжении. И я устроился за столом, чтобы начать писать, уподобившись Памеле³², которая, как ты помнишь, отправляла домой предлинные письма после каждого покушения хозяина на ее невинность. Мне всегда была симпатична Памела, и теперь я понял почему: у меня те же наклонности. Я имею в виду ее саму, а не ее хозяина. А еще ведь шутили над главным историком Римской империи: «И как у вас рука не отвалилась столько настрочить, мистер Гиббон?» У меня тоже есть интересная история, но я начинаю забывать ее от усталости. Я выдохся. Считаю эти последние несколько строк, написанными лунатиком во сне.

Уже очень скоро, как я предполагаю, Таммас приведет представителей закона и блюстителей разума в этот замок. «Чокнутый замок», «Сырой замок», «Холодный замок» и «Неприступный замок» (он же Хардкасл). Хардкасл! Бр-р-р...

Спокойной тебе ночи, моя леди, моя сладкая леди, спокойной тебе ночи и добрых снов.

Твой

Ноэл Айвен Мэрион Гилби.

³² Героиня романа Сэмюэла Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель».

Часть III

Расследование Элджо Уэддерберна

1

Должен начать свои записки о загадочных событиях в замке Эркани с чистосердечного признания. С самого начала я сильно сомневался (и дальнейшие события сомнений не развеяли), что слова молодого Ноэла Гилби обо мне как о «человеке, который подойдет по всем статьям», соответствовали действительности.

Те из читателей, кто хорошо знаком с системой юриспруденции в нашей стране, понимают, что Общество королевских юристов Эдинбурга в основном имеет дело с менее значительными, но куда более спокойными аспектами законодательства. И я не могу не отметить, что юридическая контора «Уэддерберн, Уэддерберн и Мактодд» всегда вносила свой посильный вклад в укрепление этой респектабельной традиции. Наши клиенты почти никогда не докучают нас назойливыми просьбами закончить их дела как можно скорее, потому что, как правило, для решения их вопросов требуется стандартная, но весьма длительная процедура, предусмотренная законом. К тому же их дела редко доходят до зала суда, ведь ничто так не нарушает гармонии во взаимовыгодных отношениях клиента и юридического советника, как вмешательство наших уважаемых коллег из братства адвокатуры, зачастую сопровождаемое требованиями, выполнение которых затруднительно. Мы привыкли рассматривать вопросы, имеющие иногда чисто исторический интерес, но нашей основной работой все же является тихое и полюбовное разрешение конфликтов, вытекающих из банкротств, уплаты алиментов или случаев умопомешательства, происходящих порой в самых благородных шотландских семействах. И такова наша практика на протяжении уже нескольких поколений. Мы всегда с огромной неохотой вторгались в зловещую область уголовного права!

После этой необходимой прамбулы, которая, как я надеюсь, поможет в дальнейшем избежать взаимного недопонимания между мной и читателем, позволю себе перейти к стадии повествования, уже охарактеризованной моим достойным другом Эваном Беллом латинской фразой *in medias res*. В послеполуденное время рождественского дня, оказавшегося в центре нашей хроники, я отправил семью в театр – развлечение, лично для меня имеющее весьма ограниченный интерес, – а сам устроился в библиотеке общества юристов, чтобы провести несколько часов за спокойной исследовательской работой. Быть может, некоторых из моих читателей заинтересует намерение вашего покорного слуги опубликовать в недалеком будущем монографию под названием «Земельное право в Шотландии XVIII столетия». И я как раз был целиком поглощен изучением весьма ценной статьи известного ученого, доктора Макгонигла в журнале «Шотландское историческое обозрение», когда меня прервало появление моего шофера с известием, что генерал Гилби изволил приехать ко мне домой по весьма срочному делу и дожидается моего возвращения.

Гилби в свое время приглашал меня на охоту в Морейшире и может в какой-то степени считать себя моим другом. Кроме того, насколько я знал, сестра его жены только что сочелась помолвкой с молодым графом Инвералохи, а потому я поблагодарил слугу за сообразительность и попросил отвезти меня домой.

Едва ли есть необходимость лишний раз объяснять читателю, что генерал Гилби нанес мне визит в связи с телеграммой, полученной от племянника. Этот молодой человек вместе с подругой женского пола оказался вовлечен в события, носившие таинственный характер, в которых присутствовал элемент насилия. Причем их роль в происшествии делала весьма

желательным присутствие на месте советника по юридическим вопросам. Текст телеграммы оказался кратким и невразумительным, и если бы не риск оскорбить отказом генерала, я, скорее всего, порекомендовал бы ему обратиться к одному из компетентных юристов, не связанных с нашей фирмой. Однако в сложившихся обстоятельствах решил привлечь к работе своего племянника Иниаса, который уже несколько лет являлся моим младшим партнером и за этот период показал себя способным легко разбираться именно в тех областях юриспруденции, порой весьма колоритных, что издавна стали нашей специальностью. Когда миссис Макрэттл из Данка отравила своего управляющего, вколов в хаггис³³ с помощью шприца, позаимствованного у врача, химикат для лечения овец, именно Иниас сумел уладить все миром. Когда обнаружилось, что Макквиди совершил неслыханный поступок – заложил готовую взорваться противопехотную мину под лужайку, куда его жена пригласила на вечеринку множество гостей, именно Иниас сумел убедить следствие, что проводился всего лишь геологический эксперимент в сугубо научных целях, и только-то. Поэтому Иниас, с моей точки зрения, идеально подходил в качестве советника для племянника генерала Гилби, и рождественским вечером он отправился в Данун. Можете вообразить себе, как я был расстроен, когда на следующее утро получил телеграмму, что, спеша на пересадку с поезда на поезд в Перте, он поскользнулся на льду и сломал ногу. Не буду вдаваться в подробности принятых мною мер, которые ни к чему не привели. Между тем на мне уже лежало обязательство перед генералом Гилби, и потому позже днем я лично выехал в сторону Дануна.

Не скрою, я сидел в вагоне на Каледонском вокзале в состоянии некоторого раздражения, только усугубившегося, когда я обнаружил, что в попутчики мне достался старый школьный товарищ лорд Кланклакет. При всем уважении к главе юридического колледжа должен откровенно сказать, что Кланклакет – отъявленный зануда. С ним не просто скучно. Он способен довести до смертной скуки даже первого из весельчаков. Словом, хуже компаньона в поездке, которая сама по себе представлялась малорадостной, и придумать невозможно.

Мы уже пересекали мост через Форт³⁴, когда Кланклакет впервые открыл рот:

– Как видно, Уэддерберн, ты направляешься на север?

Именно вопросами, заданными с подобной незаурядной проницательностью, Кланклакет озадачивал в суде молодых адвокатов, еще не успевших узнать, с кем имеют дело. Мне оставалось лишь коротко подтвердить его догадку и, в свою очередь, высказать предположение, что он передвигается в том же направлении.

– Заслуженная неделя отдыха в Пертшире, – ответил он. – А ты, Уэддерберн, тоже в отпуске?

– Нет, я путешествую в профессиональных целях. Так, небольшое дело для узкого семейного круга. Обрати внимание, Кланклакет, что флот вернулся на базу. Интересно, это эсминец «Прославленный» пришвартован рядом с крейсером «Роситом»?

Мой спутник даже не потрудился сделать вид, что интересуется военно-морскими вопросами, лишь бегло взглянув в окно. Наш поезд все еще с грохотом катил по мосту, когда он вернулся к прежней теме:

– И куда ты едешь?

– У меня пересадка в Перте. Позволь предложить твоему вниманию «Блэквуд».

Кланклакет взял журнал, который я, надо признать, отдал ему с большой неохотой, и стал изучать обложку, словно незнакомый документ, приобщенный к делу в качестве вещественного доказательства.

³³ Шотландское национальное блюдо – пирог с начинкой из потрохов.

³⁴ Имеется в виду залив.

– О, так это «Блэквуд». Отлично. Спасибо. Очень хорошо, – наконец тоскливо сказал он.

А затем убрал журнал с глаз долой, причем, без всякого преувеличения, буквально подсунул его себе под задницу.

– Так ты говорил, Уэддерберн, что в Перте пересаживаешься на...

– Данун.

– У тебя там дело?

– Да, дорогой Кланклакет, мое дело там или, скорее, в окрестностях.

Некоторое время он соображал, почему я выделил в своей фразе слова «мое дело». Но мы едва миновали Норт-Куинсферри, как он пустил в ход другую тактику.

– Данун, гм... Ничего себе городишко. Впрочем, не уверен, что знаком со многими из тех краев. Ты встречался с Фрейзерами из Мерви?

– Нет.

– А с Грантами из Килдуна?

– Полагаю, мне доводилось встречаться с полковником Грантом, хотя мы не были друг другу представлены.

– А с Гатри из Эркани?

– Кажется, я никогда не сталкивался ни с одним из представителей этого семейства.

– Есть еще старая леди Андерсон из Данун-Лодж.

– Она была когда-то дружна с моим отцом. Но наша фирма не числила ее среди своих клиентов, и, насколько помню, лично я с ней ни разу не общался.

На несколько минут Кланклакет погрузился в недоуменное молчание. А я поздравил себя с тем, как изящно ушел от ненужных расспросов при помощи самой простой методы. Но через некоторое время он предпринял еще одну попытку.

– Я тут думал про другие семейства в тех краях. Ты можешь припомнить еще кого-нибудь?

Тихо радуясь про себя, я ответил:

– Нет, я ни с кем там не вожу знакомства.

Это, как любит выражаться Иниас, окончательно его добило. И вместо того, чтобы вытягивать из меня информацию, он вдруг решил, что может ею со мной поделиться:

– Кстати, о Фрейзерах из Мерви. Я мог бы порассказать тебе о них немало любопытного.

Я давно знал об этой любимой прелюдии Кланклакета к его долгим рассказам. И потом битый час слушал анекдоты о чудачествах Фрейзеров из Мерви и всех их родственников, разбросанных по миру. В подобных вопросах Кланклакета можно было признать энциклопедически образованным человеком. И когда тема Фрейзеров оказалась почти полностью исчерпанной, до меня дошло, что при правильной тактике я могу воспользоваться его информацией не без пользы для себя.

– А скажи-ка мне, Кланклакет, – с внезапным интересом спросил я, – что примечательного тебе известно о Грантах из Килдуна?

Он подозрительно на меня покосился и ответил:

– Почти ничего. То есть вообще ничего. Но вот если бы тебя заинтересовали Гатри из Эркани...

Я напустил на себя тот же скучающий вид, с каким выслушивал истории Фрейзеров, хотя с совершенно иным внутренним ощущением. Мои собственные познания о мистере Гатри из замка Эркани, покойном лорде, в чьи владения я как раз направлялся, ограничивались содержанием заметки, напечатанной в сегодняшнем номере газеты «Скотсман». Там говорилось, что в канун Рождества он упал с башни при обстоятельствах, требовавших дополнительного расследования. А потому любые сплетни или слухи, собирать которые обо-

жал Кланклякет, если они хотя бы отчасти отражали подлинный характер и личность покойного, могли мне в дальнейшем пригодиться. Я изобразил, будто с трудом скрываю зевоту и спросил:

– А что, это действительно интересное семейство?

– Еще бы! Они представляли интерес на протяжении целых столетий! Взять, к примеру, Эндрю Гатри, известного как Кровавый Гатри. Его еще убили при Солуэй Моссе...

Минут через сорок, когда мой спутник добрался до начала восемнадцатого века, я вынужден был согласиться, что Гатри из Эркани оказались поистине незаурядным семейством. Сомнительно, чтобы во всей Шотландии нашелся бы еще хоть один мелкопоместный род со столь впечатляющей и колоритной историей. И хотя меня интересовало прежде всего нынешнее поколение, я набрался терпения и дал Кланклякету постепенно дойти в своем повествовании до наших с ним современников и их непосредственных предков. Наступал вечер. Наш поезд спешил на север среди покрытых снегом пейзажей, и не то чтобы моя миссия перестала видаться никчемной и излишне утомительной, однако мне вдруг стало жаль, что мы едем так быстро. Возникла опасность прибыть в Перт раньше, чем рассказ коснется наконец Рэналда Гатри.

– ...А нынешний лорд Рэналд Гатри! Еще одно такое же зловещее существо, но только в его случае есть осложнения... – Здесь Кланклякет понизил голос до шепота и выглянул в вагонный коридор, не подслушивает ли нас кто-нибудь. – Насколько мне известно, он, вдобавок ко всему, еще и поэтическая натура.

– Боже милостивый! Неужели?

– Да! Но нам следует во всем соблюдать точность, Уэддерберн. Точность в нашей профессии превыше всего. И потому я должен добавить, что его артистические наклонности могли уже уйти в прошлое.

– Уверен, что так и есть, Кланклякет.

– Тебе-то откуда знать? Ты вообще ничего не слышал про него, приятель. А я могу сообщить тебе, что в молодости этот самый Рэналд сбежал из дома, чтобы играть в театре.

– Ого!

– Вот именно, ого! Что говорит о крайней неуравновешенности характера. Но мы должны быть справедливы, Уэддерберн. Всегда и во всем справедливы. Через несколько месяцев – или даже год спустя – он раскаялся, и тогда его отправили за границу. Только суровая жизнь в колониях могла пойти ему на пользу. Выбрали Австралию. Отдали ей предпочтение перед Канадой, поскольку она находится в три или четыре раза дальше отсюда. Но только Рэналду это не пришлось по душе. Как только он увидел гавань Фримантла³⁵, ему взбрело в голову наложить на себя руки.

– Господи! Но ведь это может быть обыкновенной сплетней, правда? Наверняка не найдется свидетелей той его попытки самоубийства, верно?

– Ну, ты даешь, Уэддерберн! Уж кому знать, что я никогда не распускаю сплетен, как не тебе. Опируюсь пусть конфиденциальными, но фактами. Это давняя история, происшедшая в далеком месте, но я могу в любой момент указать ее свидетеля. Как мне стало известно, Рэналд Гатри пытался утопиться, но, к счастью, его спасла отвага старшего брата.

– Значит, брата отправили в Австралию вместе с ним?

– Да. Его звали Йен Гатри. У него тоже были здесь какие-то неприятности. Ничего серьезного, как я припоминаю. Например, я не слышал, чтобы Йен проявлял наклонности к поэзии или другому творчеству. Вероятно, в его случае была замешана женщина – будем справедливы. И уехали они оба без скандалов. Говорили только, что братья подались через

³⁵ Порт на западе Австралии.

океан, не желая служить в армии. Но, само собой, унаследовав замок, Рэналд тут же вернулся.

– А Йен умер?

– Да. Погиб в результате какого-то трагического несчастного случая. Судя по некоторым данным, они занялись золотодобычей и поиском месторождений, а потом Йен пропал. Его тело позже обнаружила бригада спасателей. Рэналд, который, как я уже упомянул, человек неуравновешенный, сильно переживал. Был до крайности расстроен.

– В каком смысле расстроен?

– В душевном. Вернувшись на родину, он стал вести очень странный образ жизни. И, как я понимаю, продолжает существование скаредного отшельника.

– Продолжал.

– Не понял, что ты имеешь в виду, Уэддерберн?

– Рэналд Гатри только что умер. А вот, кстати, и Перт. Боюсь, мне надо спешить. Дела, знаешь ли, Кланклякет. Журнал оставь себе. Будь здоров. Увидимся.

2

От Перта до Дануна железнодорожные пути все еще плохо очистили от снега, и в результате мой поезд опоздал больше чем на час. Но и по прибытии трудности не закончились. Ни один шофер не желал подвергаться опасностям ночного путешествия в Кинкейг. Мне сообщили, что до места сумел добраться доктор Ноубл, а также полицейские и шериф, и уже известно мнение шерифа, что обстоятельства смерти мистера Гатри требуют расследования. Я понял – медлить нельзя и потому согласился, лишь немного поторговавшись, на совершенно заоблачный тариф, после чего вполне благополучно и без малейшей угрозы здоровью добрался до Кинкейга около одиннадцати вечера. На самом деле это даже не город, а небольшой поселок, и я посчитал себя счастливым, найдя для ночлега простую, но вполне сносную комнату на втором этаже заведения с незамысловатым и лаконичным названием «Герб».

Поскольку моим клиентом был молодой мистер Гилби, по-прежнему находившийся в Эркани, я предполагал туда доехать – или, точнее сказать, «добраться» – на следующее утро. К тому времени станет доступна достоверная информация. А пока я решил, что неразумно с моей стороны пренебречь гласом народа, то есть местными слухами. Я спустился в холл, поскольку паб был уже, разумеется, закрыт и нажал на звонок. На него отозвалась хозяйка дома миссис Робертс, которую я попросил:

– Будьте любезны, принесите мне...

– Вам сейчас нужнее всего, – перебила меня миссис Робертс, – добрая кружка солодового молока.

Одна из аксиом хорошей следственной практики состоит в том, чтобы сыграть на особенностях или странностях характера свидетеля и таким образом добиться цели, которую вы преследуете. И потому я сказал:

– Именно об этом я и хотел вас просить. Принесите мне, пожалуйста, большую кружку... э-э-э... вашего лучшего солодового молока.

Она поспешила прочь, и я бы покривил душой, если бы заявил, что принесенный ею напиток пришелся мне не по вкусу. Но, самое главное, хозяйка оказалась на редкость разговорчивой, и в следующие полчаса я только и слушал местную версию событий в Эркани, причем по временам ее рассказ заставлял меня округлять глаза от удивления. Менее двадцати четырех часов назад я был полностью поглощен спокойными исследованиями правил испольного хозяйства восемнадцатого века. А теперь передо мной разворачивалась история, обладавшая всеми признаками того, что студенты называют «драмой в стиле Сенеки»,

где фигурировали: убийство, месть, жестокость и привидение. Должен ли я признаться, что во мне разыгрался при этом темперамент моего племянника Иниаса, а у старшего партнера фирмы «Уэддерберн, Уэддерберн и Мактодд» заметно участилось сердцебиение – случай крайне редкий? Мне всегда нравились романтические детективные романы, то есть та разновидность художественного вымысла, которая имеет так же мало отношения к реальным расследованиям преступлений, как пасторальная поэзия к экономике сельского хозяйства. Но сейчас, слушая рассказы миссис Робертс, я обнаружил, что с трудом отличаю правду от фантазий. Смерть мистера Гатри была вполне реальной, но ее окружили таким количеством самых фантастических подробностей, на какие способен только извращенный ум совершенно безответственного беллетриста. Или, если быть точным, я столкнулся с миром народных сказаний, которые всегда полны самых странных поворотов сюжета и напичканы невероятными домыслами. Из уст миссис Робертс я слышал глас народной сплетни – этой разновидности мифотворчества, доступной каждому простолюдину. Убийство, месть, жестокость и привидение – все это, как мне виделось, отлично вписывалось в легенды, окружавшие семью Гатри, которыми развлекал меня в поезде Кланклакет чуть ранее в тот же день.

Убийство и месть. Некий Нейл Линдсей, беспринципный молодой человек, ожесточенный сердцем, решил возродить застарелую вражду между семьями и нанес удар. Он совершил свое злодеяние, сбросив Рэналда Гатри с высокой башни в ночь перед Рождеством, выкрал крупную сумму в золоте и сбежал с некой юной леди, которую разные источники называли то подопечной, то племянницей, то дочерью, то просто возлюбленной его кровного врага.

Жестокость и привидение. Не удовлетворившись совершенным убийством, этот Нейл Линдсей перед тем как сбежать, всласть поглумился над трупом Гатри, отрубив мертвецу несколько пальцев в отместку за какой-то дикий инцидент, случившийся между их родами чуть ли не пятьсот лет назад. А поскольку этот акт немислимой и неслыханной кровожадности, в свою очередь, вызвал к отмщению, в рождественскую полночь призрак Рэналда Гатри явился в Кинкейг, размахивая изуродованными кистями рук, воздевая их к луне и оглашая окрестности страшным воем, голосом из преисподней, откуда его на несколько часов отпустили, чтобы он смог показаться людям.

Причем в этих записках я изложил лишь сжатую версию рассказа миссис Робертс; на самом деле любой слух всегда многословен и расплывчат. Однако должен признаться, что даже ее сбивчивое повествование содержало подробности, которые странным образом казались убедительными и правдоподобными. Мне стоило некоторого труда заставить себя отнестись ко всему критически – например, обратить внимание, как быстро легенда обросла сверхъестественными деталями. И будучи человеком, не чуждым интереса к фольклору, я подумал, что именно этот аспект реакции населения Кинкейга на смерть самого крупного землевладельца в округе заслуживает более пристального внимания.

– Миссис Робертс, – спросил я. – И что же, многие видели призрак?

– Да, уж поверьте, многие.

– А вы сами?

– Чего не было, того не было. – Миссис Робертс явно испугала сама эта мысль.

– Кто же тогда?

Миссис Робертс ненадолго задумалась, словно вспоминая.

– Первой была миссис Макларен, жена кузнеца. Колонка у нее во дворе замерзла напрочь, и она отправилась за водой дальше по улице, когда это жуткое видение возникло прямо перед ней в лунном свете. Она, бедняжка, так закричала от ужаса, что ее слышно было по всему Кинкейгу. Какие еще вам нужны доказательства?

Миссис Робертс, должно быть, заметила в моем вопросе несколько скептическую интонацию, а потому подчеркнула важность вопля, изданного женой кузнеца, и сделала это с триумфом, повторив еще раз, что его слышали почти все.

– Вы правы, миссис Робертс. Но что случилось дальше?

– Миссис Макларен в тот момент находилась как раз напротив мастерской Эвана Белла, местного башмачника.

– И мистер Белл тоже видел привидение?

– Нет, не видел. Врать не буду.

– А миссис Макларен часто сталкивается с призраками?

Хозяйку мой вопрос, казалось, поразил в самое сердце.

– Здесь вы попали прямо в точку, сэр! Она родом с гор и обладает вторым зрением. По ее словам, она заранее знала, что тот дурачок из Эркани проберется сквозь снега и сообщит о смерти Гатри. И она всегда утверждала, что у Гатри «черный глаз».

– Что ж, как вы верно подметили, миссис Робертс, других доказательств действительно не требуется. А кто еще видел призрак?

Теперь миссис Робертс окинула меня взглядом, в котором сквозило подозрение.

– Следующей, наверное, была миссис Стракан, директриса нашей школы.

– Значит, миссис Стракан? А вы можете хотя бы предположить, с чего бы этой миссис Стракан думать об Эркани и творившихся там делах?

Подозрительность во взгляде миссис Робертс мгновенно сменилась уважением ко мне как собеседнику.

– Поверьте, вы снова задали вопрос в самое, как говорится, яблочко! Именно миссис Стракан встретила с лордом Эркани при самых пугающих обстоятельствах некоторое время назад.

– Понятно. А еще кто-нибудь видел призрак мистера Гатри?

Миссис Робертс потеряла былую решительность.

– Если честно, то об остальных я в точности ничего не знаю...

– Одним словом, больше никто, верно? Только две – женщины, а вовсе не многие, как вы первоначально мне сказали?

Однако я сразу устыдился, что устроил бедной миссис Робертс настоящий допрос. Она откровенно смутилась.

– Да, верно, – признала она. – Похоже, больше никто ничего не видел. Если не считать, конечно...

В этот момент нашу беседу прервало появление супруга хозяйки, который совершал обход, запирая на ночь все двери.

– Мистер Уэддерберн, – сказал он, – вам наверняка не повредит принять стаканчик на сон грядущий. Не налить ли мне вам пуншу в такую-то дрянную погоду?

В свою очередь, миссис Робертс взяла мою пустую кружку и спросила:

– Быть может, мистер Уэддерберн предпочтет еще порцию солодового молока?

Почувствовав, что на этой почве могли возникнуть семейные разногласия, которые мне не хотелось усугублять, я пробормотал извинения, взял свечу и поднялся в отведенную мне комнату. Как ни странно, но после того, как я с успехом развенчал выдумки о привидении в рассказе миссис Робертс, меня посетила пугающая мысль, что я прямо в коридоре могу столкнуться с призраком мистера Гатри из Эркани.

Утром меня разбудил шум, доносившийся с улицы. Поспешив к окну, я обнаружил, что оживление вызвано собравшейся молодежью Кинкейга, чье внимание привлекло появление высокой и стройной фигуры, которую заметно покачивало от усталости после трудного пути. На плечах молодой мужчина нес то, что, видимо, и сделало его объектом повышенного интереса юных граждан поселка. Присмотревшись пристальнее, я увидел, что снаряжение

представляет собой обычный набор, состоявший из лыж и лыжных палок. Логично было предположить, что это очередной посланец из Эркани, а потому я быстро оделся и сбежал вниз по лестнице. Как я и предполагал, молодой человек дожидался именно меня. Он подошел и сказал:

– Я – Ноэл Гилби. А вы, должно быть...

Я думал, он назовет меня «человеком, присланным дядей», но Гилби закончил иначе:

– ...тот джентльмен, который был настолько любезен, что приехал нам помочь?

– Моя фамилия Уэддерберн, – ответил я. – И цель моего прибытия сюда действительно состоит в том, чтобы оказать любую посильную поддержку.

С теплотой, но и не без некоторой смущенной сдержанности, свойственной молодым людям, мистер Гилби пожал мне руку.

– Тогда, если позволите, сэр, – сказал он, – не могли бы вы для начала предложить мне плотно позавтракать?

В течение следующего часа я составил мнение о Ноэле Гилби (впрочем, здесь не обошлось без свойственного ему внутреннего обаяния) как о милом и умном молодом мужчине. Его рассказ о происшедшем в Эркани был живым, хотя местами, как выразился бы Иниас, «с перегибами», но в целом уверенным и четким. Я невольно отметил про себя, что в случае необходимости в моем распоряжении окажется превосходный свидетель. Но еще большим везением я посчитал тот совершенно неожиданный факт, что во время пребывания в Эркани он вел дневник. Он великодушно и сразу передал его мне для ознакомления, что я не замедлил сделать. Вот почему ниже я стану описывать только то, что случилось после его заключительной записи.

Слабоумный юноша из Эркани – или «недоумок» на жаргоне местных жителей, – как и предсказывал Гилби, добрался до Кинкейга на рассвете в день Рождества. Причем он дошел до такой степени изнеможения, что потребовалось некоторое время, прежде чем он сумел говорить более или менее внятно. И только между девятью и десятью часами утра были приняты первоначальные эффективные меры. Доброволец вызвался отправиться в Данун, чтобы вызвать доктора, потому что телефонная связь той ночью оборвалась. Но даже если бы с врачом связались быстро, задержка становилась неизбежной. Кратчайший путь в Эркани для доктора Ноубла лежал по льду замерзшего озера Кайли, а на подготовку транспортного средства, пригодного для такого путешествия, ушло несколько часов. Такая же проблема встала и перед органами правопорядка. Констебль из Кинкейга с полным на то основанием сомневался, что сумеет найти дорогу в Эркани без помощи Таммаса. А Таммас нуждался в продолжительном отдыхе. В результате Таммас, констебль и еще два крепких парня из поселка смогли тронуться в путь только после полудня. Настроение у участников похода было далеко не радужное; констебль не произносил этого вслух, но про себя всерьез готовился брать штурмом замок, ставший цитаделью темных сил. И все же, совершив поразительно быстрый марш, они достигли Эркани в начале пятого пополудни. Констебль осмотрел башню и мертвое тело, снял показания, запер все важные помещения на ключ, выпил чаю, после чего стало ясно, что время слишком позднее для рискованного возвращения в Кинкейг в тот же вечер. Однако один из добровольцев отчаянно рвался вернуться немедленно (как подозревал Гилби, у него было назначено важное свидание с девушкой). Он пустился в дорогу один, и ему сопутствовала удача. Уже к девяти часам он благополучно прибыл в городок, куда доставил первые новости о сделанных констеблем предварительных выводах. К тому моменту восстановили телефонную связь, и полицейские в Дануне получили всю доступную тогда информацию. Вероятно, ее предоставила миссис Джонстон – начальница почтового отделения. Тем временем в Эркани прибыл доктор Ноубл, сумевший пересечь озеро по льду. Вместе с констеблем и еще одним добровольцем из Кинкейга ему пришлось провести в замке ночь.

Четверг двадцать шестого декабря – день моего собственного путешествия на север – был ознаменован прибытием старших полицейских чинов и шерифа графства, человека, обожавшего приключения и привлеченного аурой тайны, зарытой в глубоком снегу. До Эркани он добирался через Кинкейг в сопровождении своего помощника, которого, впрочем, бросил на полдороге, достиг замка, сделал записи, объявил, что лично возглавит следствие, после чего удалился, нашел по пути своего помощника уже в критическом состоянии и дотащил на плечах до городка. Затем он съел на ужин невероятное количество блюд, что потом в красках описывали супруги Робертс, расстроил миссис Робертс, выпив полторы бутылки скверного кларета, и уехал наконец в Данун, пообещав прислать назавтра целую армаду снегоуборочных машин. Признаюсь, что эта часть моего повествования не имеет прямого отношения к описанию трагических событий. Зато читатель получит более четкое представление о работе правоохранительной системы в этой части Соединенного Королевства.

Затем Гилби объяснил, каким образом оказался в городке этим утром. Среди нагромождения прочих вещей в маленькой спальне башни он обнаружил пару лыж, припомнил, что дорога в сторону Кинкейга должна идти в основном под гору по поросшим не слишком густым лесом склонам, и убедил полицию разрешить ему воспользоваться возможностью. Поход оказался трудным, но закончился вполне благополучно, а у него, как мимоходом заметил Гилби, развился просто зверский аппетит. Ему оставалось только сожалеть, что не нашлось второй пары лыж для моей истинной клиентки – мисс Сибилы Гатри. Новая владелица Эркани ожидала прибытия советника по юридическим вопросам с огромным нетерпением.

Но как только я собрался отказаться от похода, обещавшего стать чрезмерно тяжким для человека моего возраста, прибыли обещанные снегоуборочные агрегаты, вызвав на главной улице городка новое оживление. Два современных мощных грузовика миновали нас с ревом двигателей и удалились в сторону Эркани. Хорошо, что я не отпустил на ночь своего шофера, и нам оставалось лишь сесть на удобные сиденья, чтобы в комфорте и без малейших неудобств последовать за снегоочистителями. Мне уже доложили, что тело собирались перевезти в город сегодня же вечером, а расследование оперативно провести в доме священника непосредственно перед похоронами, и потому я счел крайне важным добраться до замка как можно скорее. Мне предстояло выслушать поручения клиента, провести анализ и сделать собственные выводы, чтобы затем с уверенностью принять участие в процедуре слушаний по делу. Гилби чувствовал себя хранителем маяка, который выстоял в бурю, передал свои полномочия сменщику, а теперь с чистой совестью налегал на овсяное печенье и мармелад. Мне стоило некоторых усилий убедить его снова тронуться в путь, и мы выехали в сторону Эркани вскоре после половины десятого утра. Мы уже собирались покинуть «Герб», когда ко мне подошла миссис Робертс и спросила не без явной личной заинтересованности, не смогу ли я хотя бы кратко побеседовать с одним человеком? Это был тот, у кого спряталась от призрака миссис Макларен – обувной мастер Эван Белл. Я не мог найти благовидного предложения, чтобы отказаться от встречи. Гилби сделал вид, что ему необходимо запастись в дорогу табачными изделиями, и на время удалился. А меня провели в частную гостиную, где уже ждал посетитель.

Надеюсь, мистер Белл не сочтет это нескромным, если я опишу вам его как человека надежного и в чем-то поразительного. Атлет, ближе к старости занявшийся профессией одного из библейских патриархов – так я бы нарисовал читателям образ, представший передо мной. Размах его плеч подошел бы скорее молотобойцу-кузнецу, нежели сапожнику; в доброжелательных чертах лица угадывалась суровость одного из столпов местной церкви, какую любил отображать в карандашных набросках Уилки³⁶. Он приветствовал меня цере-

³⁶ Дэвид Уилки – шотландский живописец (1785–1841).

монным поклоном и сказал, что, насколько ему известно, мне поручено участие в разбирательстве по поводу печальных событий в замке.

– Мистер Белл, я вызван сюда, чтобы стать советником по юридическим вопросам для мисс Гатри. Как вам, вероятно, известно, эта американская леди находилась в замке на момент гибели мистера Гатри.

– И она, несомненно, приходится родственницей покойному лорду?

Я еще раз внимательно пригляделся к мистеру Беллу. Он по-прежнему производил впечатление весьма серьезного пожилого человека, явившегося ко мне не просто для удовлетворения своего праздного любопытства.

– Мисс Гатри действительно состояла с покойным в близком родстве, а сейчас претендует на его наследство, то есть на все поместье в целом.

Эван Белл вновь низко склонил передо мной голову.

– Но меня к вам привело не это, мистер Уэддерберн, а озабоченность судьбой двух человек, покинувших замок. Мисс Мэтерс и юноши по фамилии Линдсей. Меня волнует, что если смерть бывшего владельца Эркани сочтут не просто несчастным случаем, их исчезновение могут неверно истолковать и каким-то образом связать с его гибелью.

– Время их бегства действительно представляется весьма странным обстоятельством в этом деле.

Собеседник тщательно взвесил смысл, который я вложил в свое весьма осторожное высказывание, и проговорил:

– Я пришел к вам, чтобы сообщить: они покинули замок, получив на это благословление лорда.

– Ваше заявление представляет для меня интерес, мистер Белл. Могу я предложить вам выпить что-нибудь, предохраняющее от превратностей погодных условий?

С суровым выражением лица, которое скорее могло предполагать отказ, мистер Белл согласился выпить стаканчик спиртного. Напиток был вскоре принесен нам миссис Робертс, и, боюсь, она с таким же неодобрением начала теперь относиться к юристам, с каким отнеслась к шерифу, так полюбившему ее кларет. Мистер Белл произнес над своим бокалом несколько церемонных слов, прежде чем отпил глоток и протянул мне письмо, полученное им от Кристин Мэтерс, содержание которого приведено выше. Я внимательно прочитал его дважды и лишь потом произнес свой вердикт:

– Это очень важный документ, мистер Белл. Не сомневаюсь, что вы уже ознакомили с ним полицию, не так ли?

– Я подумал, что сначала лучше согласовать свои действия с таким опытным человеком, как вы, мистер Уэддерберн.

– Правильное решение, но вам тем не менее следует предъявить письмо полиции еще до начала официального следствия. А сейчас мне бы хотелось услышать от вас подробный отчет о том, при каких обстоятельствах это послание было вами получено.

Мистер Белл коротко передал мне суть своего разговора с Кристин Мэтерс, полностью приведенного по ходу нашего совместного повествования. На меня произвели большое впечатление не только изложенные факты, но и их интерпретация, к которой склонялся обувной мастер из Кинкейга. Если последний разговор Гатри с Линдсеем в башне действительно не был попыткой лорда откупиться от нежелательного жениха, а напротив, стал последним благословением перед их добровольным и совместным уходом из замка, тогда спокойный тон их беседы, о котором говорила мисс Гатри, казался совершенно естественным. И выглядело вполне правдоподобным, что такой неуравновешенный человек, как Рэналд Гатри, не сумел все же окончательно смириться с решением добровольно отдать племянницу в руки злейшему врагу и покончил с собой опять-таки в полном соответствии с мнением мисс Гатри.

Но непросто было отмахнуться и от аргументов, свидетельствовавших против Нейла Линдсея. Его всем известная давняя вражда с Гатри, появление на лестнице башни всего через минуту после падения лорда с балкона, взломанный ящик бюро, его поспешное бегство с мисс Мэтерс: этого вполне могло хватить, чтобы выдвинуть против него обвинение. Если разобраться, то защитой ему служило прежде одно только категорическое заявление моей клиентки мисс Гатри, что он ушел, оставив Рэналда Гатри живым и невредимым в своем кабинете. А теперь ее слова, показания Белла и текст письма в совокупности значительно улучшали его положение, поскольку свидетельствовали, что сложности, связанные со сватовством Линдсея, были почти полностью преодолены, а разногласия улажены, и именно финальную стадию переговоров наблюдала около полуночи из своего укрытия на балконе мисс Гатри. При этом не приходилось сомневаться, что те, кто попытается возложить вину на Линдсея, представят письмо как часть преднамеренного сговора против мистера Гатри, но поскольку это все же казалось маловероятным, я не стал пока обдумывать деталей и обратился к другому бросившемуся мне в глаза аспекту дела.

– Мистер Белл, нам придется рассмотреть крайне необычную ситуацию. Из письма мисс Мэтерс следует, что ей было предложено незаметно для всех собраться и покинуть замок в Рождество, а это подразумевает не слишком доброе к ней отношение и делает ее отлучку подобием позорного бегства. Ей с ее будущим мужем ничего не оставалось, кроме как эмигрировать, чтобы навсегда исчезнуть из жизни мистера Гатри. Это жестокое и странное решение станет подтверждением более чем эксцентричного поведения покойного. Но нам следует заранее обдумать, почему их уход был запланирован глухой ночью, причем в жутчайших погодных условиях? Трудно даже поверить, что эта молодая пара сумела куда-либо добраться и остаться в живых.

Белл снова кивнул и некоторое время хранил молчание. Потом дал ответ на последний из поднятых мной вопросов:

– Они были морально готовы воспользоваться любым представившимся шансом, пусть даже в самый разгар снежной бури. Но вам еще только предстоит узнать, мистер Уэддерберн, что сила ветра значительно ослабла спустя всего несколько минут после их ухода, и свет луны стал пробиваться сквозь тучи. Линдсей – крепкий и закаленный молодой человек – в таких условиях мог без особых затруднений доставить возлюбленную к своей семье в Мерви. А на следующий день отбыть в Данун и дальше по намеченному плану.

– А вы слышали, чтобы их кто-то заметил в Дануне?

– Нет, этого я не могу подтвердить. Но у местного населения хватало своих забот и хлопот, чтобы не обратить на них внимания. А что до того, как лорд заставил их покинуть замок тайком и в ненастную полночь, то здесь вы правы – это подтверждает, насколько черным чувством юмора обладал этот человек.

– Вы считаете, он действительно поступил подобным образом?

– Да, считаю.

– И потом лорд впал в такое отчаяние, что решил покончить с собой?

– Представляется вероятным, что к подобному выводу неизбежно придет следствие, мистер Уэддерберн.

Я бросил на Эвана Белла пристальный взгляд.

– Тогда как вы объясните исчезновение золота?

Он был откровенно поражен.

– Какого золота, сэр? Мне об этом ничего не известно.

– Ящик бюро в углу кабинета, как мне сообщили, был взломан, а хранившееся в нем золото изъято.

– Этому не так сложно найти объяснение, как вам кажется, мистер Уэддерберн. Как вы могли заметить, Кристин упоминала, что Гатри обещал передать ей определенную сумму

денег. Причем ее собственных денег. А что же до взломанного ящика, то лорд обладал взрывным темпераментом. Вам непременно расскажут, как в порыве беспричинной ярости он некоторое время назад изрубил на куски дверь вместо того, чтобы попытаться открыть ее.

Предположение, что Гатри сам взломал ящик и отдал деньги для мисс Мэтерс, как я не преминул заметить, расходилось с заявлением мисс Гатри, что ни сам лорд, ни Линдсей за все время беседы в башне не приближались к месту, где располагалось бюро. Мне снова приходилось рассматривать гипотетическую последовательность событий, связь между которыми могла считаться скорее воображаемой: последнее и обставленное необычно прощание, смертельное падение отчаявшегося человека с огромной высоты почти в тот самый час, когда, как принято считать, на землю снисходят мир и братство между людьми... И я понял, что глубоко не удовлетворен.

Поднявшись, я сказал:

– Мистер Белл, я должен отправляться в Эркани. Мне пока слишком мало известно, чтобы выносить какие-либо суждения. Но я премного вам благодарен за приход ко мне. Вы – один из важных свидетелей, и мы еще обязательно встретимся сегодня ближе к вечеру.

– Но все же, как вы считаете, мистер Уэддерберн, полиция докажет факт самоубийства?

– Я считаю, что полиция или любые другие органы власти должны прежде всего найти Линдсея и мисс Мэтерс. Что же до вашего вопроса, то истина пока остается тайной. Между прочим, вы можете что-то мне сообщить о человеке по фамилии Гэмли? Он первым обнаружил тело мистера Гатри на дне рва.

– Когда-то он арендовал домашнюю ферму при замке, но покинул насиженное место после разговора с лордом.

– Тяжелого разговора, насколько я понимаю?

Белл улыбнулся.

– Вам едва ли удастся найти хотя бы одного человека в наших краях, у кого не состоялось бы в свое время тяжелого разговора с Гатри из Эркани. О нем мало кто скажет доброе слово. Но, как мне представляется, Гэмли едва ли замешан в этой истории. Он, вернее всего, пришел вместе с Линдсеем и дожидался, чтобы помочь с уходом из замка. Они давно знакомы и крепко сдружились.

На этом мой разговор с Эваном Беллом закончился. Я присоединился к Гилби, с триумфом вернувшемуся от бакалейщика, где он купил жестянку с табаком фирмы «Джон Коттон», и мы вышли на морозный утренний воздух к машине. Поверх ее крыши были привязаны лыжи, пакеты с заказами от миссис Хардкасл водитель уложил на сиденье рядом с собой, и мы тронулись в сторону замка Эркани, вызвав оживленное любопытство обитателей Кинкейга. Как доверительно сообщила мне миссис Робертс, в городке не творилось ничего подобного со времени приезда медиков, то есть тех незадачливых психиатров из Лондона, которые навестили лорда два года назад.

– Мистер Гилби, – спросил я, пока наш автомобиль осторожно двигался по дороге, расчищенной снегоуборщиками, – насколько я понимаю, труп Гатри не подвергался никакому постороннему воздействию?

Последние слова я произнес несколько нерешительно.

– Что вы имеете в виду? Мне не совсем ясен смысл вопроса.

– Понимаете, по Кинкейгу ходит слух, что мстительный Линдсей якобы отрубил Гатри несколько пальцев на руках.

Гилби на секунду замер, прекратив набивать табаком свою трубку.

– Знаете, мне порой кажется, что шотландцы...

– Кровожадный народ?

По всей видимости, мой молодой спутник уже поспешил записать меня в разряд людей, неизменно сдержанных в выражениях. И потому я не без удовольствия заметил, как он чуть

не подскочил на сиденье, услышав столь недвусмысленную формулировку, вертевшуюся на языке у него самого.

– Я только хотел сказать, – продолжил он затем, – что это народ, предрасположенный к зловещим историям. Пальцы у Гатри целы. Зато пропало его золото.

– Я уже осведомлен об этом... Послушайте, мне определенно следует представлять интересы именно мисс Гатри?

– Да, если вы будете так любезны.

– Что ж, хорошо. Тогда позвольте привлечь ваше внимание к тому факту, что вы дали показания, находящиеся в явном противоречии с заявлением моей клиентки. – Я постучал по первой странице дневника Гилби, который все еще держал на коленях. – Мисс Гатри утверждает, что не заметила никаких признаков враждебности между лордом Гатри и Линдсеем. Они пожали друг другу руки и мирно расстались. Более того, она охарактеризовала поведение Линдсея как спокойное и доброжелательное. Между тем, если верить вашим записям, то, увидев Линдсея всего минуту спустя, вы посчитали его «живым воплощением страсти». Подобное расхождение в показаниях может сыграть негативную роль на следствии. Вы уверены, что не обманулись в том своем впечатлении?

– Уверен, – сказал Гилби, причем теперь в его ответе звучала убежденность в правдивости своих слов, но уже с некоторым оттенком сомнения, следует ли на ней настаивать.

– У мисс Гатри было достаточно времени для наблюдения. Вы же признаете, что Линдсей предстал перед вами «на секунду, не более». Вам не кажется, что при подобных обстоятельствах скорее могли прийти к ошибочным выводам вы, нежели она?

Мне показалось важным подпустить в разговоре с этим несколько легкомысленным молодым человеком тот суровый тон, в котором неизбежно будет проводиться допрос свидетелей при расследовании. Он, однако, оказался готов к этому и отвечал серьезно и прямо:

– Такая вероятность, по всей видимости, не исключена, мистер Уэддерберн. Тем не менее я считаю, что едва ли мог ошибиться.

Думаю, именно в этот момент я окончательно пришел к выводу (пусть только предварительному), что на самом деле произошло в Эркани. И мое умозаключение, как сразу стало ясно, ставило меня же в весьма щекотливое положение. Поэтому я сменил тему:

– Теперь, мистер Гилби, о том, что касается человека по фамилии Хардкасл. Вы в данном случае выглядите свидетелем с заведомо предвзятой точкой зрения, вам не кажется? На основании записей в вашем дневнике появится основание утверждать, что вы отнеслись к нему враждебно с того момента, как он не слишком гостеприимно встретил вас в дверях замка.

Гилби лишь коротко бросил в ответ:

– Подождите и скоро все поймете сами.

– И вы склонны считать, что в этом деле у него имелись какие-то свои потаенные мотивы?

– Он определенно что-то затевал. Гатри ведь не передавал мне через него никакого сообщения.

– Это так, если верить показаниям мисс Гатри.

С неожиданным пылом Гилби воскликнул:

– Сибила говорит правду!

– Надеюсь, вы не полагаете, что я считаю иначе? Но вы можете хотя бы предположить, с какой целью Хардкасл передал вам ложное сообщение?

– У меня возникло только одно подозрение. Это был глупейший, но злонамеренный акт в отношении хозяина. Пока мы поднимались по лестнице, он несколько раз споткнулся, и мне даже показалось, что он пьян и не полностью отдает себе отчет в своих действиях. Думаю, он не только мерзавец, но еще и горький пьяница.

– Но все же не человек, способный придумать сложную и хитроумную схему обмана? Гилби покачал головой.

– Он пронырлив и хитер, это точно. Но едва ли в состоянии просчитать хоть что-то на два хода вперед.

– Еще один важный момент. Вы сочли, что Гатри был не в своем уме? И подобное впечатление сложилось у вас еще до того, как Хардкасл рассказал вам о визите врачей, приехавших проверить его душевное здоровье пару лет назад, верно?

– Я понял, что он безумен, чуть ли не с первых минут знакомства. Но только вы должны понять, сэр, что я употребляю подобные выражения лишь в самом широком смысле. Мне, например, не кажется, что его душевное расстройство могло квалифицироваться как безумие с точки зрения медицины. Едва ли. Вернее, он словно бы живет в тени чего-то ужасного, что ни один человек не смог бы выносить и оставаться нормальным. Его что-то надломило, раздробило личность на фрагменты. Его свели с ума, как фурии сводили с ума героев, устраивая на них охоту.

Я вынужден был взглянуть на своего собеседника с новой точки зрения.

– Очень точное сравнение, мистер Гилби. Вот почему я всегда выступал против реформы образования в нашей стране и отстаивал необходимость крепкого фундамента просвещения, каким является античная классика.

3

Дороги от Дануна до Кинкейга и от Кинкейга через долину Эркани до одноименного замка вместе с одним из удлинённых берегов озера Кайли образуют нечто вроде равнобедренного треугольника. В центре его высится громада горы Бен-Кайли, обрамленная с юга более приземистым массивом Мерви, вдоль которого проходит долина Мерви, упирающаяся в труднопроходимый перевал Мерви. Подобная панорама, открывавшаяся справа от нас по мере продвижения вперед – одна девственно заснеженная вершина за другой, устремленные в залитое зимним солнцем бледно-голубое небо, – не могла не вызывать у людей прошлого возвышенных мыслей и самых светлых душевных порывов. Последний отрезок нашего путешествия проходил в молчании, нарушенном лишь моим невольным восклицанием, когда за очередным поворотом открылся вид на замок позади озерного залива. Впрочем, как исторический архитектурный памятник он едва ли мог иметь выдающееся значение. К тому же пристройки, возведенные в семнадцатом веке, сгладили, хотя и не уничтожили полностью его суровый средневековый облик. Но он с первого же взгляда производит впечатление некой темной силы, одинокий, словно монстр, прячущийся от людей среди лесной глуши и снегов. Меня, должно быть, менее поразило бы внезапное появление на горизонте легендарного, но ныне разрушенного замка Тинтагель. Особенно впечатляюще смотрелась главная башня – массивная, но невероятно элегантная и величественная, построенная не столько для обороны, сколько для наблюдения за окрестностями. Даже глядя на ее потрясающие очертания издали, я понял, почему Гилби посчитал, что упавшего с вершины человека ждет неминуемая гибель.

Мы переехали через подъемный мост и остановились посреди главного двора. Молодой Гилби радостно объявил:

– Ну, вот мы и дома!

И помог мне выбраться из автомобиля.

Подобно незванным гостям несколько ночей тому назад, я тоже сразу же не мог не обратить внимания на собак, которых держали в нескольких крепких клетках в дальнем конце двора. Свое недовольство нашим прибытием они выражали самым недвусмысленным образом. Затем я перевел взгляд на пожилую и с виду совсем дряхлую женщину в шали и высоких

зимних сапогах, поспешно ковылявшую в нашу сторону с весьма взволнованным видом. На мгновение я даже испугался, не ждет ли нас сообщение о еще чьей-нибудь смерти, но она лишь спросила с нетерпением в голосе:

– Вы привезли отраву? Вы же не могли запомнить о моей нижайшей просьбе, мистер Гилби, сэр!

– Нет, конечно. Все здесь, миссис Хардкасл. – И Гилби подал ей свертки, лежавшие на переднем сиденье.

Она собиралась удалиться так же торопливо, как пришла, но вдруг заметила присутствие незнакомца и не без некоторого вреда для своих больных суставов изобразила для меня подобие книксена. Гилби довершил формальности:

– Мистер Уэддерберн – миссис Хардкасл. Прошу любить и жаловать.

– Сэр, – сказала она, – вам лучше из первых уст узнать то, что уже ведомо мистеру Гилби. В Эркани просто проходу не стало от крыс. – Она похлопала по упаковке одного из пакетов, но при этом встревоженно огляделась по сторонам. – Но только я терпеть больше не стану! Я уже старуха и хочу спокойно почивать по ночам. – Она понизила голос до хриплого шепота, потому что у собачьих клеток появилась фигура мужчины. – Но моему мужу ни слова! Он злобный и коварный. Натравливает их на меня.

– Натравливает собак, миссис Хардкасл?

– Крыс!

И, спрятав пакеты под шалью, миссис Хардкасл поспешила уйти. Я повернулся к Гилби:

– Это тот самый Хардкасл бродит рядом с псарней? Думаю, мне надо с ним переговорить, прежде чем мы войдем в дом.

И я пересек двор. Управляющий покойного лорда бросал собакам весьма скромные порции корма, не переставая поругивать при этом от всей души:

– Цезарь! Лежать, сволочь! – донеслось до меня. – Лежать, слышишь, ты, образина!

Я приблизился по снегу бесшумно и незаметно и сказал самым любезным тоном, но прямо в ухо:

– Что-то уж больно костлявые они у вас, мистер Хардкасл.

Он резко обернулся и подозрительно оглядел меня с ног до головы. При чем подозрения его вызвала вовсе не ирония, отчетливо прозвучавшая в моих словах. Его омерзительная натура, какой описал ее Гилби, становилась очевидна действительно с первого взгляда. Но это не был уверенный в себе мерзавец; складывалось впечатление, что ему как раз очень не хватает решительности и самонадеянности.

– Ну и что с того? – мрачно спросил он, не зная, как еще реагировать.

– Стало быть, вот это Цезарь? Что ж, ему бы не помешало добавить к каше кусок хорошего сырого мяса. А теперь не считите за труд, мистер Хардкасл, покажите нам Доктора.

Хардкасл указал на лежавшего в сторонке пса.

– Вон тот.

– В самом деле? Тогда пусть покажет себя во всей красе. Доктор! Эй, Доктор!.. Знаете, мистер Хардкасл, похоже, ваш Доктор глухой.

Хардкасл даже просиял, получив подсказку.

– Точно, глух, как пень.

– Вот странность. Глухота у такой молодой собаки – нечто необычное. Но, быть может, вы обознались? Нам нетрудно будет провести тест и найти нужного зверя.

– Идите вы к дьяволу! – рявкнул на меня Хардкасл. – Оставьте собачек в покое.

– Разумеется. Как пожелаете. Скажу честно, мой интерес к вашим псам уже исчерпан. Глухие и немые – отличные свидетели, доложу я вам. Дело в том, что я – адвокат мисс Гатри, новой владелицы замка. Буду весьма признателен, если вы отведете меня к ней.

Оценка личности управляющего, данная Гилби, отметил я про себя, оказалась поразительно точной. Лукавый негодяй, чьей хитрости, к счастью, хватало ненадолго и не на многое. Не скрою, я почувствовал удовлетворение, поняв, как четко он вписывается в картину событий кануна Рождества, постепенно вырисовывавшуюся передо мной. Конечно, картина эта была еще далеко не полной, и коли прибегать к сравнению с головоломками Гатри, о которых я уже знал, то лишь главные фрагменты сейчас встали на свои строго определенные места. Но и этого хватало, если только я не слишком сильно ошибался, чтобы разглядеть очертания любопытнейшей ситуации. Неизбежно оставалось пока множество смутно различимых деталей, требовавших более полного и тщательного расследования. Но здесь мне следует соблюдать осторожность. Я приехал в Эркани в роли профессионального юриста. И читатель может удивиться, почему, едва ступив за порог замка, я сразу взял на себя чуждую мне и не слишком, на мой взгляд, почетную миссию частного сыщика.

Когда я вошел в главный вестибюль, мне навстречу вышел мужчина в мундире офицера полиции и представился инспектором Спейтом. Он пригласил меня в небольшую и почти пустую комнату, в которой устроил для себя нечто вроде штаба. Я мог бы, следуя процедуре, потребовать встречи с клиенткой еще до начала своего общения с полицией, но не увидел в том особой необходимости и принял приглашение. Инспектор Спейт произвел на меня впечатление человека грамотного и вдумчивого, а потому показалось полезным продемонстрировать ему, что я до известной степени владею необходимой информацией. Поэтому после обмена светскими условностями я сразу же спросил:

– Как я полагаю, вы уже разыскали Гэмли?

– Да, с этим проблем не возникло. Его привлекут к следствию позже сегодня днем.

– И не сомневаюсь, вам удалось напасть на след молодых людей, покинувших замок по велению покойного мистера Гатри?

– По его воле? Вот об этом мне ничего не известно, сэр.

– Этот факт неизбежно всплывет, инспектор. И, как можно предположить, ему придадут весьма серьезное значение. Интересно, куда они могли направиться?

Полицейский покачал головой.

– Как ни странно, мистер Уэддерберн, но мы пока ничего о них не слышали. Однако это меня не удивляет: у них есть веская причина поглубже залечь на дно.

– Кто знает, инспектор, кто знает. Вполне возможно, что после смерти мистера Гатри необходимость в поспешном и скрытном бегстве для них отпала. Мне такой вариант представляется вполне допустимым.

– С вашего разрешения, мистер Уэддерберн, мне это кажется глубоко ошибочным взглядом.

– В таких делах многое зависит от того, с какой точки вы свой взгляд бросаете, верно? Как я понимаю, у вас есть основания считать, что молодой мистер Линдсей совершил преступление?

Я все рассчитал безукоризненно, положившись на раздражение, глодавшее инспектора Спейта изнутри и до поры не прорывавшееся наружу. Теперь же он резко сказал:

– Парень сбросил Гатри, и тот разбился насмерть. У меня в этом нет ни малейших сомнений.

– Допустим, что так, инспектор. Но, по моему мнению, выносить вердикты еще рановато. Могут существовать доказательства, прямо опровергающие вашу точку зрения.

– Конечно, есть еще мисс Гатри.

Стало быть, мисс Гатри уже рассказала полиции о том, чему была свидетелем. Я поднялся.

– Вот именно, инспектор, и, думаю, мне настало время встретиться с клиенткой.

Полицейский сделал протестующий жест.

– Вам не следовало бы сейчас разговаривать с ней, сэр. У меня вызывают большие сомнения показания, данные нам этой молодой леди. Мне понятно, что с ней произошло. Испуганная и сбита с толку девушка, оказавшаяся посреди бушевавшей вокруг башни бури, невольно проигнорировала злой умысел в происшедшем. – Инспектор сделал паузу. – Но если дать ей время успокоиться, ее воспоминания станут более четкими.

Мне пришлось напомнить себе, что инспектор производил впечатление человека отнюдь не глупого. И на мгновение мелькнула мысль: уж не пытается ли он со мной хитрить? Ведь мисс Гатри не только необъяснимым пока образом попала на вершину башни, откуда упал и разбился насмерть хозяин. Как выяснилось, она оказалась еще и наследницей покойного. Но Спейт и намеком не показал, что видит всю деликатность подобной ситуации.

– Значит, если я правильно понял, инспектор, это мог быть только Линдсей и никто другой?

Спейт ответил энергичным кивком.

– Застарелая вражда семей, новая ссора, растерянный и ненадежный свидетель, вломанное хранилище золота. Что вам еще требуется?

– Только пальцы, отрубленные у трупа.

Инспектор выкатил на меня глаза.

– Так вы уже и об этом слышали? Да, каких только вздорных сплетен не распускают у нас в провинции. Но не надо принимать в расчет дурацких пересудов, мистер Уэддерберн. Нас с вами интересуют только реальные факты.

– Своевременное напоминание, инспектор. Я часто слышу эти слова в зале суда из уст моего друга лорда Кланклакета. Но мне уже ясно, что вы не видите никаких реальных фактов, которые бы указывали в ином направлении, не так ли?

Инспектор Спейт самодовольно улыбнулся:

– Так и быть, мистер Уэддерберн, я открою вам кое-что из своих умозаключений. Молодая американка не могла сама совершить этого преступления. Есть такая вещь, как интуиция опытного криминалиста. Тридцать лет стажа дают мне право не тратить впустую время, отработывая подобную версию. Девушка – личность положительная и глубоко мне симпатичная.

– Мне едва ли стоит благодарить вас за столь лестное мнение о моей клиентке. Впрочем, Нейл Линдсей тоже может оказаться личностью положительной и глубоко симпатичной.

Спейт ухмыльнулся.

– У нас будет достаточно времени на принятие решения, когда мы его схватим. Но повторяю: убежден, что это мог сделать только он. И мне почему-то кажется, что в глубине души вы со мной согласны, сэр.

– Нет, инспектор, не согласен. Я не обладаю вашей интуицией опытного криминалиста. Но придерживаюсь иной позиции.

– Мне было бы крайне любопытно ознакомиться с ней, мистер Уэддерберн.

– Если, как мы все надеемся, следствие начнется в заявленное время, вы ознакомитесь с ней заодно с шерифом. Однако, как я уже сказал, еще не пришло время выносить поспешные вердикты.

4

Мисс Гатри дожидалась меня в помещении, на протяжении всего нашего повествования именуемом учебным классом. Она сразу поразила меня сочетанием женственной элегантности и той кипучей энергии, которая придает многим ее образованным соотечественницам труднообъяснимый шарм. И я подумал, что, назвав ее «личностью положительной и

симпатичной», инспектор Спейт продемонстрировал не только точность своих формулировок, но и неожиданно утонченный вкус. Настроена она была на деловой лад. Я догадывался, что мисс Гатри имеет некоторое элементарное представление о юриспруденции, но тем не менее посчитал нужным сказать ей несколько слов о том, как обычно складываются взаимоотношения между адвокатом и клиентом в нашем островном государстве. Она выслушала меня с глубочайшим и уважительным вниманием – читатель не должен думать, что я не знаю за собой склонности к некоторой помпезности в подобных случаях, – а потом мы с комфортом расположились на диване. Мисс Гатри была при этом столь добра, что ответила согласием на мою просьбу разрешить мне выкурить трубку.

– До сего момента, – сказал я, – мне удалось побеседовать только с неким мистером Беллом, нашим другом мистером Гилби, который дал мне наиболее полные показания, причем как в устном, так и в письменном виде, и с Хардкаслами. Характеристика, данная Хардкаслу Гилби, представляется мне весьма близкой к реальности.

– Да, Ноэл – весьма способный молодой человек, – коротко отреагировала на это мисс Гатри.

– Несомненно. Он также создал нечто вроде вашего портрета, отметив черты характера в письме к своему близкому другу.

С чуть натянутым безразличием мисс Гатри бросила:

– Ах, вот даже как?

– Ему, в частности, показалось, что вы не склонны к романтизму.

– Это несправедливо со стороны Ноэла. Все хорошие девушки – романтические натуры.

Я улыбнулся:

– Но только некоторые это тщательно скрывают.

Сибилла Гатри прикурила сигарету и спросила:

– Мистер Уэддерберн, вы считаете, что нам именно с этого следовало начать обсуждение нашего дела?

– Да, – серьезно ответил я, – мне представляется правильным такой изначальный подход к нему.

– Очень хорошо. Итак, я романтическая девушка, и Ноэл ошибся. Быть может, вы теперь объясните, почему пришли к подобному выводу?

– Вспомните хотя бы, каким образом вы проникли в Эркани, мисс Гатри. Мистер Гилби, оказавшийся вовлеченным в ваш план и имевший возможность близко наблюдать за его осуществлением, остался под большим впечатлением от его продуманности и эффективности. Но для человека, который, подобно мне, имеет возможность рассмотреть вопрос со стороны, более всего бросается в глаза романтическая составляющая дела. Как я догадываюсь, вы уже имели на руках документы, свидетельствующие о том, что мистера Гатри невозможно было бы официально признать умалишенным и недееспособным. Таким образом, ваш личный тайный визит сюда не имел никакого практического смысла. Но вас манила волнующая кровь ситуация. Романтика и адреналин – вот что руководило вами в попытках осадить замок и взять его, если не приступом, то хитростью. Вы даже не побоялись послать весьма красноречивую телеграмму своему американскому юристу, находившемуся в Лондоне. Какие цели вы при этом преследовали? Отстаивали семейные интересы? Ничуть. Вы попросту искали приключений, причем вам нужно было придать им хотя бы видимость опасности для остроты ощущений. И для подобной цели очень подходила эксцентричная фигура мистера Гатри. Ноэла Гилби настолько поразила ловкость ваших действий, что он полностью упустил из вида ваш главный мотив. А это романтика чистейшей воды.

Мисс Гатри пустила между нами тонкую струйку сигаретного дыма.

– И какой же вывод отсюда следует, по вашему мнению, мистер Уэддерберн?

– Я лишь задался вопросом, не могли ли те же романтические импульсы заставить вас слегка подкорректировать рассказ о том, чему вы стали свидетельницей в башне?

– Вы намекаете, что Рэналд Гатри вовсе не покончил с собой?

– Напротив, я уверен в его самоубийстве. Поверьте, если бы я посчитал, что ваш рассказ об увиденном, изложенный мистером Гилби, насквозь лжив, я бы ни за что не согласился представлять ваши интересы как юрист. А сейчас, мисс Гатри, нам было бы лучше продолжить эту предварительную консультацию непосредственно на месте трагического происшествия.

– Вы говорите о башне? А нужно ли? Мне теперь ненавистна сама мысль о ней.

– И все же я считаю, что если вы окажете мне такую любезность и мы не столкнемся с возражениями полиции, то это может оказаться весьма полезным.

Мой новый приятель инспектор Спейт находился в благодушном настроении и без лишних разговоров передал ключи от дверей на лестницу и от личного кабинета покойного. Вместе с мисс Гатри мы совершили требующее изрядных усилий восхождение. Войдя внутрь, я стал осматриваться с неподдельным любопытством. Всего в нескольких футах от двери, через которую мы попали в кабинет, располагалась, вероятно, та самая дверь в небольшую спальню. Примерно в центре стены слева находилась похожая на французское окно дверь на балкон. Посреди комнаты стоял квадратный стол, заменявший здесь письменный. И повсюду можно было видеть книги.

Меня поразил дряхлый вид помещения. Я не замечал ни одной вещи, которая ни казалась бы стоявшей на своем месте много десятилетий. Из чего вытекало, что покойный мистер Гатри обладал не только консервативным вкусом, но и не желал тратить на новшества ни единого пенни. Почти без всякой надежды что-нибудь обнаружить, я искал глазами приметы двадцатого или хотя бы девятнадцатого столетия, и совершенно неожиданно нашел искомое в виде стоявшего на столе телефонного аппарата. В недоумении я посмотрел на мисс Гатри.

– Только не говорите мне, что замок подключен к телефонной линии!

– Нет, разумеется, мистер Уэддерберн. Мы не настолько глупы. Этот аппарат, видимо, предназначен для связи с управляющим и с фермой. Хотя в самом замке я второго телефона не видела.

– Примечательная инновация, если учесть скупость бывшего владельца. Как нетрудно предположить, полиция основательно прошлась по всем комнатам, но тем не менее, прежде чем продолжить беседу, давайте проведем здесь свою инспекцию. И начнем с варварски изуродованного бюро.

Предмет мебели, к которому подвела меня моя клиентка, порадовал бы глаз знатока антиквариата, но произвел впечатление совершенно непригодного в качестве сейфа для хранения ценностей. Единственный вместительный выдвижной ящик грубо выломали, но для этого достаточно было бы крепкой отвертки. На дне все еще лежали те несколько мелких монет, о которых упомянул Гилби. Видимо, я устоял на них с рассеянным удивлением, поскольку, угадав мои мысли, мисс Гатри сказала:

– Он, вероятно, считал башню достаточно недоступным местом и потому не нуждался в прочном сейфе.

– Да, пожалуй, вы правы. И все же, не нарочно ли он вводил окружающих в соблазн? Или вы считаете, что тот же Хардкасл был настолько лоялен к хозяину, чтобы устоять перед искушением?

Мисс Гатри в задумчивости наморщила лоб.

– Вы задаете сложные вопросы.

– Вовсе нет.

– Мистер Уэддерберн! – Я не без удовольствия отметил искреннюю обиду в голосе своей клиентки.

И усмехнулся, что неожиданно напомнило мне о близком родстве с Иниасом Уэддерберном.

– В мои планы, милая леди, не входило вас озадачивать. Но самое главное, что никакой загадки здесь вовсе нет. Хотя, должен признать, вы сделали все от вас зависящее.

– А сейчас, мистер Уэддерберн, вы ведете себя непрофессионально, позволяя себе посмеиваться надо мной.

– В таком случае самое время снова стать серьезным и продолжить осмотр. Среди прочих вещей, которые я хотел бы здесь разыскать, числятся стихи Уильяма Данбара.

Боюсь, я чисто по-детски наслаждался, напуская на себя загадочный вид. А потому, повернувшись к книжным полкам, стал без лишних слов искать на них издания Шотландского литературного общества. Впрочем, свои книги Гатри содержал в строгом порядке, и необходимое обнаружилось почти сразу. Когда же я снял со своих мест три тома сочинений Данбара, мне пришлось отряхнуться от пыли, покрывавшей их густым слоем.

– Наш покойный друг был большим знатоком поэзии и помнил собственных любимцев наизусть, – прокомментировал я свои действия. – Ему не приходилось освежать в памяти строчки, глубоко запавшие в душу.

И нашел в оглавлении «Плач о мертвых поэтах».

Ее на поле боя ждет победа.
Солдату предстоит ее изведать.
Ни щит, ни шлем его не сохраняют,
И Смерти страх преследует меня.

Она достанет фермера на пашне
И капитана на высокой башне,
Красавицу младую жалко мне.

Timor Mortis conturbat me...

– Что ж, до капитана, укрывшегося на вершине башни, она действительно сумела добраться. – Я поставил книги на прежнее место. – И у сего факта может существовать только одна интерпретация, не так ли? Но если Гатри не снимал в последнее время с полки любимого Данбара, то давайте посмотрим, что же он все-таки читал, сидя здесь. И я перешел к стопке книг в суперобложках, сложенной на краю стола. В своем разговоре со мной Эван Белл забыл упомянуть о внезапно проснувшемся у Гатри интересе к медицинской литературе, о чем ему самому поведала мисс Мэтерс, и потому я оказался настолько поражен, заметив, что все фолианты на столе имеют отношение именно к этой тематике. «Медицинский синопсис» Летеби Тайди. «Принципы и практика врачевания» Ослера. Учебник патологии Мюира – я крутил книги в руках, не находя пока объяснения их появлению здесь.

– Интересно, – спросил я, – какое место в общей картине нашего дела может иметь изучение медицинских наук?

Мисс Гатри взяла в руки томик Данбара.

– Насчет дела не знаю, но к стихам это относится прямо.

И она прочитала:

Ни врачеватель, ни хирург, ни лекарь,
Ни костоправ, ни умница-аптекарь
Себя не сберегут, других храня,

И Смерти страх преследует меня.

– Очень своевременно подмечено! И если мне будет поинтересоваться, мисс Гатри, то откуда такие познания в средневековой поэзии? Вы окончили университет?

– Да, а что здесь необычного?

– Тогда, быть может, вы имеете и ученую степень? Например, доктора наук?

– Так и есть, мистер Уэддерберн.

– В таком случае есть уверенность, что не вы были тем «доктором», которого ожидал Хардкасл.

Мисс Гатри помимо воли густо покраснела.

– Что за странную чушь вы несете, уж простите за резкость! Конечно же, нет. Он даже не подозревал о моем существовании. И никто не именует себя «доктором Гатри» через много лет после того, как в юности защитил диссертацию.

– Вероятно, вы правы. Что ж, давайте продолжим осмотр. Но как жаль, однако, что дни моей юности ушли в прошлое гораздо дальше, чем вашей.

В кабинете не обнаружилось больше ничего интересного с моей точки зрения. Если не считать книг, здесь присутствовало лишь несколько предметов, проливавших хоть какой-то свет на историю жизни и пристрастия Рэналда Гатри: бумеранг и кожаная сумка, в каких туземцы переносили съестные припасы, напоминали о времени, проведенном в Австралии, а карандашные наброски Бердсли говорили о прежней близости к артистическому миру; коробка с мелкими находками из гробниц пиктов и римлян осталась от увлечения археологией. Я перешел в спальню. Здесь тоже не нашлось ничего достойного внимания. Гатри спал в гораздо более просторной комнате, расположенной непосредственно под этой. И если не считать раскладушки, которую он мог порой использовать для послеобеденного отдыха, спальенка больше напоминала стенной шкаф для ненужных вещей. Сломанное кресло, кипа тряпок и веревок, несколько палок в углу, треснувшее зеркало на стене и сильно потрепанные занавески на узких окнах. Как я понял, большая часть замка Эркани находилась примерно в таком же запущенном состоянии. Уже поворачиваясь, чтобы выйти, я заметил на полу еще одну книгу и поднял ее.

– Снова медицина, мисс Гатри. «Экспериментальная радиология» Ричарда Флиндерса. – Я положил книгу на прежнее место. – Мы здесь благодаря любезности полицейских, и нам лучше оставлять вещи там, где мы их нашли. А теперь, мне кажется, настало время вернуться к нашей беседе.

Когда мы возвратились в кабинет, мисс Гатри приняла уже известную мне по описанию любимую позу, присев на край стола. Для меня же в комнате стоял почти невыносимый холод, и потому я предпочел говорить, непрерывно перемещаясь от одной стены к другой.

– Не сомневаюсь, мисс Гатри, что вам доводилось читать рассказы, где истину устанавливали путем так называемой реконструкции событий на месте преступления. Я прав?

– Да. Но только здесь не было совершено никакого преступления. Вы сами в этом со мной согласились.

– Есть вероятность, что вы не совсем верно меня поняли. Как бы там ни было, давайте сейчас назовем это «событиями в канун Рождества». И я хочу, чтобы вы, не сходя с места, подумали, к каким выводам может прийти полиция, если предпримет реконструкцию вышеупомянутых событий.

– Я не совсем понимаю, к чему вы клоните?

– Это очень просто. Подобная реконструкция камня на камне не оставит от ваших показаний в том виде, в каком они предстают на данный момент. И по очень простой причине. Отчет, который вы дали мистеру Гилби, будучи в целом основанным на реальных фактах,

все же искажен вашими личными пристрастиями и стремлением выдать желаемое за действительное.

Мисс Гатри выпрямилась во весь рост.

– Если вы и в самом деле так считаете, мистер Уэддерберн, то я не думаю...

– Но полиция при этом не будет знать того, что известно мне. А именно: вы ставите себя в сложное и даже опасное положение без особой на то причины. Как мужчина я прекрасно понимаю ваши мотивы, но вот с юридической точки зрения их никак нельзя оправдать. Объясню популярнее. Ваши романтические предубеждения могут только навредить нам. Нужны одни лишь неоспоримые факты.

Мисс Гатри внезапно стала с интересом изучать кончики своих ногтей.

– Хорошо, – наконец произнесла она, – расскажите, пожалуйста, подробнее об этой вашей реконструкции.

– Вообразите, что эта комната освещена всего двумя или тремя свечами. Французское окно закрыто не полностью, снаружи гуляет ветер, задувает внутрь, и свет не только тусклый, но еще и неверный, колеблющийся под порывами сквозняка. Вы стояли за окном и заглядывали внутрь. Много ли вы могли видеть в таких условиях?

– Достаточно многое, хотя свет действительно мигал. Но никакая реконструкция не докажет, что я не видела того, о чем говорю.

– Верно. Но она продемонстрирует всем известный факт: еще никому не удавалось увидеть происходящее за углом. А я сейчас хочу показать вам, что, не просунув голову внутрь, вы не могли сквозь окно видеть обе эти смежные двери – на лестницу и в спальню – целиком и по-настоящему отчетливо. Если хоть одна из них была бы распахнута настежь, вы, несомненно, увидели бы происходившее в проеме. Но если одна или обе двери лишь слегка приоткрывались, в любую из них человек смог бы проскользнуть незаметно для вас. Другими словами, мисс Гатри, в ваших показаниях можно усмотреть нарушение закона: вы пытаетесь выдать свои домыслы за факты. Дверь на лестницу широко открылась, и Линдсей исчез. Распахнулась дверь спальни, и вот вы уже не видите Гатри. Но Линдсей мог секунду спустя протиснуться сквозь узкие щели в обеих дверях, а вы бы ничего не заметили.

Снова опершись на край стола, моя клиентка долго и пристально разглядывала двери.

– Да, – признала она затем, – такое возможно.

– Мне кажется, вам пришлось по душе мисс Мэтерс, так?

– Так.

– А что скажете о молодом мистере Линдсее? Каково ваше мнение о нем?

Мисс Гатри решительно вздернула подбородок.

– Мне он показался очень привлекательным, мистер Уэддерберн.

– Зато у вас сложилось впечатление о своем родственнике как о человеке глубоко вам несимпатичном?

– Определенно.

– Вот теперь положение вещей становится ясным. Вы встали на сторону этих двух молодых людей, чья история воспринималась вами как романтическая, трогательная и красивая, невзирая на последствия. Линдсея от очень серьезных обвинений защищает сейчас только ваша уверенность, что он покинул замок навсегда, когда Гатри был жив и здоров. Таким образом вы преднамеренно придали своим впечатлениям статус твердого знания... Мисс Гатри, полиция уже оформила ваши показания в виде официального протокола?

– Нет. Инспектор Спейт сказал, что займется формальностями позже.

– Спейт очень грамотный полицейский. А потому позвольте настоятельно рекомендовать вам вернуться в своих показаниях к честной и реальной картине увиденного. Если вы этого не сделаете, то дискредитируете себя. А это жизненно важно, чтобы ваше свидетельство воспринималось как достоверное.

– Но, мистер Уэддерберн, я не понимаю... Почему это жизненно важно и для кого?

– Жизненно важно для привлекательного молодого человека, которого зовут Нейл Линдсей.

Моя клиентка снова оставила свою расслабленную позу и приблизилась ко мне, заметно взволнованная.

– Вы должны посвятить меня в ход своих рассуждений, мистер Уэддерберн. Вы просто обязаны это сделать!

– Все очень просто. Мне тысячу раз жаль, что вы не могли действительно в полной мере наблюдать за теми дверями, но это не имеет принципиального значения. По-настоящему важно только произошедшее между Гатри и Линдсеем. А именно об этом-то вы и солгали.

Мисс Гатри мертвенно побледнела и, как мне показалось, ее начала захлестывать волна эмоций, способных привести к прекращению нашего сотрудничества. А потому я поспешил продолжить, но все же не забывая, насколько необходимо, чтобы мои слова прозвучали для нее как можно убедительнее. Только так я мог склонить ее последовать моему совету.

– Вы утверждаете, что Линдсей спокойно удалился. Гилби говорит, что он уходил, обуравый страстями. И в данном случае правда на стороне Гилби. А потому, если мы хотим добиться оправдания Линдсея, следует иметь перед собой ясную картину случившегося. Совершенно очевидно, что нам не обойтись без правдивой истории, то есть той, которую описал Гилби. Теперь вы меня понимаете?

Мисс Гатри прижала ладонь ко лбу и, словно лишившись сил, опустилась на стул.

– Нет, я ничего не понимаю.

– Тогда позвольте вас заверить, что я знаю, о чем говорю – в конце концов у меня почти юридический пятидесятилетний опыт. Нейлу Линдсею ничто не угрожает. Я составил для себя версию, которую не оспорит ни один прокурор. Гатри покончил с собой. Но это еще не означает, что не было совершено преступления. Всего несколько часов назад я считал, что ваши показания об увиденном послужат основой для оправдания Линдсея. Но теперь мне стало понятно: нам нужен всего лишь ваш честный рассказ о том, что произошло в этой комнате. Пожалуйста, предоставьте мне возможность услышать его во всех истинных подробностях.

Мисс Гатри поднялась, подошла к окну и стала всматриваться в снег, словно он мог дать ей подсказку, как себя повести в такой ситуации.

– Мне тяжело довериться вам полностью, – наконец сказала она, снова помолчала и продолжила: – Но я понимаю, что придется сделать то, о чем вы просите.

Она повернулась и вновь заняла привычную позу на краю стола.

– Разумеется, вы правы относительно дверей. Я об этом не догадывалась, но теперь вижу, что они без труда смогут продемонстрировать искажения в моих показаниях с помощью обычного плана комнаты, нанесенного в соответствующем масштабе на бумагу. Я действительно не могла увидеть, как Линдсей проскользнул в спальню, а оттуда на балкон всего на полминуты, которых оказалось бы достаточно, хотя прекрасно знаю – он этого не делал. – Мисс Гатри посмотрела мне прямо в глаза. – Я была твердо уверена, что Линдсей не убивал Гатри. Все остальное вытекало из моей убежденности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.